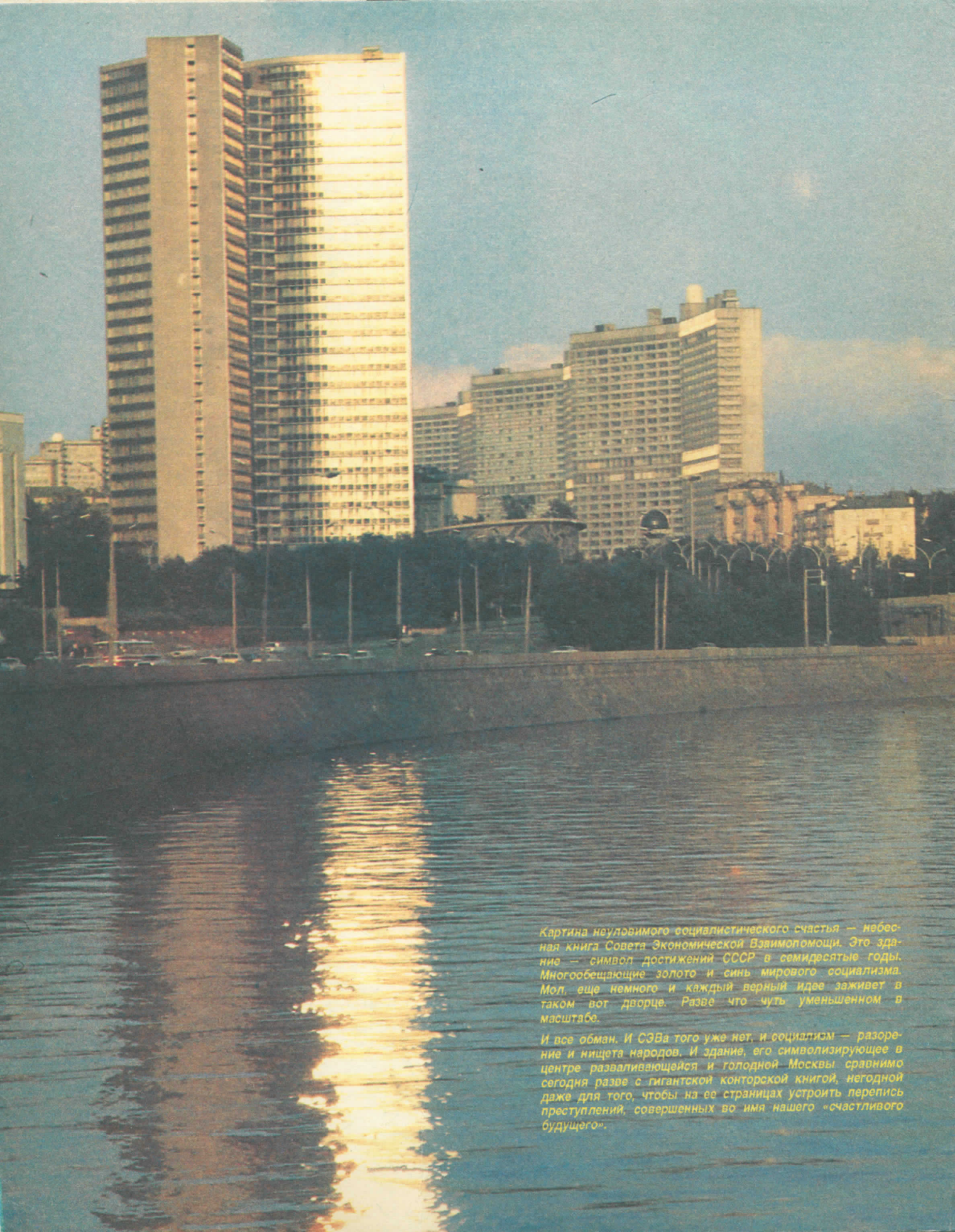

СТОЛИЦА

февраль № 6 (11) 1991 1 руб.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

Картина невозможного социалистического счастья — небесная книга Совета Экономической Взаимопомощи. Это здание — символ достижений СССР в семидесятые годы. Многообещающие золото и синь мирового социализма. Мол, еще немного и каждый верный идее заживет в таком вот дворце. Разве что чуть уменьшенном в масштабе.

И все обман. И СЭВа того уже нет, и социализм — разорение и нищета народов. И здание, его символизирующее в центре разваливающейся и голодной Москвы сравнимо сегодня разве с гигантской конторской книгой, негодной даже для того, чтобы на ее страницах устроить перепись преступлений, совершенных во имя нашего «счастливого будущего».

Юрий АФАНАСЬЕВ: ULTIMA RATIO* НОБЕЛЕВСКОГО ЛАУРЕАТА

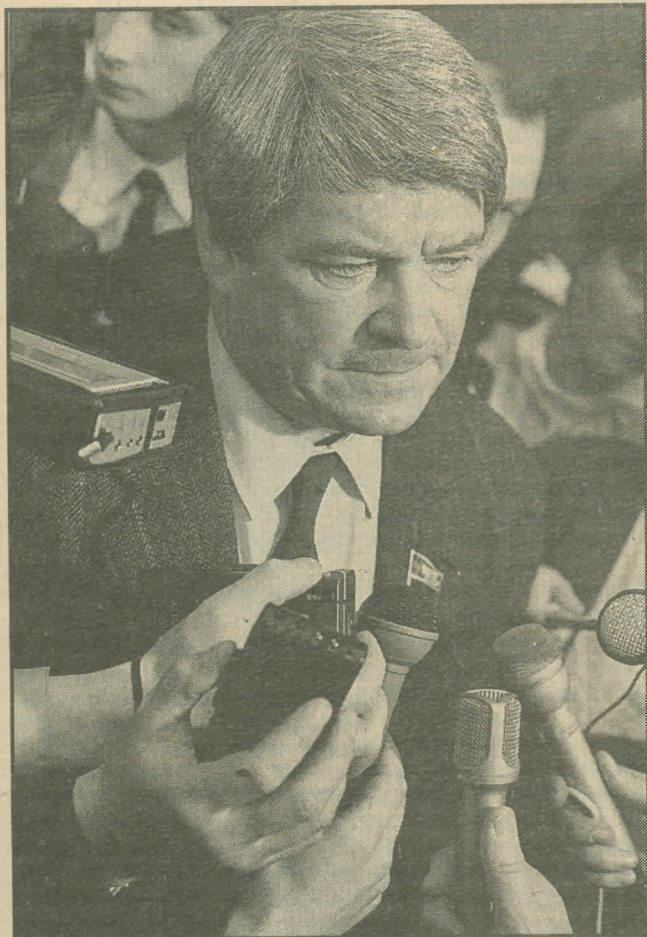

Фото ТАСС

В ночь на 13 января в Вильнюсе Советская Армия убивала литовцев.

Национальное возрождение, становление суверенитета народов редко обходится без кровопролития во все времена и во всех странах. В "эру Горбачева" кровь в столкновениях народов последней мировой империи течет ручьями, а порой — рекой. Кремль пытается приучить нас

* *Ultima ratio* — последний довод, решающий довод; последнее средство, крайняя мера.

В дипломатии под *Ultima ratio* понимается разрыв дипломатических отношений и, в качестве крайней меры, война.

Юрий Николаевич Афанасьев (1934 г.р.) — народный депутат СССР, доктор исторических наук, ректор Московского историко-архивного института.

Один из лидеров демократических сил страны, выступающий за радикальные преобразования.

к тому, что межнациональная резня — дело обычное и неизбежное.

Но 13 января в Вильнюсе не просто убивали литовцев руками славян. Впервые за последние годы советский тоталитарный режим так цинично и нагло обрушился на формирующуюся демократию, почти не скрывая уже абсолютно спекулятивного характера столь привычных рассуждений о националистическом экстремизме непокорной Литвы. Кризис советского коммунизма вступил в решающую фазу: как и всякий кризис, он может закончиться либо агонией и гибелью режима, либо — его "выздоровлением".

Для бойни в Вильнюсе типична та же картина сокрытия подлинных ее организаторов, что и в других "национальных" конфликтах, произошедших на территории разваливающегося СССР в последнее время. Безнаказанными остались январь 1990 года в Баку и апрель 1989 года в Тбилиси, Сумгаит, Фергана, Карабах. Ныне и Горбачев, и Язов снова отказываются взять на себя прямую ответственность за случившееся, "подставляя" публике то ли начальника Вильнюсского гарнизона, то ли командование Прибалтийского военного округа. Они как бы забывают о том, что не Литва перебрасывала в Москву войска своего Департамента охраны края, но дополнительные силы советских воздушно-десантных войск вошли в объявившую себя суверенной Литовскую республику по приказу министра обороны СССР во исполнение указа Президента СССР.

Понятны предпосылки "литовского кризиса". Уже давно представители демократических кругов говорили о необходимости радикального пересмотра сталинско-брежневской Конституции Союза ССР, о косметическом характере ее "модернизации" в интересах "реформистов"

"СТОЛИЦА"

Февраль, № 6, 1991
Москва, 101425, ТСП, К-51,

Петровка, 22

Телефон: 928-23-49

Телекс: 411700 MALPEK

Телефакс: 2002216 MALPEK
2002217 MALPEK

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник Моссовета

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:

Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Олег ОРЛОВ
Владимир ПЕТРОВ
(ответственный секретарь)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМИРНОВ
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Замедующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Генеральный директор
Михаил ПЕКЕЛИС

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.

Редакция в переписку не вступает.
С предложениями о рекламе звоните по телефону: 928-83-40

Номер набран в типографии издательства "Известия".

Первая страница обложки — фото Т.Шахвердиева

Номер подписан в печать 1 февраля 1991 г.

Тираж 200000. Цена 1 р.
© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени
Чеховском полиграфическом комбинате Государственного комитета СССР по печати

142300, г. Чехов Московской области. Зак. 190

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

- 1 Ultima ratio Нобелевского лауреата
(Ю.Афанасьев)

ВЛАСТЬ

- 6 "Идеологические клиенты уже
стоили нам больших денег"
(Министр иностранных дел России
А.Козырев)

- 8 Полковник Алкснис требует
создать комитет общественного
спасения СССР

ПАРАДОКСЫ ГЛАСНОСТИ

- 10 Как большевики в Москве правду
украли
(В.Лукин)

- 11 Что мы прочтем после переворота
(В.Цыбульский)

ОТТУДА

- 13 Экономика и политика распада
(В.Рапопорт)

ЖИЗНЬ

- 16 Западный размах "Северного
товарищества"
(М.Дубик)

- 18 Пока есть что менять
(Е.Дреганова)

- 20 Как я покупал машину в Швеции
(Е.Кулаков)

ПИСЬМА

- 30 КГБ и наше будущее

БЫВШИЕ

- 34 Самый советский из поэтов
(А.Мальгин)

ПОДОПЛЕКА

- 38 Три храма Анатолия Полянского
(Н.Малинин)

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

- 42 Черная книжка
(З.Гиппиус)

АРХИВ

- 46 Троцкий
(А.Куприн)

ЗЕРКАЛО

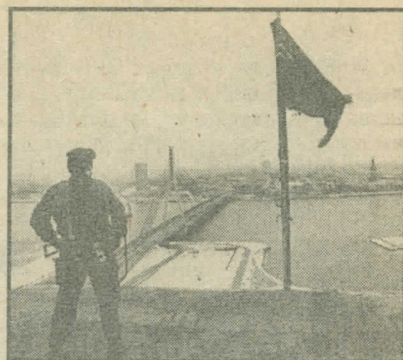
- 48 Бунт посредственности
(Е.Салина)

ПОСТСКРИПТУМ

- 54 Да будет известно и да будет не-
поведно
(Ю.Домбровский)

РАССКАЗ

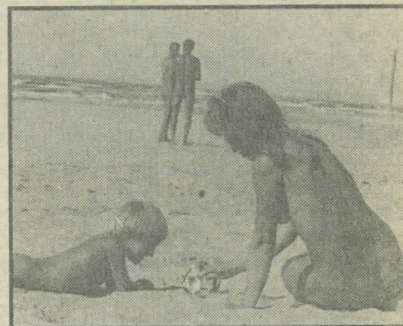
- 61 Последняя любовь
(Ю.Нагибин)

5 Ю.Буртин:
Диктатура для нас не новость

26 "Иконоборец стал иконой новой России, и миллионы людей, отстояв очередь, с изумлением смотрят на чудо сохранения его облика"

57 Надо ли бояться порнографии?

от партokratии. Имперская суть этого документа оставлена Горбачевым без изменений, и, таким образом, нынешние карательные акции новоявленного диктатора имеют квазиюридические основания. При сомнительной законности своего президентства (Горбачев получил лишь 52% голосов Съезда народных депутатов, по крайней мере на треть составленного из делегатов от КПСС и подконтрольных ей "общественных организаций") Президент поспешил узурпировать максимум полномочий, с помощью указов закрепить социалистические институты и заявить об отмене ряда принципиальных решений республиканских Верховных Советов. За годы "перестройки" ничуть не изменилось положение армейской бюрократии и КГБ — опоры власти ЦК КПСС, — зато мировому общественному мнению польстили отменой одиозной 6-й статьи Конституции, формально закреплявшей власть КПСС.

Очевиден и сценарий вильнюсских событий. Выстроив механизм диктатуры с ее традиционными инструментами — армией и тайной полицией, — Горбачев дал указание начать "операцию". По его команде возопили об угрозе "социалистическому выбору" союзные и республиканские реакционеры, запросили президентской власти "значительные группы населения". С характерным для Горбачева пренебрежением волей законно избранных республиканских органов власти накануне вильнюсского побоища он намеренно игнорировал попытки связаться с ним, предпринятые Ландсбергисом — главой суверенного литовского государства. Наконец, совершенно типичен сознательно небрежный поиск предлога для агрессии: сначала "Центр" озаботился осенним призывом "строптивых" республик в раздутые и без того сверх всякой меры Вооруженные Силы СССР, затем вспомнил об охране "союзной" и "социалистической" собственности, потом организовал "Комитет национального спасения" в защиту "Советской Литвы" и, наконец, приказал храбрым воинам Вильнюсского гарнизона оборонить себя и "верный народ". Чем не тбилисский либо бакинский вариант?

Подлинное же значение трагедии в Вильнюсе, истинный масштаб очередной кровавой провокации Кремля можно осознать, только рассматривая литовские события в контексте всех перемен на территории последней империи. Этот контекст — тотальное контрнаступление реакции.

Отказ Горбачева от выполнения плана Шаталина — Явлинского означает блокирование радикальных экономических преобразований в стране. Переход к свободным рыночным отношениям на подконтрольном КПСС пространстве откладывается на неопределенный срок, а фактически подменяется "свободообразным" оформлением прежних монопольных министерских структур, обеспечивающих — исключительно — корыстные интересы партokratии.

Восстанавливается в правах коммунистическая фразеология. Щедро оплачиваются "научные" разработки, пытающиеся придать коммунизму открыто религиозный характер, активно рекламируются и государственно-социалистические жесты официальной "советской" Церкви, шумно заявляющей о религиозном возрождении. Реанимируется цензура в средствах массовой информации, особенно на телевидении, которое возглавил Кравченко, из всех заповедей, кажется, знающий только одну: нет Бога кроме Президента. Начало своей деятельности на новом посту сей руководитель ознаменовал закрытием независимой программы "Взгляд" и запрещением информации, противоречащей "линии партии". Закрыто инфор-

мационное агентство "Интерфакс". Совсем не случайно готовится и "научный" пересмотр выводов комиссии по пакту Молотова — Риббентропа, изложенных на Съезде народных депутатов СССР А. Н. Яковлевым.

Остались не очень замеченными (как в СССР, так и за его пределами) новые миротворческие инициативы лауреата Нобелевской премии мира. Из данных, предъявляемых советской стороной на венских переговорах, за последние полтора года исчезло более половины общего числа танков (около 21 тыс. ед.), 25 тысяч орудий, 15,5 тысячи боевых бронированных машин, но сведений об их уничтожении между тем не поступало. Вместо 1500 военных объектов международной инспекции теперь представляется менее 900. И уж совсем фантастичной сочтет западный обыватель информацию, с которой ознакомил номинальный высший законодательный орган СССР министр обороны США: у нас тайно реализуются четыре программы создания стратегических ракет! Нужно ли еще называть какие-то причины отставки Шеварднадзе — министра иностранных дел, проводящего политику "нового мышления" и знающего, что за его спиной военно-промышленный комплекс укрепляет свои позиции?

Мировому общественному мнению, серьезно пораженному "горбиманией", возможно, кажется невероятным, что под маской либерализатора и гуманизатора "реального социализма" прятался до сих пор заурядный некоммунистический диктатор. Почему же это открывается только сейчас? Для чего, казалось бы, тогда Горбачеву все прежние и нынешние упрямения в псевдомократической риторике? Зачем он "ослабил гайки" пять лет тому назад?

Затем, что в 1985 году режиму потребовался капитальный ремонт. Два десятилетия брежневщины привели "партию и правительство" вместе со всей страной к предкоматозному состоянию. Чтобы выжить в этих условиях, партokratия решилась на смелый маневр: радикальное обновление руководящих кадров и нанесение демократического макияжа на символы власти с целью активизации жизненных сил общества.

Демократизация по-горбачевски с тех пор привела, с одной стороны, к перестройке рядов партokratии, а с другой — к окончательной дезорганизации разваливающегося государства. В схожей ситуации Ленин с присущим ему политическим чутьем отметил: "Кризис назрел". Никогда еще за семь с половиной десятилетий Советской власти (исключая, может быть, первые годы Гражданской и Отечественной войн) не вставал так остро вопрос о самом существовании коммунистического режима.

Хаос в народном хозяйстве достиг того предела, когда дальнейшие игры в "перестройку" стали невозможны: чтобы общество сохранилось как общество, необходимо либо пойти на коренную экономическую реформу и ввести регулирующие механизмы свободных рыночных отношений, которые действуют в современных цивилизованных странах, либо восстановить (в "осовремененном" теперь уже виде) систему командных рычагов развернутого централизованного "планового" хозяйства, основанного на внеэкономическом принуждении производителей товаров и услуг. Горбачев делает свой выбор в пользу "социалистических ценностей".

Паралич исполнительной власти на всех уровнях требует либо формирования действенных институтов демократического управления, либо реставрации в полном объеме монопольной власти партokratии КПСС (теперь уже при наличии сонма других, игрушечных партий). И Горбачев, не колеблясь, хотя и жонглируя "Советами" и "федерациями", ставит на все властные посты союзного

уровня членов взраставшей его партии.

Конфликт коммунистического союзного "Центра" с демократически избранными республиканскими парламентами между тем беспощадно обнажает абсолютно паразитический характер необольшевистского руководства. Волна нового национализма в республиках несет много всякой дряни, но в Балтийских колониях Кремля (хотя и не только в них) сущностной характеристикой национальных процессов является подлинная демократизация, разрушение основ тоталитарного строя.

Лишившись любого из трех перечисленных системообразующих компонентов (монополия на власть экономическую, политическую или наднациональную), коммунизм в СССР как система будет обречен. В столкновении с волеизъявлением стран Балтии особенно опасно для Горбачева то, что в их национализме слит наиболее ярко выраженный (по сравнению с движениями в других республиках) вызов всем трем китам империи. Народы Литвы, Латвии и Эстонии используют в своей борьбе только цивилизованные методы, отказываясь от тех ее зверских форм, которые присущи внутримусульманским и мусульмано-христианским конфликтам, затрудняя тем самым открыто репрессивные действия Кремля. Национализму стран Балтии безусловно сочувствует мировое общественное мнение, что делает угрозу обретения ими независимости тем более реальной и нестерпимой для Горбачева. Дополнительную сложность для Президента СССР создает и то, что пример борьбы Балтийских республик против коммунизма с опорой на идею национального возрождения особенно понятен для остальных "национальных меньшинств" империи. Хотя, с другой стороны, национально-освободительный характер народных движений Балтии позволяет необольшевикам использовать привычный для межнациональных распрей жупел сохранения тоталитаризма.

"Дальше отступать некуда", — любит повторять в последнее время Горбачев. Часто поминает он теперь Сталинград, "последний окоп" и т.п. Дойдя, и в самом деле, до предела в коммунистическом реформаторстве, теперь он просто вынужден подавлять ростки действительной демократии.

Больше всего заставляет президента-диктатора податься из "последнего окопа" крепнущий с каждым днем суверенитет республик: это — самый опасный противник тоталитаризма, и именно против суверенитета стран Балтии "перестроившийся" тоталитаризм наносит главный удар.

13 января в Вильнюсе совершено новое преступление коммунистического режима, не желающего стать фактом исторического прошлого. Стремясь сохранить имперский СССР, Горбачев сделал свой первый страшный шаг в качестве диктатора. У него не осталось иных аргументов, кроме прямого военного насилия над демократией.

х х х

Настал час испытания для демократического движения на территории распадающегося СССР. Тактика противодействия акциям "Центра" неизбежно должна выразиться в вытеснении коммунистических союзных структур новыми, создаваемыми самими республиками и учитывающими только их взаимные интересы. Основа новых структур — межреспубликанские договоры о взаимном признании, как уже заключенные, так и те, что необходимо немедленно заключить. На этой основе следует также безотлагательно, чтобы успеть предотвратить взрыв послед-

ней империи, определить зоны взаимной ответственности в экономике, политике, экологии и т.д. и сформировать межреспубликанский Координационный совет, который окончательно вытеснит с политической сцены рудименты "союзного" коммунизма — Съезд народных депутатов СССР, Верховный Совет СССР и Совет Министров СССР.

Литовский кризис, однако, требует от оппозиции и массовых внепарламентских действий — с опорой на демократические Верховные Советы ряда республик, на Совете всех уровней, контролируемые демократами. Мы должны показать всем слоям общества (в том числе и военнослужащим) антинародный, преступный характер диктатуры Горбачева и блокировать с их помощью зарождение нового этапа коммунистического террора. От того, насколько эффективно будет действовать демократическая оппозиция в ближайшие дни и недели, во многом зависит будущее страны в грядущие десятилетия.

Что же до мирового сообщества... На пленуме Совета представителей Движения "Демократическая Россия" один из выступавших сказал: "Не стоит обольщаться. Запад предавал нас семьдесят лет — предаст и сейчас". Конечно, спасение России (а равно Литвы, Армении или Казахстана) зависит, прежде всего, от наших собственных действий. Однако и мировой демократии следует осознать, что активная поддержка структурных перемен на территории СССР — в интересах всех народов мира.

Психологически вполне объясним широкий рист за рубежом надежд на Горбачева как на некоего мессиомиротворца, тем более, что он "без боя" дал вольную бывшим союзникам по Варшавскому Договору. Отчасти понятно в связи с этим и нежелание поддерживать противников Горбачева в СССР, в том числе — демократическую оппозицию. Тем не менее, оказывая всяческую поддержку Горбачеву, демократии Запада должны отдавать себе отчет в подлинной сути наших перемен, в том, что, финансируя очередные инициативы президента-диктатора, США, Западная Европа и Япония способствуют реанимации коммунистического "зомби", нетерпимого ко всему подлинно свободному и живому.

Конечно, сближенность во времени бойни в Вильнюсе и начала войны с режимом Саддама Хусейна отнюдь не случайна. В 1940 году, когда Гитлер входил в Париж, Сталин оккупировал страны Балтии. Мир почти не заметил "малого кровопролития" на фоне "большого" — но меньше чем через год война стала поистине мировой. В 1956 году внимание Запада привлекал Суэцкий канал, и наследники Сталина безнаказанно залили кровью Венгрию; вслед за этим мир на десятилетия окончательно погряз в "холодной" войне. Теперь центром политического притяжения стали Кувейт и Ирак. Заметит ли в таких условиях цивилизованное человечество агрессию Горбачева в Литве, за которой последует новая аннексия Латвии и Эстонии? И осознает ли, чем еще грозит становление некоммунистического режима президента-диктатора?

Джордж Буш долго стоял за поддержку Ирака. Буш считал, что с Саддамом Хусейном можно говорить по-человечески. Сейчас президент США сравнивает Кувейт с Чехословакией 1938 года и не хочет идти по пути соучастников Мюнхенского позора.

Может быть, события ночи на 13 января в Вильнюсе и ночи на 17 января в Ираке заставят не только Буша еще раз задуматься над разительными историческими совпадениями. Может быть, кровь, пролитая по вине иракского диктатора, не заслонит от мира "первой крови" нового диктатора советского.

Утро 17 января 1991 года.

Юрий БУРТИН

”ИТАК, У НАС ДИКТАТУРА...”

Итак, у нас диктатура. Нет нужды говорить об “угрозе диктатуры” — мы при ней уже живем. Может, из-за спины Горбачева и выйдет некий генералиссимус, но и сам Михаил Сергеевич неплохо справляется с этой ролью.

Собственно говоря, диктатура для нас — не новость. При диктатуре — сначала пролетариата (считанные месяцы), затем партаппарата — мы прожили всю свою жизнь, почему так и искорежены наши души. Был лишь очень короткий период начиная примерно с осени 1986 г., на протяжении которого диктатура ослабла и начала было размываться демократией, но почти сразу власть имущие стали давать отбой. Так что сейчас мы наблюдаем не установление диктатуры, а ее восстановление, что, конечно, лишает ее прелести новизны, зато облегчает нам понимание происходящего.

— Как бы вы обрисовали краткий курс восстановления диктатуры?

— Этот путь у всех у нас на памяти. Основные вехи его: I съезд народных депутатов СССР, на котором Горбачеву с помощью им самим обеспеченного “агрессивно-послушного большинства” удалось погасить предвыборную демократическую волну; III съезд, одаривший нас президентством Генерального секретаря ЦК КПСС; наконец, IV съезд, законодательно закрепивший режим, по сути дела, конституционной монархии, правда, пока еще без права наследования престола, но зато с парламентом, который настолько скромнен в своих притязаниях, что можно не обращать на него никакого внимания. Если называть вещи своими именами, то за последние два года мы оказались свидетелями трех государственных переворотов. Свообразие их состояло в том, что все они, как и реформы первых “перестроечных” лет, совершались сверху и все преследовали одну цель: реставрировать и упрочить господство партийно-бюрократической олигархии, вновь и вновь подрываемое вышедшими из-под ее контроля общественными процессами.

Фото Д. Шепелева

Как и прежняя, эта диктатура обращена против большинства населения, против народа. Но сейчас у нее есть и более конкретный противник. Это республики, отстаивающие свой суверенитет, предпочитающие устанавливать между собой прямые связи и тем самым ускользающие из-под власти номенклатуры и ее политического представительства — союзного Центра. Со всеми своими институтами в лице президента, правительства и Верховного Совета СССР “Центр” этот сейчас как бы повис в воздухе. Он не нужен, более того, вреден для страны. Неся основную политическую ответственность за экономическую катастрофу последних лет и те “центробежные” (очень точное слово!) тенденции, которые привели к развалу Союза, он, однако же, не хочет этого признать, а потому способен лишь мешать процессам стабилизации и оздоровления. Ну и, конечно, диктатура — это антипод и враг демократии. Недаром сразу после IV съезда на Центральном телевидении произошла очередная смена караула и стали круто сворачиваться независимые программы. Правда, бывают и осечки. 16 января не прошло предложение президента приостановить действие Закона о печати. Отгу нашей гласности помещали убить ее одним выстрелом. Теперь возись с каждой газетой отдельно...

— Чего нам ждать от диктатуры?

— Ничего, кроме стрельбы по живым мишеням и еще большего экономического хаоса.

— Есть ли у нее шансы вернуть нас в наш 1984-й?

— Думаю, что нет. Слишком много воды утекло за эти годы, слишком изменился народ. Разница с хрущевской “оттепелью” в этом отношении громадна. Достаточно взять единственный факт — требование шахтеров Кузбасса об отставке Горбачева и упразднении института президентства, — чтобы видеть: у диктатуры нет перспектив. Что она может сделать? Направить в Новокузнецк войска? После Тбилиси и Вильнюса они уже не станут стрелять, скорее, арестуют генералов, которые осмелились бы отдать подобный приказ.

Это во-первых. Во-вторых, диктатура на уровне Кремля есть больше желание диктатуры, чем сама диктатура как таковая. Если Кремль издаст указы и законы, а республики исполняют их лишь после ратификации своими Верховными Советами, то, следовательно, в стране он уже не хозяин. И едва ли в дальнейшем сможет им стать, хотя и КПСС, и КГБ, и управленческие структуры союзных ведомств, и официальная пресса — все главные рычаги власти еще остаются в его руках.

Чем по-настоящему сильна диктатура, так это нашей слабостью. Неорганизованностью демократического движения, соглашательством многих его духовных пастырей. Но я полагаю, что и в этом отношении кровью в Вильнюсе проведена черта, за которой должна начаться новая полоса общественного развития.

Спрашивал
Николай ТРОИЦКИЙ

— Андрей Владимирович, Вас называют первым министром иностранных дел суверенной России за все годы Советской власти.

— Прежде всего я хочу внести уточнение. Дело в том, что Министерство иностранных дел РСФСР, как и министерства иностранных дел всех других союзных республик, существовало во все годы Советской власти. Другое дело, что их роль практически была сведена к нулю (или к протокольному минимуму). Но так было далеко не всегда. Ведь именно Российская Федерация в свое время заключала первые договоры с восточными странами — Афганистаном, Ираном, Турцией. Мы забываем о том, что так называемый ленинский этап дипломатии был этапом именно российской дипломатии. Кроме того, уже после заключения союзного договора между четырьмя советскими республиками в 1922 году российская дипломатия, то есть дипломатия РСФСР, продолжала активную международную деятельность. Разумеется, в тех рамках, какие были возможны. Сначала это были консульские связи, затем — дипломатические. В то время все советские республики осуществляли свои международные контакты самостоятельно, имели представительства друг у друга и в соседних странах.

Превращение Союза ССР в унитарное государство тоталитарного типа изменило и функции российского МИДа. Начиная с конца 20-х — начала 30-х годов он стал напоминать некое декоративное украшение, не играя никакой существенной роли, занимаясь второстепенными вопросами.

Руководитель российского МИДа фактически назначался союзным правительством. Так что я, конечно, не первый министр иностранных дел РСФСР, но первый, кто был утвержден демократически избранным Верховным Советом республики.

В Декларации о государственном суверенитете России говорится о намерении возродить российскую государственность. Но это должно быть не идеологизированное государство, как в 20-е годы, а правовое и демократическое, в рамках обновленного союза суверенных государств.

В своей внешнеполитической деятельности российский МИД исходит из трех основополагающих посылок.

Первая. Россия, если хотите, обречена — в хорошем смысле этого слова — быть великой державой, которая занимает огромную территорию, имеет 150 миллионов населения, большой экономический, военный,

АНДРЕЙ КОЗЫРЕВ, МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИИ: "ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КЛИЕНТЫ УЖЕ СТОИЛИ НАМ БОЛЬШИХ ДЕНЕГ"

культурный, духовный потенциал, он составляет львиную долю потенциала всего Советского Союза.

Вторая. Трудно уже довести нашу республику до большей степени нищеты, чем это сделало хозяйничанье централизованных монополий. Но духовный, культурный потенциал огромен, и потому Россия должна занять свое достойное место в Европе. И наконец, третья посылка. Сейчас большинство государств мира, если, конечно, не считать воснизированных авторитарных режимов типа иракского, в своей внутренней и внешней политике делают акцент не на традиционных силовых методах, а на заботе о параметрах качества жизни, об окружающей среде, демократическом развитии.

— Как вы оцениваете перспективы сохранения Союза в условиях наступления реакционных сил в стране?

— Теперь, после событий в Литве, признаки этой диктатуры проступают все явственнее. В этой республике сработал тот же механизм, который мы наблюдали на протяжении всех лет тоталитаризма. В 1956 г. в Венгрии, в 1968 г. в Чехословакии тоже самозванные силы, стоявшие фактически "на платформе КПСС", выступили против законных органов власти... То же самое произошло в Литве и Латвии. Так называемые комитеты национального спасения подняли мятеж против Верховных Советов, избранных в ходе свободных выборов. И опять на выручку самозванным представителям народа пришли тоталитарные структуры союзного центра. Весьма показательно, что удар реакционных сил направляется в первую очередь против гласности. Первой жертвой пала телестанция в Вильнюсе, а затем был поставлен вопрос и о том, чтобы приостановить действие Закона о печати в Советском Союзе.

Иными словами, сегодня призыв к демократам сплотиться приобретает вполне конкретный характер. На карту здесь поставлено не только внутреннее, но и внешнее положение страны, поскольку в случае по-

беды диктатуры неизбежен взрыв международной конфронтации. И виноваты в этом будут не силы на Западе, вмешавшиеся в наши внутренние дела, а нарушение Горбачевым международных обязательств, в том числе хельсинкского Заключительного акта. То есть того самого документа, в котором зафиксированы основополагающие принципы демократии и прав человека. В стране есть силы, которые очень хотят создать впечатление, что единственная альтернатива сохранению унитарного государства — это хаос, дезорганизация и т.д. Для тех, кто цепляется за сохранение старой системы, важно показать, что без них обойтись нельзя. Центру, монопольным ведомствам выгодно представить дело таким образом, будто бы речь идет о развале Союза, что появятся 15 или даже больше государств, которые "вцепятся" друг в друга и начнут воевать из-за пограничных конфликтов и т.д.

В действительности же альтернатива дезинтеграции есть, и она уже реализуется, и я горжусь тем, что наше министерство тоже принимает в этом участие. Речь идет о соглашениях и договорах, заключенных РСФСР с Украиной, Белоруссией, Молдовой, Казахстаном и совсем недавно Эстонией, Латвией и Литвой. Это уже основа нового Союза.

Интересы нашей республики состоят в том, чтобы не допускать образования на границах с РСФСР враждебных государств, не допускать, чтобы миллионы россиян, которые живут в других республиках, вдруг оказались там иностранцами. Конечно, мы понимаем, что это не в полной мере международные отношения, ибо соседние с нами республики трудно рассматривать как иностранные государства. Но в то же время они провозгласили свой суверенитет так же, как и Российская Федерация, а один из основных принципов международного права, зафиксированный в Уставе ООН и в хельсинкских соглашениях, — это право на самоопределение. Исходя из это-

го, мы обязаны признавать и принцип невмешательства во внутренние дела этих суверенных республик и строить с ними отношения на твердой базе международных норм и международных стандартов.

Так что это совершеннейший вымысел, что кто-то собирается разрушить экономические связи. Даже прибалтийские республики, которые хотят быть полностью независимыми (и в Союз не хотят входить), даже они никогда не ставили вопрос о разрыве экономических связей. Речь идет только о том, как эти связи будут осуществляться.

— Порой приходится слышать, что Россия-де не защищает права русскоязычного населения в других республиках.

— Договоры, подписанные с союзными республиками, предусматривают, среди прочего, что договаривающиеся стороны берут обязательства обеспечить равенство прав всех людей, проживающих в

соотечественники. Изменения, которые происходят в стране, пробуждают в них желание принять участие в ее духовном и экономическом возрождении. Намерен ли российский МИД установить тесные контакты с русским зарубежьем?

— Безусловно. Эмигранты — люди, пострадавшие от тоталитарного режима не меньше, чем те, кто страдает от него здесь. И никакой дискриминации по отношению к ним не должно быть. К сожалению, Указы Президента возвращают право гражданства отдельным эмигрантам выборочно, за бортом остаются целые волны эмиграции, например, диссиденты 70-х годов. Делается это в форме некоего "прощения". Я выступал за то, чтобы Верховный Совет России принял обращение к соотечественникам как внутри страны, так и за рубежом. И вы знаете, что Б.Н. Ельцин сделал такое обращение. Надо дать государственную гарантию: все эмигранты, независимо от

органов о прекращении этой гражданской войны, деления на белых и красных, прикасаемых и неприкасаемых. Второе — это конкретное содействие со стороны государственных органов, посольств и т.д. процессу национального примирения. Третье — принятие закона о въезде и выезде. Это та норма человеческого общежития, которая абсолютно необходима.

— Бывают ли ситуации, когда интересы Советского Союза и России на международной арене не совпадают или даже входят в противоречия?

— Я думаю, что если уход Шеварднадзе и назначение Бессмертных новым министром иностранных дел не означают смены внешнеполитического курса, то противоречий фундаментальных, принципиальных возникать не может и не должно. Курс нового политического мышления признан во всем мире, отвечает по многим своим параметрам международным стандартам. И в мои намерения, как российского министра иностранных дел, отнюдь не входит отказ от этого курса. Наоборот, мы хотим идти дальше по пути его углубления, радикализации, реализации этого курса во всех направлениях. Так же, как и во внутренней политике (о чем говорил Б.Н. Ельцин). Мы хотим подтолкнуть центральные власти к продолжению политики нового политического мышления.

И еще: если уж мы провозгласили принцип свободы выбора, так давайте применять его не только к Германии, но и к тем авторитарным режимам, которые еще недавно считались нашими идеологическими партнерами. Зачем оказывать им военную, экономическую помощь в то время, когда мы сами ходим по всему миру с протянутой рукой, а союзное руководство берет кредиты где только сможет? Пусть эти режимы проведут свободные выборы. Если их предводители останутся у власти после по-настоящему свободных выборов, при условии, когда будут гарантированы свобода печати, свобода агитации и т.д., значит, они действительно пользуются народной поддержкой. Если же они уйдут с политической сцены и им на смену придут новые, можно будет думать: оказывать им помощь или нет. Я говорю о вещах, которые бы определил как инерцию старого мышления, которую нужно преодолеть. Но, разумеется, речь идет при этом именно о продолжении взятого курса, о том, чтобы этот курс не был свернут.

Беседу вел Александр КУДЯКОВ

Фото Ю. Штукина

этих республиках, — независимо от национальности.

Республики, которые готовы взять на себя подобные обязательства, собственно, и заключают с Россией договорные отношения. Мы, в свою очередь, в межгосударственных контактах с союзными республиками отдаем приоритет тем из них, где это равенство прав гарантировано уже сегодня. С момента заключения договора до его ратификации российским парламентом проходит время. Договор может быть ратифицирован или нет — зависит от событий, происходящих в республиках.

— За границей проживают наши

национальности, все, кто чувствует любовь к русской культуре, российским традициям, к нашей земле, могут спокойно въезжать, выезжать, приезжать на время, открывать свое дело, участвовать в экономическом и культурном возрождении страны. Некоторые наши соотечественники хотели бы вернуться на Родину, но их останавливает боязнь, что если они это сделают, то опять попадут в клетку, им скажут: ты должен обязательно здесь жить и т.д. Сдерживает наша психология осажденной крепости. Чтобы ее разрушить, надо предпринять ряд последовательных шагов. Первое — официальное заявление со стороны государственных

ПОЛКОВНИК АЛКСНИС ТРЕБУЕТ СОЗДАТЬ КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ СССР

— В сознании очень многих людей ваше имя связано с наступающей военной диктатурой. Вы убеждены, что диктатура — единственное средство, могущее нас спасти?

— Все это не совсем так. Я не могу быть сторонником диктатуры хотя бы потому, что мой дед, командующий ВВС Красной Армии, был репрессирован Сталиным. Я только за правовое государство, в котором торжествует закон, а не идеология.

У нас в стране не демократия, а анархия. Нобель говорил: "Анархия, не опирающаяся на власть закона, ведет к диктатуре подонков". Вот и такая "демократия", как у нас сейчас, ведет к диктатуре.

Когда Шеварднадзе говорил о диктатуре, он ошибался вот в чем. Он, очевидно, подразумевал, что диктатура готовится где-то в подвалах Генштаба. Но она придет не оттуда. А вот если анархия будет продолжаться, встанет промышленность, миллионы людей выйдут на улицы, тогда-то и придет диктатор. Неважно кто. Он быстро найдется. Он уничтожит и правых и левых. И наша задача этого не допустить, наша задача сделать так, чтобы начал торжествовать закон. Пусть плохой, но закон. Его можно совершенствовать, делать лучше — главное, чтобы он действовал.

— Значит, вы сторонник твердой руки как защиты от диктатуры?

— Вот именно. И должен сказать, что я отнюдь не сторонник возврата к однопартийной системе, которая у нас была. Многопартийная система во всем мире доказала свои преимущества. Главное, чтобы все партии действовали в рамках закона. И КПСС в том числе.

— Судя по вашим словам, вы не особенно жалуете вашу партию коммунистов.

— Скажем так: я считаю, что она проводит не совсем правильную политику. Думаю, что XXVIII съезд партии был последним съездом этой партии, по крайней мере в ее нынешнем виде.

— Судя по той последовательности, с которой вы атакуете Горбачева, вы серьезно намерены добиться его отставки?

— Да. Горбачев должен уйти. У меня не осталось ни малейших иллюзий на его счет. Знаете, что было последней каплей? Мы — несколько депутатов — "с боем" приблизились к нему. Состоялся тяжелый разговор. Мы высказали ему очень серьезные, на мой взгляд, обвинения. И он меня совершенно потряс, сказав: "А что вы хотите, я на все антиконституционные действия издаю Указы". Он совершенно серьезно считал, что этого достаточно. И это наша исполнительная власть. В общем, я увидел, что "король-то голый". Очень тяжело переживать такие разочарования.

— Если Горбачева в отставку — что дальше? У вас есть конкретные предложения, программа?

— Есть. Я выступаю за формирование комитета общественного спасения СССР. Думаю, что в ближайшие

месяцы, а может, и недели, мы придем к этому. Другого пути нет.

— А что вы намерены делать с демократами?

— Думаю, найду с ними общий язык.

— Значит, съезд должен быть распущен?

— Конечно. Комитет, о котором я говорю, должен быть создан конституционным путем. Это не хунта. Съезд, как высший орган законодательной власти Советского Союза, который вправе решать любой вопрос жизни страны, формирует комитет, передает ему все полномочия законодательной и исполнительной власти и самораспускается. И вот, как только я завожу речь о самороспуске, большинство депутатов начинают, мягко говоря, возмущаться. Все-таки депутатский мандат греет. Я предлагал и компромиссный вариант: съезд блокирует свою работу на год, через год собираемся при любых обстоятельствах. Пока же объявляем чрезвычайное положение по всей стране. Приостанавливается деятельность Советов всех уровней, начиная от Верховного Совета СССР и кончая поселковыми.

— А что же Президент?

— Никакого Президента нет. Страной управляет комитет. И пусть там будет Собчак, Назарбаев... Кто хотите.

— Горбачев?..

— Нет. Ни Горбачева, ни Ельцина там быть, на мой взгляд, не должно.

Исполнительные органы на местах остаются, но руководство ими осуществляют специальные уполномоченные комитета общественного спасения.

Приостанавливается деятельность всех партий и движений, включая Коммунистическую партию Советского Союза.

После этого можно заниматься введением в стране рынка. Ведь чтобы его внедрить, необходима политическая стабильность в обществе. Давайте используем японский опыт, германский, когда рынок внедрялся в условиях разрухи...

Когда стабилизируется экономическое положение, когда люди вместо того, чтобы ходить на митинги, будут заниматься своим бизнесом, тогда и можно формировать нормальную многопартийную систему.

— Группа "Союз" поддерживает ваши предложения?

— Нет. У меня вообще сейчас очень сложное положение в группе. Все время приходится отвечать коммунистам, почему я хочу запретить КПСС. То, что я хорошо отзывался о программе МДГ, которую зачитал Попов на съезде, тоже было крайне негативно оценено в группе.

Все это очень обидно для меня. Ведь это я создал "Союз", я придумал название. Сейчас там лидируют другие люди. Пожалуй, это было неизбежно. А я оказался идеалистом. У меня ведь была надежда на то, что нам удастся уйти от идеологии, заняться нашим государством в первую очередь. Давайте оставим пока все это — социализм, капитализм. Давайте займемся государством. Оно же гибнет. Давайте добьемся соблюдения прав человека любой на-

циональности, добьемся торжества закона. Потом разберемся с названием. Ничего у меня не вышло с таким подходом. В "Союзе" властвует идеология.

— Значит, вы сейчас сражаетесь в одиночку?

— Нет, так нельзя сказать. По конкретным вопросам я всегда нахожу союзников. Вот, например, с Николаем Семеновичем Петрушенко мы всегда находим понимание, хотя и расходимся в некоторых вопросах.

— Вы с ним всегда вместе. В каких же вопросах расходитесь?

— Например, я за департизацию армии, а он за сохранение влияния КПСС в армии. Есть еще кое-какие разногласия, но они никогда не перерастают в конфликт между нами.

— Вы всегда свободны в своих действиях, решениях как депутат, или есть какая-то дисциплина вашей фракции?

— Знаете, это больше внутреннее чувство. Я же не могу встать над всеми. Вольно или невольно, но я должен на кого-то опираться. Учитывая, что основная масса людей, которые меня поддерживают, находится по эту сторону, я должен считаться с их мнением. Вот, например, было голосование по вопросу о том, как называться Союзу. Я же прекрасно понимаю, что нельзя писать "социалистические", а надо "суверенных". Но голосовал за "социалистические". Иначе это вызвало бы, мягко говоря, непонимание моих коллег по группе.

— Как отнеситесь к вашей деятельности ваше военное начальство?

— Мне уже передавали слова некоторых генералов: "ничего, он у нас достучается, недолго осталось". Офицеры же в основном, как мне кажется, меня поддерживают.

У меня вообще много врагов, и они до меня доберутся. Но пока я депутат, я для них недосягаем. Пока у меня есть мандат, я чувствую себя свободным человеком. Могу говорить, что считаю нужным и кому считаю нужным. Поэтому я очень дорожу своим мандатом.

Записал Алексей ЗУЙЧЕНКО

ОТ РЕДАКЦИИ. Так же, как и Президент, мы за объективность в средствах массовой информации. Поэтому и решили предоставить слово человеку, точку зрения которого "Столица" изначально не разделяет.

Комментировать точку зрения не в меру говорливого полковника мы не собирались. Надеялись, что читатель и без наших оценок сам разобрался бы в сказанном. Однако Виктор Алкснис от слов перешел к делу. Вслед за разглашательствами о комитете общественного спасения он включился в его формирование. Пока он рассуждал о сей непонятной и незаконной форме власти, можно было относиться к нему со снисхождением, как к не совсем умному, но убежденному человеку, возмнившему себя с армейской непосредственностью главным и единственным спасителем Отечества. Впрочем, это естественное право человека — вообразить себя кем угодно.

К сожалению, свои примитивные представления о жизни и политике Алкснис не замедлил проверить на практике. И его личные заблуждения стали составляющей чудовищного общественного преступления. Член Верховного Совета СССР совершает вояж в горячую точку страны, чтобы на месте заняться дискредитацией своих коллег из республиканского парламента.

Представитель Советской власти поддерживает какие-то темные анонимные силы, сгруппировавшиеся для борьбы с законной властью. Вместо того чтобы разрядить обстановку, неистовый полковник разжигает своими выступлениями национальные страсти, что в конце

концов способствует кровопролитию. Мыслимо ли такое для цивилизованного парламентария?

Кровь, пролитая в Риге и на вашей совести, гражданин Алкснис! Своими действиями в Латвии вы перечеркнули все то, что было сказано вами ранее. Вы дискредитировали себя как независимую свободно мыслящую личность, действительно думающую о благе Отечества и благе людей. Вы оказались такой же "подсадной уткой" гибнущей номенклатуры, как и политический каскадер Невзоров. Вас использовали в роли провокатора те силы, которым поперег горла стала свобода и демократия. И вы по своему недомыслию с честью выполнили эту роль. С чем вас и поздравляем.

И все же нам жаль полковника Алксниса. Он так и не понял, что те, кто использует в своих целях честных глупцов, первыми их убирают с дороги, добившись своих целей.

ОТДЕЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЖИЗНИ

Фото В. Яцины (Фотохроника ТАСС)

**ГРУППА ЭКСПЕРТОВ
МОССОВЕТА ПРИЗНАЛА
НЕЗАКОННЫМИ
ПРИТЯЗАНИЯ МОСКОВСКОГО
ГОРКОМА КПСС НА ВЛАДЕНИЕ
И РАСПОРЯЖЕНИЕ ГАЗЕТАМИ
"МОСКОВСКАЯ ПРАВДА",
"ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА".**

Собрав и проанализировав имеющиеся на сей счет документы, эксперты пришли к выводу, что, несмотря на появление в речах представителей горкома неких правоподобных оборотов, лидеры московских коммунистов так же далеки от признания верховенства законов, как и семьдесят лет назад.

История законного учреждения Московским Советом и захвата коммунистами двух столичных газет в общих чертах такова. Нынешняя "Московская правда" начала выходить после постановления Моссовета от 11 июля 1918 года. Моссовет утвердил газету с названием "Вечерние известия", персональный состав редакции, определил цели газеты, выделил из своего бюджета организационные денежные ассигнования в размере 210 тысяч 681 рубля и установил продажную цену за номер 30 копеек.

Газета "Вечерняя Москва" выходила с 6 декабря 1923 года и выпускалась издательством "Рабочая Москва", подведомственным Моссовету. С 30 июля 1930 года на титуле газеты появляется название "ежедневная газета Московского Совета", а решением президиума горисполкома и Моссовета 27 мая 1931 года было установлено руководство газетой со стороны горисполкома.

Однако законное владение газетами длилось недолго. "Московская правда" (в то время "Вечерние известия") принадлежала Моссовету немногим более полутора лет (по 5 февраля 1920 года), "Вечерняя Москва" — год и три месяца. Затем на титулах газет на первом месте и безо всяких на то законных оснований начинают фигурировать комитеты коммунистической партии. При этом законный владелец — Моссовет не только оттесняется на второе и даже третье место, но фактически лишается издательской и административно-финансовой власти и довольствуется исключительно декоративной ролью.

При этом в архиве Моссовета, существующем с 1917 года, экспертами не было обнаружено никаких пра-

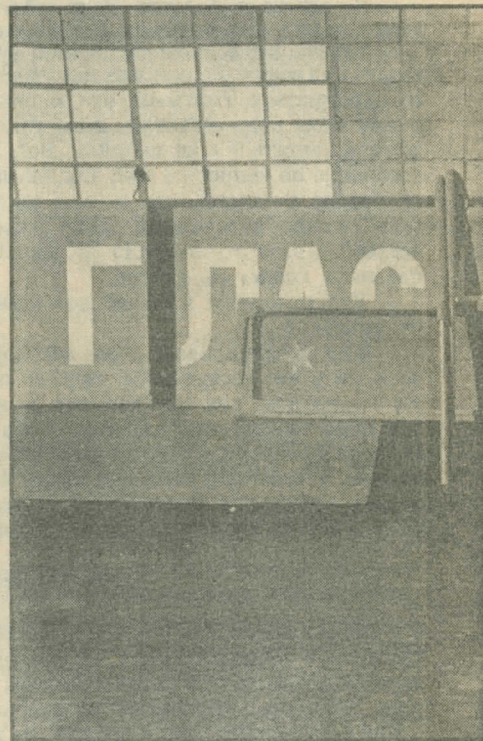
вовых актов о передаче Моссоветом Московскому городскому комитету компартии права на совладение или единоличное владение газетами "Московская правда" и "Вечерняя Москва". Зато нет недостатка в обосновании действий партийных комитетов в документах КПСС.

Захват коммунистами московской прессы и средств ее производства был осуществлен исключительно на основе директив их партии. А поскольку ни в российском, ни в союзном законодательстве того времени не было постулатов, подтверждающих право распространения директив РКП(б) и ВКП(б) на Советскую власть и ее прессу, незаконность подобных акций надо доказывать сегодня только самой коммунистической партии. Разговоры МГК КПСС о том, что он-де финансировал издания газет и поэтому имеет право и на них, и на их производственную базу, по мнению экспертов, к закону никакого отношения не имеют. Ведь финансовые вложения МГК КПСС в издательскую деятельность делались из доходов от эксплуатации этой же издательской базы, захваченной незаконно.

Разумеется, мы прекрасно понимаем, что Моссовет и 19-го года, и 30-го, и 31-го мало чем отличался от Московского комитета партии коммунистов. В сущности, и большевики в горкоме, и большевики в Моссовете были членами одной и той же коммунистической партии, и потому одинаково пренебрежительно относились к закону, под какой бы вывеской они ни работали.

Нет, не судьба "Вечерних известий" в 20-м году и даже не участь "Вечерней Москвы" в 31-м беспокоят нас сегодня. В конце концов эти издания, и будучи советскими, вполне добросовестно занимались все тем же зряшным, пустым и вполне губительным делом — помогали Москве стать социалистической столицей. И потому незаконная перемена хозяина тогда никоим образом на этих газетах не сказалась. Нас-то волнует судьба наших соотечественников, живущих сегодня все при той же партии, которая, объявив, как о новой своей политической программе, о построении правового государства, по-прежнему не желает хотя бы для соблюдения приличий и из опасения быть уличенной во лжи уважать законы. То есть по-прежнему в своих действиях намерена опираться не на силу права, а на право сильного.

**КАК
БОЛЬШЕВИКИ
В МОСКВЕ
ПРАВДУ**

Что эта партия с успехом и доказывает. Выпихивая из газет их законных учредителей в один день. Закрывая доступ новым изданиям Моссовета в типографии, которые были отняты у Советской власти и народа. Посылая солдат с автоматами на захват Дома печати в Риге, штурм телецентра в Вильнюсе.

И при всем этом на пленумах, съездах, в коммунистической печати после демонстрации погон и бряцания оружием звучат со стороны коммунистов лицемерные призывы к гражданскому миру, терпимости, согласию и консенсусу.

Мы тоже за мир и согласие и против гражданской войны.

Но о мире могут говорить только равные. Хотя бы равные перед законом.

Владимир ЛУКИН

Издательство ЦК КПСС "Правда" отпечатало тиражом в 500 тысяч экземпляров первый номер газеты "внеправительственных трансцендентальных сфер".

Положим, переворот, о котором так долго и зловеще молчали коммунисты, свершился. Ошибутся те, кто считает, что, как только к власти придут военные коммунисты, гласность — единственное и беспородное дитя перестройки — будет расстреляна, а из газет останутся только "Правда" и "Советская Россия".

Каждый второй из претендующих сегодня на роль общесоюзного спасителя во имя социалистического выбора — наденет он после переворота погоню или нет — прошел подготовку в идеологических службах КПСС. Им претит насилие без идей и учета общественного мнения. А раз народ привык к плюрализму и гласности, они ему в очищенном виде будут дарованы. Вплоть до неформальной прессы и независимых свободных газет. Разумеется, свободных в точно определенном направлении.

Например, вот новая независимая и абсолютно свободная газета "Голос Вселенной", первый номер которой отпечатан в издательстве ЦК КПСС "Правда" в январе 91-го года.

Вместо редакционной статьи публикуется некое "Прорицание" с такими, например, пассажами: "В момент скатывания Земли в предыдущий внеузловой микроярус..." или "жуткая воронка Сверхпространственного туннеля расширяется. Ужас и Мрак затопляют Землю...". В комментарии к "Прорицанию" редакция важно поясняет, что его никто не писал, что это голос Свыше, воспринятый и переведенный человеком-биопсиχοприемником. Затем — на полосу — призыв ко всем россиянам ловить внеземных пришельцев за награду в 10000 рублей и сенсационное сообщение о триумфе всенародной подписки на библиотеку "Приключения, фантастика" Юрия Петухова (кто такой-то?) и два отрывка из средненького фантастического чтива "Чудовище" (автор неизвестен, но знаю, это — Петухов) и "Звездная месть" — это уж точно Юрий Петухов, книги которого, по словам редакции, ждет вся Россия.

Все! Газета стоит рубль. Редактор — Юрий Петухов.

Читатель, отшвырнувший газету,

не дочитав заметок, решит, что все это кошмар и разгул свободного рынка прессы, и будет неправ. Он не сможет ответить на естественный вопрос — зачем центральному коммунистическому издательству все это издавать. На самом деле он держал в руках образчик типичной постпереворотной коммунистической прессы и даже этого не заметил.

Обновленный тоталитаризм должен быть с человеческим лицом — это уж наши идеологи из перестройки вынесли. И лицо это, по классикам, будет тем человечнее, чем бесчеловечнее будут расписаны перед народом лица его врагов. В этом плане всевозможные "голоса вселенной" для идеологов со Старой площади просто находка. В прорицаниях и редакционных статьях, как в первом номере «Голоса Вселенной», расписываются всяческие "инферны", «космические силы Зла» и объясняется: как раз они-то и вселились в души и тела благообразных на вид «прогрессистов, бичующих все вокруг, поливающих грязью народ, среди которого они вынуждены пока жить». И вот эти прорабы, а на деле космические духи Зла, в ближайшее время и надеются втолкнуть Россию, а за ней всю Землю в жуткую "космическую воронку". А тем, кто не понял о чем речь, тут же в картинках и фантастико-литературном хламе рисуются трехглазые когтистые чудовища (так, видимо, выглядят сейчас души прогрессистов), испепеляющие людей и убивающие младенцев.

Что там Сталин со Ждановым и со всем совкультом, вместе взятые. Темные люди, лишенные воображения. Плохо историю средневековья учили. Враг народа и фашистский шпион в оправдание кровавого террора. Как это мелко!

Почувствовав, что тиражи коммунистической прессы падают и можно просто прогореть, директор издательства "Московская правда" попробовал заикнуться о печатании на горкомовской полиграфии демократических изданий. В горкоме недоуменно и даже обижено пожалели плечами: "Зачем? Мы будем печатать наши новые партийные газеты и журналы".

Что-то медлят с этим в московском горкоме. Брали бы пример с типографии ЦК КПСС. Там с первого января печатают новые партийные газеты. Например, партийную газету "Голос Вселенной".

Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ

УКРАЛИ

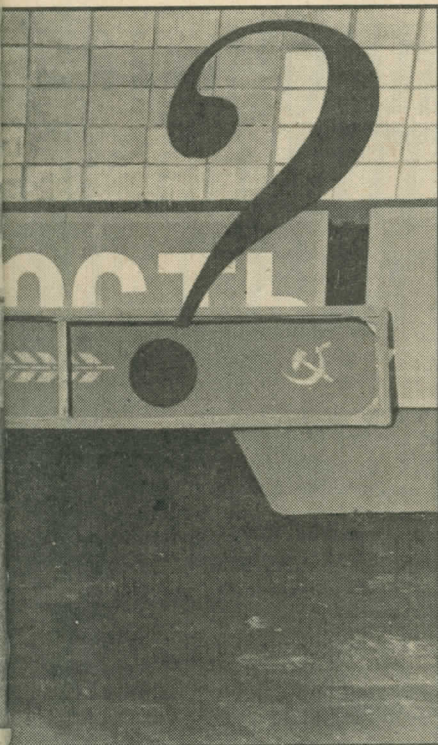

Фото Г. Бодрова

ЧТО МЫ ПРОЧТЕМ ПОСЛЕ ПЕРЕВОРОТА

"РАДИО РОССИИ" — радио для всех.

*"РР" - это информированность,
оперативность, актуальность!*

"РР" - это независимость плюс компетентность!

"РАДИО РОССИИ" работает:

*— на волнах 2 программы Всесоюзного радио с 14.00 до 17.00 и с 22.00
до полуночи.*

Вы уже ищете наш голос в эфире?

ДО ВСТРЕЧИ!

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА РАСПАДА

Из архива И.М. Перкаса

В СССР экономика никогда не благоволила к населению. С другой стороны, партии и правительству, партократии и бюрократии было грех жаловаться. Жили припеваючи, воровали миллиардами, нагнали страху на весь мир. Правящий класс торопится хапануть напоследок, знает: этому благополучию приходит конец. Привилегии перестали охранять как государственную тайну, их, наоборот, публикуют в качестве открытых законодательных актов. Чтобы потом было на что ссылаться. Хочешь жить в правовом государстве, умеешь вертеться. Повышение окладов и пенсий партаппаратчикам произвели громогласно, на фоне кризиса. Моссовет старого созыва в последние дни своего существования передал в собственность партии множество зданий. На случай, если придется уйти в оппозицию. Интересно, смогут ли новые хозяева Москвы вернуть городу его достояние?..

Нынешняя администрация внесла весомый вклад в кризис режима, но начался он давно, когда стали жить не по средствам, проесть ресурсы — чтобы удержать статус великой державы. Какое-то время не понимали, куда дело идет, потом, сколько могли, скрывали надвигающееся банкротство. В середине восьмидесятых пудра пропаганды уже не могла скрыть склеротического румянца. Дряхлость режима вдруг вышла наружу.

Кремль всегда славился чванством. Не умея накормить и одеть собственное население, толком осветить улицы, вожди коммунизма стучали сапогами по столам международных собраний, поучали человечество, грозили распространить свою систему на весь мир. Нынче в Москве про это стараются не

вспоминать. Америка больше не «мир чистогана», а «богатейшая цивилизация мира».

Много лет ученые страны социализма доказывали, что СССР не сегодня-завтра догонит и перегонит США по уровню экономического развития. Отмечали с удовлетворением, что страна больше всех в мире выплавляет стали, добывает нефти, шьет обуви (только носить ее никто не хочет). Счастье было так близко, так возможно... Правда, что греха таить, не заметили, как мимо них промчалась Япония. Вот что написал по этому поводу британский «Экономист» (6 июля 1985 г.): «В 1913 году имперская Россия выпускала реальной продукции за человеко-час в три с половиной раза больше, чем Япония. 70 лет социализма отбросили ее назад, русская производительность теперь, наверно, составляет только четверть «японской».

В моду вошло смирение. Стоило ЦРУ в отчете за 1989 год оценить валовой национальный продукт СССР как половину американского, немедленно посыпались возражения. Что вы, господа, хорошо, если 28% наберется, всплеснул руками Виктор Белкин из Академии наук СССР. Валовой национальный продукт (ВНП) США — 5200 миллиардов долларов, тогда как советский, по Белкину, 1456 миллиардов.

Горбачев утверждает, что в 1989 году военные расходы составили 77,3 миллиарда рублей, или 128,8 миллиарда долларов (в подобных расчетах перевод идет по официальному курсу рубля, 60 копеек за доллар). ЦРУ в этом году не обнародовало своих представлений об этих данных, но за 1988 год — по оценке ЦРУ — означенная цифра расходов

равнялась 135—165 миллиардам рублей (225—275 миллиардов долларов). Как ни порочивай, расхождение солидное.

Похоже, что президент и генсек поскромничал. Игорь Бирман, бывший советский экономист, живущий в эмиграции, считает, что военные расходы СССР еще выше 200 миллиардов рублей (333 миллиарда долларов). С ним согласен Олег Богомолов, экономист и народный депутат СССР. По его мнению, на войну уходит 20-25% советского ВВП, то есть 290—364 миллиарда долларов, если за базу взять цифру Белкина (ЦРУ дает 15—17%, но от большей величины, получается 218—248 миллиардов). Многие в США и Западной Европе считают, что американская разведка всегда завышала размер советского ВВП.

Впрочем, статистические разногласия можно отодвинуть в сторону, всем и так очевидно: нынешние военные расходы для СССР непосильны. Только по этой причине советская сторона вдруг стала столь сговорчивой, согласилась, например, чтобы «потолок» численности танков для каждой стороны установить на уровне 20 тысяч. НАТО придется убрать 2 тысячи боевых машин, СССР — 35 тысяч.

По опыту США военно-промышленный комплекс (ВПК) переходит на мирные рельсы со скрипом, он плохо приспособлен для выпуска гражданской продукции. Администраторы ВПК привыкли к огромным, фактически бесконтрольным тратам. Для них экономия, прибыль — категории умозрительные. И потому выигрыш будет невелик, особенно поначалу.

Экономическое простодушие, наивность пронизывают советское общество по вертика-

ли, снизу доверху. В головах академиков и плотников, министров и домохозяек, не говоря о секретарях ЦК, клубится туман, они незнакомы с элементарными хозяйственными понятиями и данными.

Сегодня больше всего жалоб слышится по поводу нехватки продовольствия. Почти всегда при этом вспоминают былое благополучие, потерянный рай: были же времена, когда Россия всю Европу кормила... Эти lamentации повторяют некоторые люди на Западе.

Соответствующая статистика лежит открыто, но мало кого интересует. Тьмы низких истин нам дороже... Накануне первой мировой войны сельское хозяйство России достигло пика в производстве зерна — 71 миллион тонн в среднем за 1912—1913 гг. Потребление внутри деревни составило 73,6%, а легендарный теперь экспорт — 15,6%, или 10,4 миллиона тонн (см. Т. М. Китанина. Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. Л., «Наука», 1978, с. 41).

В начале столетия это было выше возможностей крестьянства. Недаром в те годы говорили «голодный экспорт». Иван Вышнеградский, министр финансов Александра III, любил повторять: «Голодать будем, но вывезем». Так и было, с той лишь разницей, что недоедать, а то и голодать приходилось мужичкам. Хлеб уходил за границу во время голода 1891—92 годов, когда в Поволжье люди умирали десятками и сотнями тысяч. (Это продолжалось при других министрах — в 1897—98, 1906—07 гг.) Действиями Вышнеградского, бывшего профессора математики, руководило не бездушие, а простой расчет. Хлеб обеспечивал свыше 30% доходов русского экспорта (все сельскохозяйственные продукты — 94%).

Экспорт приводил к низкому потреблению продовольствия внутри страны. В начале века чистый остаток хлеба (за вычетом экспорта) на душу населения был в России 358 килограммов, а в Америке — 1070. «Россия напрягает свою вывозную способность значительно больше Америки», — писал один из экспертов того времени, М. П. Федоров.

Картина сельского хозяйства до революции была буколической только на бумаге. Чистый выход зерна (за вычетом семян) был всего 368 килограммов с десятины. Это совсем мало в сравнении с другими странами Европы: 1008 килограммов во Франции и Германии, 1488 — в Дании, 1792 — в Англии, 1856 — в Бельгии. По мнению Михаила Флоринского, «объяснение этих различий лежит, разумеется, не в климате или бедных почвах России, а в отсталости сельскохозяйственных методов. Причины отсталости следует искать в бедности и необразованности населения, в пороках общинного землепользования, в угнетающей системе семейной собственности, в сравнительно медленном росте промышленности, который не давал выхода избыточному населению, в юридическом бесправии крестьянства, в неэффективной и коррумпированной местной администрации» (Michael T. Florinsky. The End of the Russian Empire, Collier Books, New York, 1979, p. 183).

Позвольте, вправе возмутиться читатель,

выходит, рассказы про чудовищную дешевизну жизни в России до революции — выдумка? Ответ зависит от того, как на это смотреть. Кто эти мемуаристы, источники «благотручных» сведений? В подавляющем большинстве люди обеспеченные — писатели, адвокаты, журналисты, землевладельцы, врачи. Их годовой доход исчислялся в тысячах рублей (даже мастеровые зарабатывали 50, 60, 100 рублей в месяц). По их понятиям, 50 копеек, рубль — небольшие деньги. Другое дело крестьяне, денежные доходы которых находились на немислимо низком уровне — рублей 50 на душу в год, меньше пятиалтынного в день. Не так уж забавны мужики, которые считали спички при свете лучины...

Горожане могут возразить: крестьянину в то время деньги на пропитание были не нужны, у него все было свое — молоко, морковь и прочее. Еще одна легенда. В нечерноземных губерниях прокормиться только с земли было невозможно, затраты на еду составляли больше половины расходов крестьянской семьи — от 58 до 71%. В 1900 году средний семейный бюджет в Вятском уезде Вятской губернии составлял 202 рубля 40 копеек в год. Вот как расходовались эти деньги (данные А. В. Чайнова):

жилище (сооружение и поддержание)	— 11,4%
одежда	— 12,0%
еда	— 65,8%
табак	— 4,8%
медицинская помощь	— 0,14%
церковь	— 1,6%
крещения, свадьбы	— 3,6%
образование и книги	— 0,06%
прочие расходы	— 0,6%

Крестьяне, составлявшие 85% населения России, жили скудно. За счет этого держались низкие цены на продовольствие, происходил пресловутый вывоз хлеба. После революции практически вся земля — увы, нена-

долго — перешла к мужику. Питание сельского населения заметно улучшилось, зато так называемого товарного хлеба стало намного меньше. Экспортом занимались крупные, помещичьи хозяйства, мужиков мало заботил торговый баланс страны. О 10-миллионном вывозе зерна большевики не смели мечтать. Чистый экспорт хлеба в 1926—27 гг. был всего 2,49 миллиона тонн, на следующий год он упал до 0,43 миллиона, а в 1928—29 гг. баланс был отрицательный: зерновой импорт превысил экспорт на 184 тысячи тонн. Из-за одного этого партия и Сталин остро нуждались в колхозной революции. Действительно, вывоз хлеба в первом году Великого Перелома вырос до 1,34 миллиона тонн, а в следующей 1929—30 гг. скакнул до 5,83 миллиона. Мужика снова посадили на голодный паек, еще хуже дореволюционного...

Аграрная база России никогда не была особенно мощной. Сегодня важнейший вопрос: достаточна ли она для нынешних, преимущественно городских, жителей? Общее мнение, что страна обладает сельскохозяйственными ресурсами в избытке, надо только устранить потери, головоунытие и прочее, одним словом, упразднить социализм.

Согласно Центральному статистическому управлению СССР, сельскохозяйственная продукция составляет 85% от уровня США. Из-за различия в численности населения — 290 и 250 миллионов — советская статистическая душа получает продуктов питания на треть меньше, чем американская. Можно подумать, что это не так уж плохо — учитывая, что многие американцы сознательно ограничивают калорийность диеты. Однако народный депутат Владимир Тихонов, экономист и президент Союза кооперативов СССР, во время визита в США предупредил: «Цифрам ЦСУ верить нельзя!». По его расчетам, соответствующий индекс равен не 85, а только 55%. В этом случае потребитель в СССР получает 47% американской нормы. Но даже половинная цифра не отражает истинного положения вещей, если взять в расчет колоссальные потери аграрной продукции. Тихонов поведал, что из 90 миллионов тонн собранного картофеля до потребителя доходит только 24. К этому стоит добавить, что из-за недостаточной емкости элеваторов в СССР постоянно находится на колесах значительное, тщательно засекреченное, количество зерна. Время от времени происходит интересная операция: хлеб из элеваторов выгружают в вагоны, а на освободившееся место поступают «блуждающее» зерно. Чистый результат этой технологии — усушка, утруска, управление и прочие виды массовых потерь. Каков тогда пищевой рацион советского человека — 40% американского? Третий? Выходит, ошиблись московские демонстранты, которые 1 Мая несли плакат «Еда — не роскошь!».

Дефицит продовольствия — застарелый недуг советской экономики, и на быстрое излечение надеяться не приходится. Наивно думать, что роспуск колхозов и совхозов сам по себе немедленно приведет к изобилию. Стране давно нужна современная аграрная инфраструктура — дороги, хранилища, семен-

ные и почвоведческие станции и многое другое. Возникает далеко не праздный вопрос, кто возьмет на себя эти колоссальные затраты? Сейчас сельское хозяйство, где занято 20% рабочей силы, поглощает 30% государственных капиталовложений. Кто заменит государство в качестве инвестора в посткоммунистическую пору?

Еще один клубок потенциальных проблем коренится в географии. Основная масса хлеба выращивается на Украине и в Причерноморье, в областях богатейшего чернозема. Как сложится продовольственный баланс СССР, если Украина добьется долгожданной независимости? Нелишне вспомнить, что 70 лет назад обитатели Дона, Кубани, Северного Кавказа проливали кровь за свою автономию. Интересно знать, что думают по этому поводу в Кремле?

В разгар Февральской революции императрица Александра Федоровна телеграфировала августейшему супругу: «Уступки необходимы». Василий Шульгин написал в «Днях», что телеграмма опоздала на полтора года. Задним числом трудно судить, как могла бы повернуться история, но во всех российских революциях власть слишком поздно смирялась с неизбежными уступками населению.

Сегодня ни для кого, включая коммунистов, не секрет, что партия засиделась, зажилась, у власти. В феврале года нынешнего под напором народного возмущения она отказалась от гарантированной монополии на власть, но отложили, до очередного съезда: авось, произойдет чудо, можно будет править, как прежде...

По-человечески номенклатурных товарищей понять можно. До слез, до колотья в сердце жалко расставаться с безраздельной властью, с привилегиями, с уютным миром, где все у них специальное, персональное: оклады, пенсии, пайки, распределители, квартиры, санатории, поликлиники, даже кладбища. Недавно Юрий Чурбанов, бывший генерал-полковник и первый замминистра внутренних дел, заявил в лагерном интервью: «Зачем мне эти взятки?... Каждый месяц в ведомости расписывался за 1100 рублей... имел талоны на питание («Новое русское слово», 29 апреля 1990 г.). Вот ведь признал на суде, что воровал, а потерянного оклада с приплатами за звание, за выслугу лет забыть не может. Советские сановники с ужасом думают, что придется работать за гроши, жить в тесноте, стоять в очередях, обивать по каждому поводу пороги канцелярий, словом, вести безрадостную жизнь, на которую они обрели миллионы своих соотечественников.

Если бы даже не было длинной цепи партийных преступлений, нынешнее состояние экономики — политическое банкротство КПСС. Раньше рядовые граждане могли думать, что продукты и золото уходят на войну, на братскую помощь, на грандиозные проекты. Нынче, при «новом мышлении», войска из Афганистана и Восточной Европы вывели, армия сокращается, содержание «клиентам» урезали (конечно, долгов быстро не вернуть, а деньги немалые: с одной Сирии причитается 15 миллиардов долларов). Все рав-

но экономическое здоровье страны ухудшается с каждым днем. ЦСУ сообщило, что советский ВВП в 1989 году вырос на 1%, но никто этому не верит. Все больше экспертов в стране и на Западе согласны со шведом Андерсом Аслундом. По его подсчетам, продукция советской экономики уменьшилась на 4—5%, а в 1990 г. спад удвоится.

Признаки разложения особенно заметны в финансах. Денег стало много, граждане оперируют тысячными цифрами, но теряют доверие к рублю — картина знакомая из экономической истории. «Падающий рубль — прямой результат огромного советского бюджетного дефицита, который достигает 10—12% ВВП. Чтобы платить по своим счетам, Кремль печатает добавочные деньги, чем обесценивает их», — считает профессор экономики Маршалл Голдман. Московские таксисты, не обремененные академическими знаниями, не хотят возить седоков за рубль. Хозяева не хотят платить поставлять продукцию за любые рублевые суммы, предпочитают прямой товарообмен. Власти Казахстана и Узбекистана запретили «экспорт» в другие республики, прибалты не хотят продавать свои изделия приезжим...

Эта хозяйственная дезинтеграция сама собой не остановится. Что необходимо сделать — не секрет. Надо остановить падение рубля и увеличить предложение на рынке, особенно потребительских товаров. Так советует Маршалл Голдман, но добавляет: «Начать новый раунд реформ и, главное, заставить их работать во время возрастающей экономической автаркии кажется почти невозможным».

Впрочем, в советское время из всех реформ удавались только денежные. Ограбить население, одним махом обесценить его накопления — это коммунистическое государство умеет и проделывало неоднократно с огромной для себя пользой. Прочие преобразования больше напоминали пересаживания крыловских музыкантов. В тридцатые годы создавали колхозы-гиганты, куда сгоняли жителей десятков деревень. Когда эта аракеевская затея обанкротилась, от неё почти все отказались. После войны взялись за то же самое под вывеской укрупнения колхозов. Потом их и вовсе заменили совхозами. Каждый раз изменения объявлялись давно назревшими, единственно правильными.

У городошников есть поговорка «Замах рублевый — удар грошовый». Горбачев пять лет кряду обещает привести в порядок экономику, но руки никак не доходят. Первое время обещали новый нзп, теперь другая песня — «польский эксперимент», «шоковая терапия».

Как бы ни обернулся польский опыт, видно, что он мало подходит к советским условиям. Правительство Мазовецкого не обременено прошлым, оно переняло власть у коммунистов в момент жестокого национального кризиса, оно получило широкую поддержку населения во время выборов. Польские рабочие ворчат, жалуются, но не бастуют. Они согласились с Валенсой: надо дать новому режиму время.

Горбачев облачился в президентские оде-

жды, но заручиться голосами избирателей побоялся. Теперь чины его администрации не стесняются жаловаться, что не располагают народным мандатом на радикальные перемены в экономике. «Программа Мазовецкого — горькая пилюля, но внедряется на основе национального согласия. Ситуация в нашем обществе совершенно другая», — заявил Николай Петраков, экономический советник президента. Советские люди сами виноваты, что ничего не меняется: «Поляки предпочитают высокие цены пустым полкам. У нас все опросы общественного мнения показывают совершенно противоположное. Люди принимают талоны и стояние в очередях, особенно в рабочее время, но не повышение цен». Товарищу Петракову сверху виднее...

Слушая Станислава Шаталина, сразу вспоминаешь, что ныне ча дворе пора гласности, откровенности. Близкий сотрудник Горбачева предупредил: без экономических перемен «мы окажемся в общей могиле». И еще послушайте: «В то время как частная собственность проявила свою социальную полезность во всем мире, наша государственная собственность только доказала, что может затанцевать на болоте». Заяви профессор Шаталин что-либо в этом духе десятилетие назад, стал бы народным героем, властителем дум. Но... не мог, был по уши занят: развивал оптимальные методы управления. Той самой социалистической собственностью, которая оказалась такой неблагодарной. Гробовое предсказание Шаталина появилось в «Правде». Читатели еще не успели забыть, как несколькими днями раньше он призывал на страницах «Известий» не начинать назревшую реформу, пока в стране нет настоящей банковской системы, реальной налоговой и монетарной политики, а также других нужных вещей: «Без всего этого введение рынка было бы самоубийством». Как видим, один прогноз мрачнее другого. Помнится, ленинская партия всегда выражала исторический оптимизм.

Бывший президент Мирового банка А. Клаусен заметил по поводу советских дел: «Переходить к рыночной экономике через медленные стадии — это все равно, как медленно выдергивать зуб». Горбачевской команде хочется быстрого прогресса, но чтобы не повредить своему классу и избежать политического риска. Они могут добиться как раз того, чего боятся. Из-за национальных волнений, падения уровня жизни и забастовок неустойчивость в будущем году, скорее всего, возрастет.

Виталий РАПОПОРТ
Нью-Йорк

ЗАПАДНЫЙ РАЗМАХ "СЕВЕРНОГО ТОВАРИЩЕСТВА"

В Магадане он обещал построить квартиры для всех желающих. Теперь настала очередь москвичей. Кооператив "Северное товарищество" — что это? Авантюра? Новый жилищный мессия?

В Исландии на каждую семью приходится 400,3 квадратного метра жилой площади. В Билибино Магаданской области дела обстоят гораздо хуже. Во многом благодаря этому случайному несовпадению — два года назад на нашем Севере появился миллионер.

Бывший учитель — по профессии и слесарь — по жизни (не было свободных учительских вакансий), Николай Задерновский стал кооператором. И вскоре на счет "Северного товарищества" появился первый миллион рублей.

Николай Петрович не продавал чебуреки с северной наценкой 1000% и не вывозил танки за границу Севморпутем — нет. Николай Петрович строил жилье. Во всяком случае, обещал построить — квартиры и коттеджи в любых регионах страны.

Мало найдется у нас "бесквартирных", которые бы в этой ситуации не рискнули и не отправили на счет неведомого кооператива безвозмездный вступительный взнос 50 (всего-то!) рублей и пай 1000 рублей. "Можно перечислить и больший пай, — гласила реклама кооператива. — Например, в размере полной стоимости квартиры или коттеджа".

Богатым и терпеливым предлагалось внести целевой пай на 5—10 лет — до завершения всей программы "строительства не менее семи микрорайонов из высотных домов и городов-спутников из коттеджей".

Размноженная информация стоимостью 5 руб. 49 коп. упала на благодатную почву. Слухи о том, что 1 января 2000 года благодаря КПСС станет Всесоюзным Днем Новоселья, признаны сильно преувеличенными, так что сегодня верят не в Программы, а в себя. Или в чудо, если в себя не верится.

"Северное товарищество" позволяло сочетать обе веры: заработанные собственным горбом деньги в сумме с кооперативными чудесами должны были дать результат, исчисляемый в желанных квадратных метрах. "Чудесами" — потому что добиться осуществления землеотводов и достать стройматериалы кооперативам удается крайне редко (разве что с помощью свыше).

...И взносы пошли. Сумма на счет "Северного товарищества" округлялась, обрастала нулями и, наконец, превратилась в миллион.

В чукотской глубинке запестрели объявления: "Северному товариществу" требуются специалисты по маркетингу и рекламе". Наняли группу красивых девушек для обработки растущей почты. Иные "акционеры" присылали по десять и более тысяч, другие ограничивались паем в 1000 рублей и "безвозвратным взносом"...

Минул месяц, другой, третий — в Билибинский райисполком и в прокуратуру начали поступать запросы от пайщиков. Забеспокоились и власть имущие. В газете

"Магаданская правда" читаем: "Райисполком констатировал: "...Введя в заблуждение более восьмисот граждан о возможности получения квартир в любом регионе страны, не имея ни одного ЖСК, утвержденного исполкомом по месту предполагаемого строительства, кооператив "Северное товарищество" получил на счет свыше одного миллиона рублей, на которые начислены незаконные проценты..."

История закончилась тем, что кооператив не то самораспустился (по версии Н. Задерновского), не то был закрыт (по версии райисполкома).

Видимо, уже созрел возмущенный вопрос читателя: "Ну и что? Нам-то какое дело до Исландии, до Билибино и до "Магаданской правды"? На дворе — парад суверенитетов: у них свои дела, у нас свои..."

Это верно, и все же наш "магаданский" экскурс оправдан. Дело в том, что 26.04.1990 г. в Красногвардейском исполкоме г. Москвы зарегистрировано Государственное творческо-производственное объединение "Русский град", структурным подразделением которого является Государственный жилищно-строительный центр "Северное товарищество" с Николаем Задерновским во главе. Как феникс из пепла, одним словом...

Сегодня на счет "Северного товарищества - II" уже есть, по словам Николая Петровича, 27 миллионов рублей. Цели те же — строительство квартир и коттеджей для страждущих. Не изменились и средства — деньги исправно поступают от этих самых страждущих. Произошли некоторые структурные изменения: "Товарищество" теперь скрыто в двух "матрешках" — является подразделением ГТПО "Русский град", которое в свою очередь является самостоятельным структурным подразделением Государственного центра досуга "Московские окна".

"Переизданное" "Северное товарищество" поражает размахом.

«В Москве мы надеемся только на самих себя», — горько усмехнулся Николай Петрович и рассказал, что на различных объектах в Москве работает около 400 "профи"-строителей из "Северного товарищества". Заявок же от рабочих — почти в 10 раз больше. Удивительного тут мало — в свое время на заборах Москвы появилось небольшое объявление, сулившее рабочим "Северного товарищества" "до 3000 рублей в месяц", а также квартиру в течение максимум двух лет.

Кстати, о квартирах. Первая, как заявил Н. Задерновский, у "Северного товарищества" уже есть (подробности, к сожалению, не сообщаются). Но пайщиков-то — более трех тысяч! "Северное товарищество" просит не беспокоиться: Задерновский пообещал, что в первом квартале Центр получит 20 квартир, во втором — 130, а к концу лета — тысячу!

— Все поняли, что мы работаем за жилье, — рассказывает глава "Северного товарищества". — Нам не нужны землеотводы. Мы ремонтируем, реконструируем, достраиваем объекты, обеспеченные материалами. Что касается наших миллионов — они просто необходимы. Чем больше средств у нас на счете — тем больше нас будут уважать...

Между прочим, мы совсем забыли о ценах. Оказывается, стоимость квартир, указанная в рекламном проспекте "Вопросы и ответы", — еще "не окончательная". После выплаты этого "полного пая" покупатель должен будет доплатить в соответствии с реальной стоимостью квартиры.

Границы "реальной стоимости" Николай Петрович назвать отказался. Сообщил только, что, по прогнозу марке-

тинг-отдела, через полтора года квартиры будут стоить "за сто тысяч" и Центру придется работать с коллективными пайщиками — предприятиями и организациями.

Николай Петрович вообще как-то беспокойно реагирует на вопросы. К примеру, он обмолвился о том, что после проверки деятельности "Северного товарищества" прокуратура (какая? — М.Д.) оставила ему документ, подтверждающий законность этой деятельности. В ответ на просьбу хоть одним глазком взглянуть на эту бумагу, Николай Петрович возвышает голос:

— Я тут не собираюсь стриптиз устраивать! Ищите грязную тему? Пишите лучше о пустых прилавках... Ходил тут один депутат — вынюхивал под видом посетителя. А потом вышел на трибуну: "Что ни спрошу — все у них коммерческая тайна..."

В нашей истории появляется новое действующее лицо — депутат Моссовета Владимир Соболев, секретарь комиссии по градостроительству и архитектуре. Он "вышел на трибуну" и проинформировал депутатов о своем посещении штаб-квартиры "Северного товарищества". В выступлении Владимира Николаевича фигурировало также заключение контрольно-ревизионного управления Мосгорисполкома за № 462/6.

В заключение разъяснялся "матрешечный" принцип построения "Северного товарищества", "Русского града" и "Московских окон". В частности, оказалось, что "Северное товарищество" "не является самостоятельным, не имеет своего расчетного счета и, следовательно, не является юридическим лицом. ...Установлено, что членство в ГЖСЦ "Северное товарищество", а также денежные взаимоотношения Центра с пайщиками осуществляются без оформления договоров о взаимной ответственности сторон. ГЖСЦ "Северное товарищество" в настоящее время не производит каких-либо отчислений и выплат в госбюджет, как и своей вышестоящей инстанции..." И хотя "нарушений или отступлений от принятого Устава не установлено", тем не менее "вызывает серьезное сомнение то, что реализация указанных Центром намеченных планов осуществима в ближайшие годы, так как анализ движения денежных средств ГЖСЦ "Северное товарищество" в настоящее время не отражает необходимых в данном случае темпов начала его производственной деятельности".

Короче: квартир, кажется, никто не строит.

— Структуры власти, — считает Владимир Соболев, — должны подключаться к работе таких организаций уже на начальном этапе. Поэтому вызывает удивление, что руководство "Северного товарищества" до сих пор не вступило с нами в деловой контакт.

Признаться, возникает грустная мысль — деньги будут собраны, вложены в прибыльное дело, Центр получит прибыль, а потом вернет деньги пайщикам. Хотя, конечно, может оказаться, что наши подозрения беспочвенны. Время покажет...

Наиболее "темным" остается вопрос, в какой степени юридически защищены жители Москвы и Подмосковья, сдавшие свои деньги этому Центру.

А пока жители Москвы и Подмосковья штурмуют (по телефону) комиссию по градостроительству, пытаются узнать что-нибудь о возможной судьбе своих паевых взносов. И многие, как рассказал Владимир Соболев, уже обратились в Центр с требованием вернуть свои деньги.

Н.П.Задерновский поведал о "плачущих бабушках", которым возвращали их деньги в Билибино. А также о том, что в свое время даже после негативных отзывов в прессе деньги продолжали валом валить на счет "Север-

ного товарищества - 1". Как видим, оптимистов среди нас все еще хватает. Мы продолжаем верить в свои деньги и в кооперативное чудо. Но будет ли чудо?

Михаил ДУБИК

От редакции: О результатах повторной проверки деятельности "Северного товарищества" читатели будут проинформированы в ближайших номерах "Столицы".

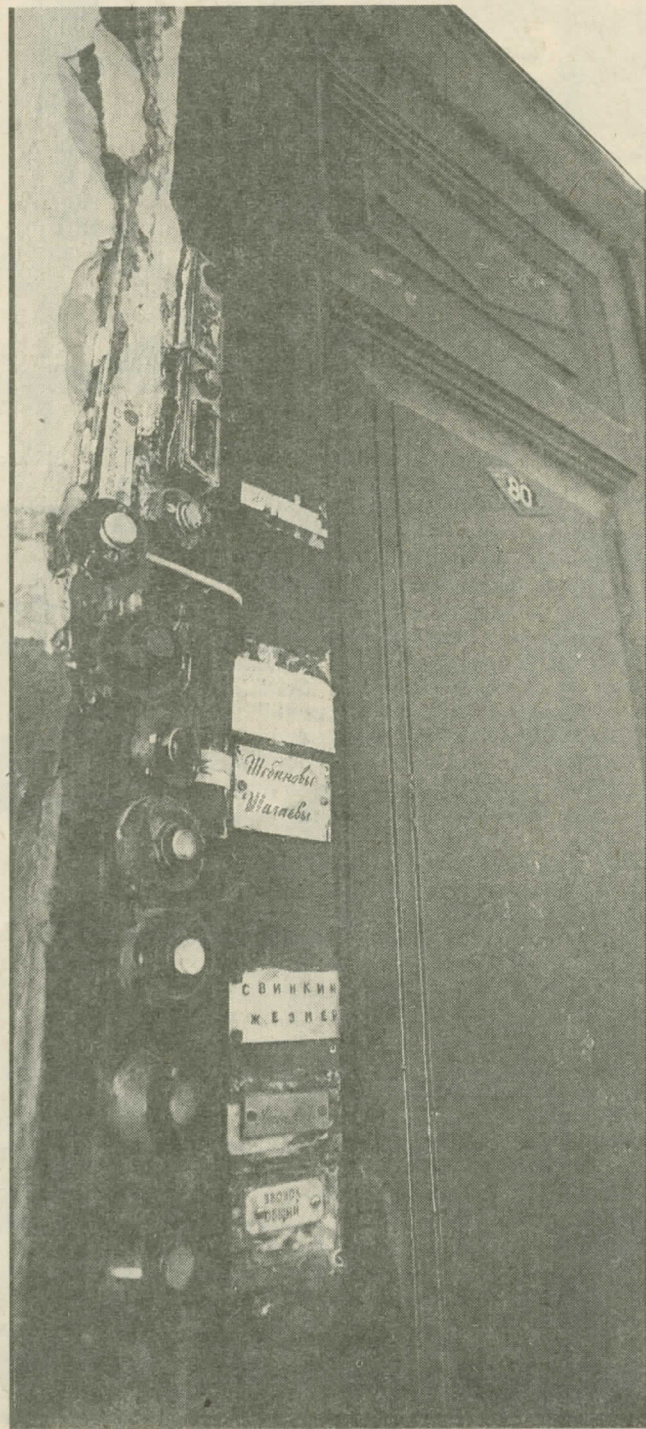

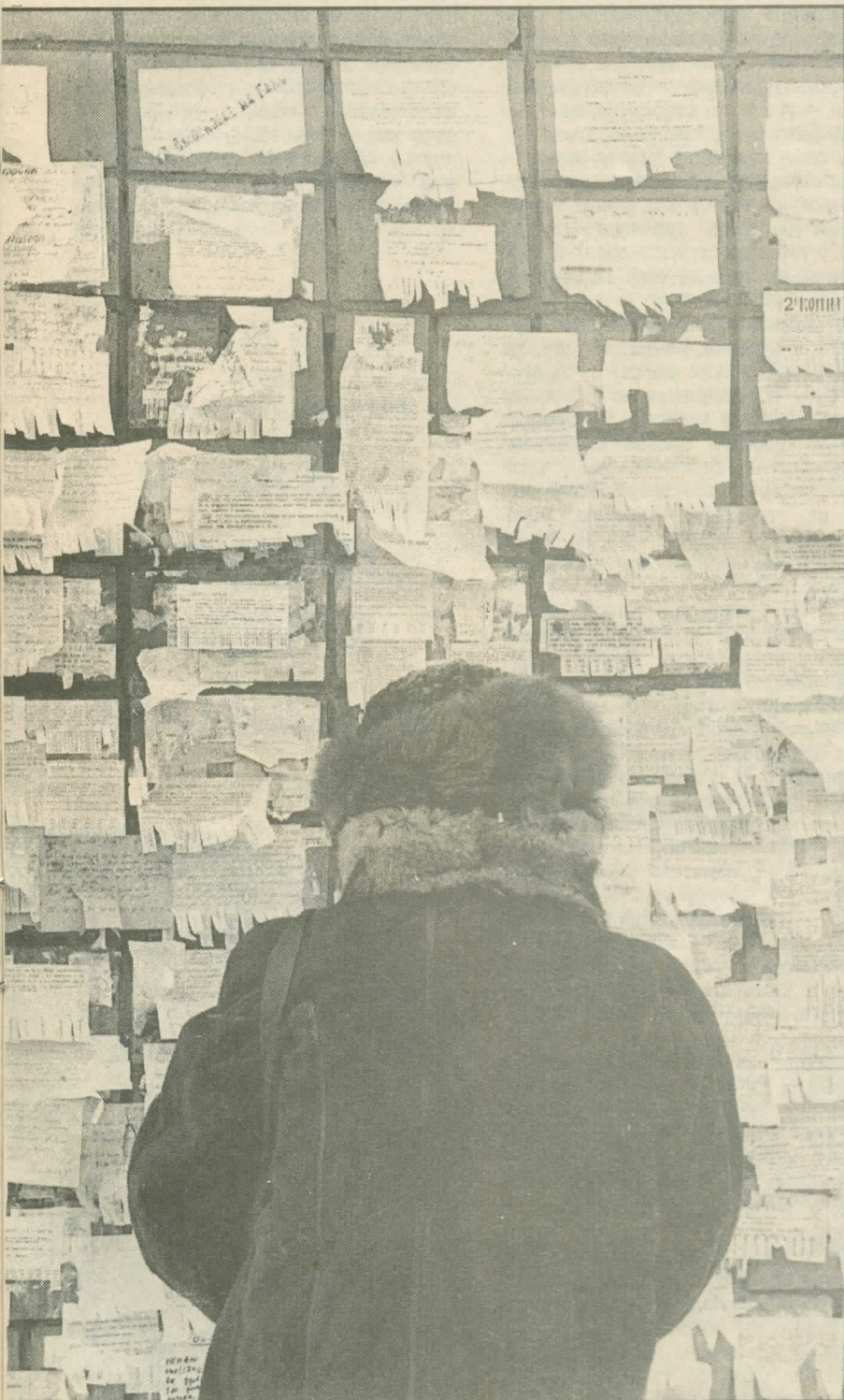
Фото Ю. Белинского

ПОКА ЕСТЬ

ЧТО МЕНЯТЬ...

Бюро обмена — Банный переулок. Он сплошь залеглен объявлениями, страстными призывами к обмену, разъезду, съезду. Раз меняемся, значит, есть что менять. Значит, достаточно в Москве квартир, чтобы произвести в 1989 году без малого 100 тысяч обменов.

Пока нам создают условия, чтобы мы "охотно вкладывали свои сбережения в строительство и приобретение жилья", многие нетерпеливые товарищи, не дожидаясь предложений по строительству кооперативных и государственных квартир, приходят сюда, в Банный переулок, и пытаются «по договоренности» приобрести жилье лучше того, которое имеют. А «договоренность», как и все, нынче дорожает.

Не буду бить по чуткому воображению читателя цифрой. В Банном переулке круглые суммы стоимости квартир висают в воздухе, как воздушные шары. Люди здесь общительны, раскованны и разговорчивы.

Они попытались счастья в государственном бюро обмена. Смирненно повисели их объявления на официальном стенде положенный срок. Они подарили сотню-две кооперативным дельцам и напрочь разочаровались в кооперативном движении. Они ходят в Банный переулок и стойко сопротивляются увещаниям хитрых, как лис, маклеров. Не потому, что у них вместо денег принципы, а потому, что они уже ни на кого не надеются. Вот и ходят обвешанные картонками и плакатиками. Авось повезет.

11 тысяч иногородних обменов. Обменов или обманов? Общеизвестно, что любая жилплощадь в Москве меняется с доплатой — продается. «Надо изменить подходы к продаже в личную собственность государственных квартир, — говорил Н. И. Рыжков на II Съезде народных депутатов СССР. — Как известно, такой порядок уже существует, но широкого распространения он пока не получил». Все так, но у меня маленькое дополнение: государственные квартиры давно стали личной собственностью граждан, покупаются и продаются на тех же принципах.

«Куглю квартиру за валюту» — появляются объявления в газетах. Вот — и не то еще имеем!.. А может, товарищи втайне надеются, что им предложат квартиру где-нибудь в Европе, скажем, во Франции? А что, кто откажется иметь второе жилье, например, в Париже?

Е. ДРЕГАНОВА

Фото М. Штейнбока

Нельзя сказать, что приобретал я машину из чисто платонического желания испытать приключение, — нет, конечно. Ясно, что меркантильный интерес каждого покупающего автомобиль состоит в том, чтобы подняться на другую ступеньку нашей заглохнувшей социалистической лестницы.

Между тем ясно также, что для нормального человека здесь это невозможно. Простому смертному купить машину у нас нельзя. Во-первых, нет денег — т а к и х. Во-вторых, нету машин в продаже. В-третьих, есть "кидалы", "куклы" и прочие нечестные на руку явления.

— Но! — подумал я. — Ведь есть на свете места, где все не так. Где обычный, средний человек без труда может купить себе хоть какую-нибудь, но самобеглую коляску. Где она давно средство передвижения любого совершеннолетнего гражданина.

Миф о том, что завладеть автомобилем может лишь полубог, надо было разрушать. И вот — два месяца в ОВИРе, еще пять — в очереди на обмен валюты — и в путь!

Известие о том, что я приехал в Стокгольм, чтобы купить советскую машину и вернуться на ней в Союз, мои знакомые по журналистике шведы, Бьёрн и Ульф, встретили недоуменным смехом. И то верно: почему бы не приобрести автомобиль там, в России? Потому, объясняю, что "там" не только машину невозможно купить, но даже какой-нибудь к ней глухой фонарик.

Шведы пожали плечами (кажется, так ничего и не поняли) и оптимистично взялись за дело помощи прихотливому русскому.

Дело оказалось пустячным: выйти на улицу и купить рекламную газету, куда все желающие что-то продать подают информацию, совершенно для себя бесплатно и потому в изобилии.

Раздел "Автомобили" — несколько страниц мелкобукристого шрифта.

Трубку подняла молодая, судя по голосу, женщина. После первых же слов она вдруг спросила на чистом русском языке:

— Вы, случайно, не из Союза?

Так я вышел на русскую мафию в Стокгольме.

Жила мафия в недорогом районе Стокгольма, в какой-то по-советски убогой пятиэтажке (в квартиру нас, впрочем, не пустили). Как я понял, эта женщина (Наталья) и ее муж за-

рабатывают деньги тем, что скупают в провинции подержанные автомобили по дешевке и перепродают их — специализированно — советским туристам. Благо, всю советскую психологию знают в совершенстве.

Машины оказались только нашими, и все — "Жигули".

— У этой все в порядке, я хочу за нее 4 тысячи крон (это "два обмена" на языке туристов), — щебетала Наталья. — А эта вот старовата, за 2 тысячи. Зато руль, смотрите, спортивный, один руль под тысячу стоит...

Мы с Ульфом и Бьёрном сели прокатиться на той, что с рулем. Чахоточный двигатель зафыркал (глушитель у агрегата отсутствовал) и, подергиваясь, провез нас вокруг дома...

...Угрюмые и молчаливые, мы вернулись к машине Ульфа. Не доходя до нее нескольких шагов, он протянул руку по направлению к своему "Пежо" и нажал кнопку на брелке. Внутри красного салона синхронно подпрыгнули кнопки-грибки, заблокировав сразу все двери. Ульф вынул из нагрудного кармана телефон-трубку и нацепил его на пульт рядом с магнитолой. Мы тронулись обратно.

— Я бы у этой женщины не купил даже запасного колеса, — мрачно заметил Бьёрн после десяти минут подавленного молчания. (Кстати, он сейчас пишет статью о "русской автомобильной мафии в Стокгольме".)

На следующий день я снова засел за телефон... и с удивлением обнаружил, что практически под всеми продающимися "Ладами" стоит номер нашей новой знакомой, Натальи!

К счастью, приятели мои тоже не дремали. К вечеру мне было сообщено — продавец найден. Им оказался знакомый Бьёрна.

— Сейчас мы едем ее посмотреть, а часов в 12 засядем в бар, чтобы все обсудить и ударить по рукам, — важно объяснил мне Бьёрн.

Вообще, как я заметил, шведы извлекали из всего этого массу удовольствия: покупки вообще для них — дело потешное, игрушечное какое-то, веселое; каждый "шоппинг" по вечерам — забавное приключение, с маленькими открытиями, с неожиданностями и новыми радостями. А тут — целая машина, да еще в таком контексте: русский покупает советскую машину! Вот будет что рассказать-то потом...

Сделку и в самом деле обсуждали в пивном баре со вкусом, азартно сбивая цену, не соглашаясь, идя на

попятную, глубокомысленно прищуриваясь...

— Заходите завтра ко мне, — дружелюбно пригласил Питер. — Оформим документы...

Я по наивности полагал, что надо идти в полицию. Но наутро Питер никуда идти не собирался — напротив, завел нас на кухню, усадил за стол (там уже сидели два его малолетних сына, обложенные салфетками, и заканчивали завтрак) и поставил на стол кофе. "Ну, что, начнем?" — он достал из кармана кипу разноцветных бумажек, это оказались незаполненные чеки на покупку... Ока-

Евгений КУЛАКОВ

Как я покупал машину в Швеции.

зывается, чтобы купить вещь, достаточно написать на чеке ее название, цену и поставить подпись бывшего владельца. И в с. ё. Никаких комиссионных, никаких паспортов, никаких полиций-милиций... И Питер, довольный, откинулся в кресле.

Пока я ошарашенно соображал, "потянет" ли этот документ на "документ" там, на нашей родимой Родине, и нельзя ли написать еще что-то, старшенький сын Питера — вот ведь жизнерадостный ребенок! — чуть не засунул чек в свой десерт. И что меня до сих пор пронзает острым восхищением от всей этой сделки —

**Сделать это
легко. Трудно потом
возвращаться.**

Фото Э. Кудрявицкого

так это осознание второстепенности, неважности всяческих бумажек. Если бы пацан засунул все-таки чек куда-нибудь — ничего бы не произошло! Питер достал бы из кармана и нагисал новый... Представьте себе техпаспорт на ваш автомобиль здесь, в Союзе, засунутым в мороженое! И как бы вы потом доказывали первому же официальному лицу, что он настоящий...

Я уже ничему не удивлялся. Позвонить на причал-терминал прямо из машины Ульфа и заказать место для моей машины на пароме до Хельсинки — нет ничего проще. Получить, въезжая на борт, лишь фигольку-бумажку с номером машины (у меня самого билет даже не спросили: раз человек перевозит свою машину — уж, наверное, свой-то проезд он оплатил?) — ерунда, право. То, что твоим паспортом и всякими там визами никто так и не поинтересуется, — тоже дело обычное. Читал, что один англичанин доехал до самой Венгрии с фотографией собственной собаки в своем паспорте...

Безмятежные люди.

Перед зданием таможни, похожей скорее на коттедж, девушки в форме пограничников кидают стрелки в мишень. Зимнее солнышко пригревает...

Я попросил поставить хоть одну печать на мои смешные бумажки, и здоровый финн-пограничник, засмеявшись, привычно прошлепал по всем пустым местам на моих документах. Видно, не я первый его об этом одолжении умоляю.

Шлагбаум открыт, два километра ничейной земли — вот и знакомые лагерные вышки с пулеметами. Пара строгих близнецов-часовых. Ваши документы; вещи вон на тот стол; нет, телефона у нас нету; бензин только в Выборге...

Потемнело, пошел снег, потом дождь.

Мне вручили зеркало на палочке: "Полезайте под машину, запишите номера кузова и двигателя..." Ну, вот, а я боялся. Конечно, здесь исправят ошибки безалаберных иностранцев — запишут все цифирьки куда надо. "Здесь вам не тут" — мы порядком знаем...

Ну а дальше вы сами все знаете. Каково оно «тут...» Скажу только, что если вся поездка туда заняла три дня, то оформление машины здесь — два месяца.

Но это уже совсем иная история. Иные времена, иные нравы...

ВМЕСТЕ И ВРОЗЬ

В 1989 году Госкомстат СССР предпринял необычное исследование — он опросил 50 тысяч молодых семей: нравится им жить вместе с родителями или лучше жить врозь?

Оказалось, что всего 5,2 процента молодых, из числа горожан, хотели бы жить одной семьей с предками. Зато 67 процентов — поблизости от них. Вовсе далеко друг от друга — 8,6 процента. Молодые сельчане в большинстве своем (56,2 процента) тоже были бы не прочь жить отдельно, хотя бы по соседству. Среди них были и такие, кто не печалился бы, если бы родители жили за пределами видимости, — 6,7 процента. Но 17,5 процента деревенских жителей все же следуют традициям: они стремятся жить со своими в одном доме.

Интересно, что почти такое же соотношение свойственно семейной молодежи из всех пятнадцати республик. Лишь в одной Армении стремление жить одной семьей высказали 47 процентов опрошенных — больше, чем "отдельно" и "поблизости", вместе взятые. В Эстонии же, в Литве, РСФСР, Белоруссии, Молдове и др. республиках желающих жить самостоятельно в десятки раз больше, чем тех, кто нуждается в родительской опеке после собственной свадьбы. Даже те опрошенные, у кого уже есть свои дети, предпочли бы жить без бабушки и дедушки — 77,9 процента, нежели вместе — 4,5 процента.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК,

УСТУПИТЕ МЕСТО

В 1930 году Советская власть решила, что безработица ей не к лицу. И термин этот навеки исчез из всех конституций и законов СССР.

Но дело, конечно, не в терминах.

По расчетам Госкомстата, численность не занятых в общественном производстве только выпускников школ растет особенно катастрофически. Выпускников 1989 года, оставшихся без работы, в четыре раза больше, чем в 1985 году! Точная цифра — 90,6 тысячи человек. Из них только в республиках Средней Азии и Закавказья ходит-пинает воздух 71,4 тысячи человек.

Проблемы наслаиваются одна на другую. Нормальный рынок труда невозможен без рынка жилья. Чтобы безработный мог уехать туда, где для него есть работа. Кроме того, нельзя забывать, что рост армии безработных ударит и по работающим. Ведь откуда возьмутся деньги на пособия по безработице? В основном из госбюжета! И даже если налоги не будут расти (что сомнительно), то все равно: госбюджет придется каким-то образом перераспределять, отнимая деньги у других...

Частично эти деньги изымаются прямо из заводских касс: по мысли авторов "Основ законодательства Союза ССР и республик о занятости населения" после увольнения с работы в связи с реорганизацией и ликвидацией предприятия, учреждения, организации или по сокращению штатов предприятие будет обязано в течение трех месяцев выплачивать своему бывшему работнику полную заработную плату. Если за этот срок человек не найдет себе работу, служба занятости может отправить его на временные "общественные работы" (уборка улиц, овощные базы... ну и так далее — на ту непрестижную работу, идти на которую никто не желает). Работать там придется до 2 месяцев с правом продления срока договора. За этот срок служба занятости постарается найти своему клиенту работу по специальности.

Если же этого не произойдет, человека могут отправить на курсы пе-

реквалификации или начать выплачивать безработному пособие в течение полугода — пособие, которое составит половину от средней заработной платы, что получал он на своей прежней работе, если безработный имеет у себя на иждивении кого-либо, исчисляемой за последние 3 месяца работы. Если же на иждивении у него нет никого, то пособие будет составлять половину от основной заработной платы, т.е. должностного оклада.

Если же человек оказался не у дел сразу после окончания школы или института, то ему в течение 13 недель будут выдавать пособие в размере

75% от минимальной зарплаты (которая, как известно, составляет у нас всего 70 рублей. Особо не разгуляешься, тем более, что очень скоро выплачивать их прекратят).

Большую надежду в Управлении по делам молодежи возлагают на новые, трехсторонние договоры — между предприятием, вузом и студентом. При нарушении условий договора не получивший работу студент мог бы обратиться в Госарбитраж.

Но это все законы на бумаге. И как они станут работать в нашей непредсказуемой жизни, одному Господу Богу ведомо. Но известно уже, что многие хозяйственники ждут не дождутся закона о занятости, чтобы с чистой совестью вытолкнуть человека на улицу. А что — ведь у него же есть теперь "социальные гарантии"!

— У меня такое ощущение, — говорит главный специалист Управления по делам молодежи Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам А.В. Бондарков, — что молодые люди абсолютно не чувствуют приближения настоящей беды. А между тем вопрос о принятии Закона "Об общих началах государственной молодежной политики в СССР" не решен; службы, которым придется выполнять функции бирж труда, создаются медленно и очень тяжело. И еще молодой специалист (в результате обучения на слабой материально-технической базе вуза, техникума и училища) в большинстве случаев не знает производства, боится его, учится с лендой. Между тем давно пора сообразить: без высокого профессионализма, без крепких знаний и нервов в условиях рынка ему не выжить.

Право на труд, по Конституции, у нас гарантировано и обеспечено "социалистической системой хозяйствования" (глава 7, ст.40). Но вот — ни социализма, ни системы, ни хозяйствования... Право есть, а труда нет.

И про безработных в Конституции ничего не сказано.

Спасайтесь сами!

Татьяна ПТИЦЫНА

Фото А. Угробина

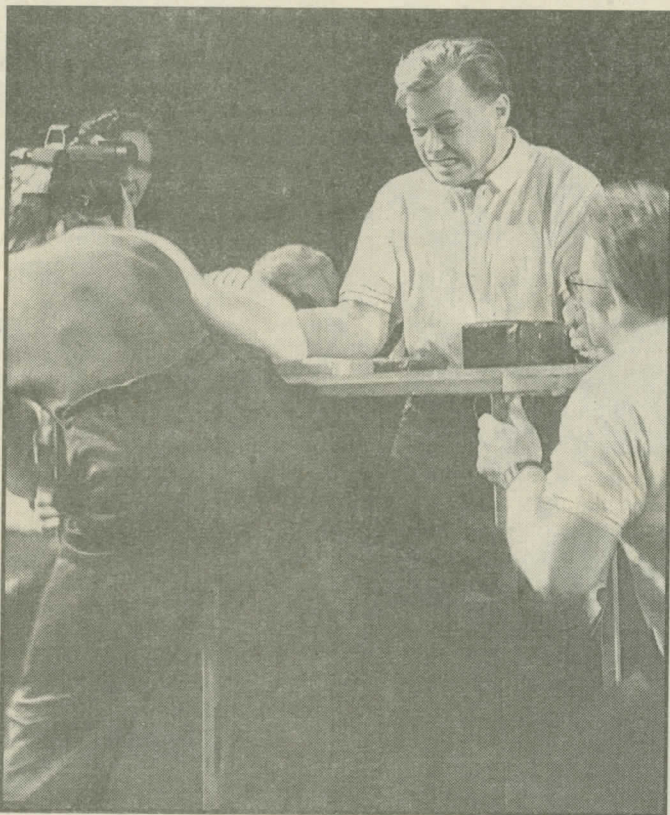

Фото В. Кузнецова

НЕ БЫВАЕТ НЕИНТЕРЕСНЫХ ЗРЕЛИЩ.

Второй чемпионат Москвы по армрестлингу (что на родном языке означает "борьба руками") — нагляднейшее тому подтверждение. Ведь этот самый демократичный и массовый вид спорта предполагает полную раскованность, если не сказать — развязность обстановки.

Под куполом спортзала "Дружба" в Лужниках, где проходили состязания рукоборцев, был шоу-размах с дымовыми и световыми эффектами, с красивыми женщинами и электрогитарами на сцене, с призами, вызывающими у публики подлинный эффект сопереживания. Но особенно, армрестлингового эффекта не получилось. "У вас все слишком серьезно, — говорили посетившие "Дружбу" иностранцы, — настоящий "совок".

А все потому, что у нас в зритель-

На положение в стране "дети подземелья" (так называют продавцов самиздата в подземных переходах) отреагировали своеобразно. Резко расширилась продажа «патриотической» литературы, во-первых, и, во-вторых, изданий для тех, кто очень хочет навсегда уехать из этой страны.

Москвичей, спускающихся в подземный переход под Пушкинской площадью, встречает добрый, ласковый женский голос: «Связав жертве руки, убийцы вытащили ножи... При исследовании трупа обнаружилось вскрытие черепа тупым предметом, множественные ранения грудной клетки, следы удушения. Так нудей расправились с великим русским поэтом Сергеем Есениным... Русский народ! Ельцин и Горбачев тебя продают! Освободись от перестройщиков!»

— Славянин! Всего за 20 копеек ты узнаешь, как тебя продают!

— Девушка, — хватает меня кто-то за плечо, — заплатите рупь пятьдесят, и вы узнаете, почему у ваших детей нет будущего!

Народу много. Крики, ругань, споры.

"Ельцин — почетный гражданин

Израиля!" — "Да дайте же пройти, господи!" — "Православные, вас продают!" — "Сами мы себя продаем!" — "Нет не сами, прочитайте!" — "Да ерунда все это, ребята!" — "Почему ерунда?"

А вот кое-что неожиданное.

Девушка держит на груди фанерный лист с каким-то текстом. Жалуются? Протестуют? Нет. Продает анкеты для выезда в ЮАР. Проходящий мимо парень останавливается, берет одну, шевелит нежный тонкий листок корявыми пальцами, всматривается в незнакомый герб. "Девушка, а как это можно?"

— Ваша анкета отправляется в Великобританию через посольство. Два месяца спустя вам приходит ответ.

— А если родители пенсионеры, с ними ехать можно?

— Можно, можно.

— А если я в Советской Армии офицером был, можно?

— Можно.

— А там в армии можно служить?

— Можно. Покупайте анкету.

— Почему она?

— Пятнадцать рублей.

— Сколько?

— Если дорого, поезжайте в Вели-

кобританию, там даром получите. Вот рядом в Америку анкеты за тридцатник продают.

ЮАР... А опечатаны анкеты плохо, буквы подслеповатые, ссылки на Британское посольство весьма туманны. Тот, кого не удовлетворяет эстетика, может подойти к столику рядом. Там лежат роскошные экземпляры по 25 рублей. Ехать предлагают куда угодно! "Работая за рубежом, советский человек может зарабатывать от 7 до 30 тысяч рублей в месяц. Теперь это реальность и для вас. Наша фирма — первая и единственная в мире, которая занимается трудоустройством советских граждан за рубежом". Устраивает фирма собирается хорошо. Ибо, как объясняют нам, неразумным, законы рынка: "Чем выше ваша зарплата, тем больше наши доходы". Содержание такой литературы на редкость разнообразно. Можно узнать, как делать бизнес за рубежом. Можно — как вступить в Америке в фиктивный брак и не уплатить штраф в 250 000 долларов, который за такие вещи полагается. А еще — как ухитриться и получить на Западе политическое убежище. Всего за 3 рубля 50 копеек.

БЫВАЕТ МАЛО ПИВА

ном зале нельзя курить. У нас так мало пива, что ни в жизнь не увидишь на трибуне болельщика, потрясающего початой бутылкой, с горящими глазами и с криками: "Делай его, Джон!" (Иван — в нашем варианте). А уж дефицит сосисок столь прочен и надежен, что положенного на чемпионатах за границей сыто-"бяддежного" уровня раскрепощенности достичь мы сумеем не скоро.

Свобода прав — в крови "рукотрикладства по правилам" — этого вида спорта с 29-летним стажем и американским происхождением. На его соревнованиях нет допингконтроля. Если ты хочешь выиграть — держи себя в форме, а остальное — личное дело. И все вовлечены, и у каждого — свой интерес: пиво ли, закуска, победа или ее материальное выражение.

Наш же, отечественный, чемпионат отличился чисто доморощенной интригой. Зрительский интерес заключался не только в ожидании — кто кого "побьет", но и в жгучем нетерпении — кому что дадут. Спонсоры турнира — Управление инкассации г.Москвы, фирма "Кнаусс мессе менеджмент ГмБХ" (ФРГ), "Зиг Заг венчер груп" (США), столичный банк, финская фирма "Финн эр" и Всесоюзная ассоциация "Физическая культура и спорт для всех" — на призы не поспешили. На каждое первое место в каждой весовой категории финалисту предназначался магнитофон "Филипп". Вторым призером присуждались кроссовки "Адидас", третьим — 100-рублевая премия. Категорий было пять, магнитофонов — соответственно. Но в полуфинальный день заспорили организаторы мероприятия — Федерация армрестлинга г.Москвы и режиссер шоу-программы, член оргкомитета Ю. Фомин, — выделить ли для пущей массовости и демократичности один из "Филиппов" победителю-добровольцу из зрительного зала? Или все же поровну, без обид, оделить спортсменов-финалистов?

Магия демократических аргу-

ментов взяла верх, и простой советский человек из публики, пригнув к столу руку такого же соперника-непрофессионала, получил магнитофон. А в финале после поединка один из пяти лучших рукоборцев Москвы озадаченно разводил своими победоносными руками: почему именно ему вместо воплощенной советской мечты — магнитофона "Филипп" достались "деревянные" 300 рублей в награду? Он даже на банкет в ресторан "Прага" по случаю чемпионата и одновременного учреждения Советской ассоциации армрестлинга не поехал.

А ведь именно там и удалось организаторам и участникам соревнования приблизиться к западным стандартам по части камерности, задушевности и раскомплексованности. Правда, насчет массовости и демократичности этого суперфинального мероприятия — большие сомнения. Поскольку родного, перестроечного вино-водочного дефицита, равно как и мясо-рыбно-икорного, на этом столе изобилия не наблюдалось. Зато и равнодушной публики вокруг него, точно скажу, не было.

Азлита ЕФИМОВА

ЧЕРНОКОЖАЯ ПАСПОРТИНА

(репортаж из-под
Пушкинской площади)

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
РЕСПУБЛИКА

ПАСПОРТЪ

Встречаются тексты совершенно дикие. Акционерное общество "Юридическая Россия" выпускает изящные маленьки книжечки для тех, кто выезжает в США, Францию, Канаду, ФРГ.

Посмотрим, что здесь расскажут человеку, навсегда уезжающему в США, о государственном устройстве этой страны.

Основная сила современного американского общества — это, оказывается, Коммунистическая партия, которая последовательно борется за интересы трудящихся, против расизма и апартеида, за социальный прогресс и мир. Единственная американская газета, удостоившаяся здесь упоминания, — коммунистическая "Пиплз дейли уорлд". Что же касается других партий в странах Запада, то они активно используют в своей политике "идеи классового соглашения" и, стало быть, ничего интересного не представляют.

Тем, кто держит в руках всю эту литературу и колеблется, отдавать деньги или нет, будет полезно услышать мнение В.Н.Соловьева, начальника Консульского управления МИД РСФСР.

"Ни о каком массовом выезде со-

ветских граждан на заработки в страны Запада и тем более в ЮАР речи быть не может. По крайней мере до тех пор, пока не примут Закон о выезде, — объясняет Валентин Николаевич. — Что касается анкет и бюллетеней, которыми торгуют на каждом углу, — бизнес есть бизнес. Нам милиция пачками приносит вызовы от несуществующих лиц, бланки с поддельными печатями, анкеты мифических компаний. Продавать все это очень выгодно. Покупать — не советую".

Тот, кто не сможет приобрести заграничный паспорт, может вместо этого купить обложку к советскому. Вернее — к русскому. Это еще одна, самая последняя новинка подземного рынка. Сочетание черного и белого цветов поначалу ошарашивает. Слишком похожа эта штука на "Веселый Роджер" — пиратский флаг с черепом и костями. Такую "чернокожую паспортину" действительно в руки возьмешь как бомбу или как ежа. Дизайнеры, создававшие обложку, явно переборщили с черным цветом. Может быть, именно так они представляют себе наше будущее?

Екатерина ГОНЧАРЕНКО

ОЧЕРЕДЬ № 1

210 шагов — это, все знают, часовому идти: от будки комендатуры до поста.

Длину другого маршрута, с противоположной стороны площади, кажется, никто не измерял. По крайней мере, нам в литературе о Мавзолее такая цифра не попадалась. К тому же, в зависимости от времени года, атмосферных осадков, температуры и иных обстоятельств, колеблется и длина очереди, и скорость ее продвижения.

Как и в других местах, тут действуют привилегии. Если, впрочем, в заведениях торговых или социально-бытовых «блатные» тщательно конспирируются, то здесь — все у всех на виду. Приезжает знатный гость — очередь извини-подвинься; а для особой категории граждан вообще существуют дни «спецобслуживания».

Тогда мы все имеем возможность увидеть по телевизору, как, посетив безо всякой очереди Мавзолей Ленина, на трибуну поднимаются преемники и продолжатели его дела — наши с вами вожди...

«В 30-е годы зарубежные газеты писали, что бледная мумия в Мавзолее — на самом деле восковая фигура. Тогда группе иностранцев, среди которых был я, предложили спуститься в глубь гробницы, где профессор Борис Збарский упомянул о секретном методе, с помощью которого было осуществлено забальзамирование, и выразил уверенность, что тело сможет сохраниться в течение целого столетия. Затем он открыл герметичный стеклянный саркофаг, в котором находилась священная реликвия... Это был не воск. Это был Ленин. Иконоборец стал иконой новой России, и миллионы людей, отстояв очередь, с изумлением смотрят на чудо сохранения, его облика...».

Так заканчивает биографию Ленина известный американский советолог Луис Фишер.

После смерти Ленина его «чудотворная икона» явилась миру немедленно.

Культовый вождь насаждался с самых первых месяцев новой власти. Не будем говорить об их портретах как обязательных атрибутах всех учреждений или о развитии кинематографа — «важнейшего из всех искусств», именно в силу эффекта, производимого на темные и голодные массы (на экране — живой Ленин)! Есть от чего робеть, особенно

ни). В газетах мелькают «Трудовая Коммуна имени Каменева», «завод имени Землячки», «фабрика тонких сукон имени Троцкого» — несть им числа. На XII съезде РКП(б) наряду с «гениальным вождем всемирной революции» в речах и докладах превозносятся «красный вождь Красной Армии Троцкий» и — впервые — «наши стальные вожди Каменев и Зиновьев». Сталина, однако, в числе «вождей» пока еще, представьте, нет...

Но одно дело — обожание («аве, Цезарь»), и совсем иное — обожествление. Здесь нужен был прецедент. Уход в «мир иной». По тому, как быстро и бурно пошел процесс «богостроительства», можно предположить, что подготовка к нему велась задолго до смерти Ленина.

Религиозно-мистические мотивы впервые возникают в книге Зиновьева «В. И. Ленин — гений, вождь, учитель и человек», написанной и выпущенной с необыкновенной быстротой. «Ильич, — пишет Зиновьев, — был могуч, как океан. Врагам нашим он был так же страшен, как тот суровый двадцатисемиградусный мороз, при котором мы опускали в могильный склеп его останки... И в гробу Владимир Ильич остается апостолом коммунизма, и в могиле он продолжает быть призывом и кличем для рабочего класса нашего государства и всей земли... Мы все знаем, что Ленин — это пророк нового человечества и апостол коммунизма в лучшем смысле этого слова, что это человек, одно имя которого заставляет учащенно биться сердца миллионов людей».

В духе религиозного преклонения выдержана известная речь Сталина по поводу смерти Ленина. «Вы видели, — говорил Сталин, — за эти дни паломничество к гробу тов. Ленина десятков и сотен тысяч трудящихся. Через некоторое время вы увидите паломничество миллионов трудящихся к могиле тов. Ленина».

Ну и наконец в редакционной статье «Правды» читаем: «Могилы-склеп Ильича будет источником энергии и мужества, источником неисчерпаемой бодрости для трудящихся всего мира в борьбе за осуществление заветов Ильича».

Это уже не «культ личности», а церковная канонизация по всем правилам.

Из разговоров в очереди:

— А зря Сталина убрали. Я бы сейчас посмотрел!

— А я, знаете ли, сделал бы Мавзолей платным — они бы враз балаболить перестали насчет того, чтоб захоронить. И по дороге, подороже! Кто не хочет — не ходи, не тянем!

* * *

В ночь с 21 на 22 января, спустя несколько часов после смерти Ленина, комиссия по его похоронам постановила предать прах вождя земле 26-го числа, у Кремлевской стены, рядом с могилами героев революции. В эту ночь знаменитый патологоанатом Абрикосов забальзамировал труп, чтобы обеспечить его сохранность до похорон. Операция проводилась по методике, давно и широко известной.

25-го, в последний день прощания (как было объявлено с самого начала), «Известия» поместили заметку «Где будет похоронен Ленин». В ней описывается ход работ по приготовлению могилы, осложненных «исключительно глубоким замерзанием почвы». Одновременно рассказывается о «сооружении деревянного сруба внутри могилы (?) и постройке надмогильного сооружения (!)». Попеременно следуют в заметке слова «могила» и «склеп». Текст этот — не что иное, как отражение продолжающихся дебатов о том, предать ли тело земле, как просили родственники Ленина или же сохранить забальзамированный труп на неопределенно долгий срок.

26-го сообщается о переносе траурной церемонии на один день. В «Известиях» печатается постановление Президиума ЦИК СССР, подписанное М. Калининым и А. Енукидзе, о сохранении гроба с телом Ленина в склепе, «сделав последний доступным для посещения». Подчеркивается, что такое решение Президиум ЦИК принял, «идя навстречу желанию, заявленному многочисленными делегациями и обращениями... и в целях предоставления всем желающим, которые не успеют прибыть в Москву ко дню похорон, возможности проститься с любимым вождем». В том же номере сообщение о том, что «академику Щусеву дано задание расположить помост внутри склепа на такой высоте, чтобы входящие в склеп могли видеть через стеклянные прорезы в крышке гроба лицо Владимира Ильича. Таким образом, паломники

(выделено нами.— Н. Г., М. П.) к гробу Владимира Ильича и после погребения его в склепе будут видеть лицо мирового вождя трудящихся».

27 января на первой странице «Известий» — статья ее редактора Ю. Стеклова, и в ней такой, заслуживающий медленного текстологического анализа, пассаж:

«Сегодня Красная Москва опускает в могилу тело Ленина... И великий революционер навсегда уйдет из царства живых.

Нет, не уйдет! Он и физически останется с нами, хотя бы на время. О, как хорошо мы понимаем горячее желание рабочих навсегда сохранить тело Ленина, чтобы все грядущие поколения могли видеть того, кто подал сигнал к освобождению угнетенного человечества. К сожалению, наука до сих пор не нашла средства сохранить навсегда человеческие останки. Но мы знаем, что будут приняты все меры к тому, чтобы на возможно более долгое время тело Ленина было предохранено от тления и чтобы все, кто пожелает, могли поклониться его останкам...»

«Мы знаем...» «Мы!»

Расшифровку этого «мы» дает в своих воспоминаниях В. Бонч-Бруевич:

«Вызвали специалистов, которым была поставлена задача: процесс бальзамирования выполнить так, чтобы облик Владимира Ильича, лежащего в гробе, сохранился как можно долее, во всяком случае — десятки лет...»

Из разговоров в очереди:

— Эх, товарищ Ленин, встал бы ты да поглядел, что тут у нас творится!

— Да он бы, как в том анекдоте, враз эмигрировал бы!

* * *

«Увековечение трупа» тем меньше казалось абсурдным и кощунственным, поскольку осуществлялось оно вовсе не «втихую», а на фоне шумной дискуссии об увековечении памяти Ленина. Гигантский дирижабль «Ильич» был едва ли не самым скромным предложением. Преобладали идеи фантастические. Например, такая: построить вблизи Москвы город для рабочих, состоящий из небоскребов типа американских, соединить его с Москвой скоростной железной дорогой и назвать в честь Ленина. Есть и проекты поскромнее — «переименовать Красную площадь в Ленинскую», «переименовать Москву в Ленинск как будущую столицу мирового СССР», «установить новое, ленинское летосчисление, начав его с Октябрьской революции». С огромным размахом ставится задача создания памятников вождю.

Тон дискуссии определяла статья Л. Б. Красина, который возглашал: «Память Ленина должна быть и будет увековечена в целом ряде архитектурных памятников на всем пространстве Союза. Это будет работа для нескольких поколений, но начать ее надо немедленно. ...Первой задачей является сооружение постоянной гробницы на том месте, где сейчас покоится тело Владимира Ильича. Трудность задачи поистине необык-

новенна. Ведь это будет место, которое по своему значению для человечества превзойдет Мекку и Иерусалим».

При жизни Ленина Л. Б. Красин относился к нему с уважением, но без лицемерного почтения, и уж тем более без преклонения. Случалось, вступал в полемику, подчас принципиальную и довольно резкую. Красин был хорошим инженером и человеком вполне либеральных взглядов. Секретарь Сталина Б. Бажанов впоследствии искренне недоумевал, «какой черт дернул» этого «технократа», вполне способного преуспеть в любой капиталистической стране, «податься к большевикам». Тем загадочнее активность, которую проявлял Красин в деле обожествления Ленина.

Наряду с Красиным в «исполнительную тройку» Комиссии ЦИК СССР по увековечению памяти Ленина входили также Молотов и Енукидзе. Об их доле в концепции Мавзолея (кстати, слово это появилось на страницах газет в отчетах о похоронах 28—29 января) мы смеем лишь догадываться. Похоже, что к этой идее они относились сдержанно: «Мы не хотели создать из останков Владимира Ильича какие-то «мощи»... Своим гениальным учением и революционными действиями... он достаточно увековечил себя... Мы... придавали и придаем величайшее значение сохранению облика этого замечательного вождя... для будущих поколений... которые будут в высшей степени счастливы увидеть облик этого человека», — говорил на заседании комиссии 27 июля 1924 года А. С. Енукидзе.

Замечательно, что уже здесь сталкиваются «политические» и «человеческие» доводы, о которых спустя 65 лет упоминал в выступлении на I Съезде народных депутатов СССР Юрий Карякин; и, как ни парадоксально, все доводы комиссии — именно «человеческие», а вовсе не «политические». По крайней мере, эти доводы фигурируют, в той или иной мере, во всех доступных источниках.

Бонч-Бруевич рассказывает, что число противников бальзамирования в самом начале было велико — едва ли не подавляющее большинство; однако в течение всего нескольких недель сопротивление старых друзей усопшего, а затем и его жены, сестер и брата оказалось сломлено: «Идея эта... столь захватила всех, что была признана крайне необходимой, нужной для миллионов пролетариата, и всем стало казаться, что всякие личные соображения, всякие сомнения нужно оставить и присоединиться к общему желанию».

Ну что же! — подумалось мне. Такова его счастливая и великая судьба! Пускай и после смерти, как и при жизни, послужит он пролетарскому делу, делу рабочего класса!..»

Но для того, чтобы отбросить «всякие личные соображения», нужно было «общее желание». Это необходимо было и для решения попутной другой задачи — «впрок»: создать мнение, что идея сохранения тела «на века» родилась не в аппарате, не в «верхах», а в «низах» — в гуще народных масс.

Мы далеки от предположения, будто телеграммы и письма рабочих с просьбой не хоронить тело вождя писались под диктовку или вообще являются фальшивками, хотя впоследствии не раз и не два такие приемы практиковались (будь то проклятья Пастернаку, Солженицыну или Сахарову либо, напротив, отзывы о мемуарах Л. И. Брежнева). Скорее всего, произошло тонкое манипулирование общественным и мифологическим, мистическим сознанием: в печати сделана была подсказка, намек — и «глас народа» не заставил себя ждать. А там уже оставалось из всего потока писем отобрать и поддержать лишь то, что соответствовало собственным представлениям и намерениям партийного руководства. «Схоронить в земле не редкость, а сохранить на много лет — вот что может сделать только коммунистическая партия!» — попробуй поспорь с такой коллективной резолюцией...

Ясно, что решение о создании Мавзолея носило волевой характер. И объяснима поэтому наша настойчивость в попытках узнать: чья личная воля была решающей в этих, пусть и коллективных, усилиях?

Новейший биограф Ленина Рональд Кларк отмечает, что это решение всегда было окружено глубокой тайной. «Возможность бальзамирования, — считает Кларк, — обсуждалась на Политбюро еще осенью 1923 года, в период болезни Ленина». Известный английский историк Роберт Макнил уточняет: «Некоторые источники свидетельствуют о том, что Сталин сыграл первостепенную роль в решении набальзамировать тело Ленина и навечно поместить его на Красной площади. Вполне вероятно, что он принял участие в проектировании Мавзолея: вставших на его трибуну руководителей, принимавших военные парады и демонстрации трудящихся по поводу различных празднеств, можно было прекрасно связать в воображении с усопшим героем». К «авторству» Сталина склоняется и Авторханов. «Сталин, — пишет он, — сознательно превратил Мавзолей Ленина в «гроб Господень», чтобы его именем освящать свою будущую инквизицию. Ленин, конечно, хотел, чтобы ученики продолжали его дело, но едва ли он согласился бы на создание нового бога».

Следует подчеркнуть и еще одно обстоятельство.

Всю организационную работу по осуществлению проблемы «Сохранить на века!» с самого начала возглавил Дзержинский. Еще в феврале 1924 года он скомплектовал в основном группу ученых-медиков из Москвы, Ленинграда и Харькова и провел с ними несколько совещаний. 17 марта Политбюро ЦК РКП(б) по докладу Дзержинского приняло постановление об утверждении профессора В. П. Воробьева руководителем повторного бальзамирования. 26 марта, как пишет современный исследователь С. М. Гаряев, «бригада Воробьева... приступила к бальзамированию, которое продолжалось четыре месяца и завершилось триумфом советской науки...».

— Мой отец, Борис Ильич Збарский, вместе с Владимиром Петровичем Воробьевым бальзамировал Ленина в 1924 году. В 1934 году, через десять лет, возник вопрос о том, чтобы подготовить помощников, и меня вместе с ассистентом Воробьева Синельниковым зачислили в штат Мавзолея. Я там проработал до 1952 года, когда отец был арестован — естественно, без оснований, в связи с этим меня отчислили... И я больше к этой работе не возвращался...

— С чем все-таки связан был арест вашего отца?

— Я знаю, что он не был осужден, ему не был вынесен никакой приговор, просто он полтора года пробыл в тюрьме... и единственное, что он мне сказал, — его обвиняли в том, что он германский шпион... Дела его я не видел, естественно. А говорить тогда, понимаете, было страшно. Даже шептаться.

— Кого-то еще из лаборатории постигла такая же участь?

— Нет. Меня отчислили просто, под другим предлогом. И директором лаборатории стал заместитель отца Мардашев.

— Все эти десятилетия работа лаборатории окружена стеной секретности. Но то время, когда вы там работали, скажем так, особенно колоритно... Вы ощущали контроль, опеку — или просто не замечали всего этого?

— Поначалу к нам было полное доверие, у нас был ключ, так сказать, «оттуда», там был дежурный монтер, и нам входить можно было когда угодно, но постепенно, к 1936—1937 годам, когда положение осложнилось, у нас уже был очень большой штат — комендант, зам. коменданта, многочисленная охрана, — все изменилось, стало значительно сложнее: входить туда только вдвоем, пропуска тщательно проверяли, комендант обычно присутствовал при работе... но и в этом случае доверие было полное.

— Илья Борисович, вы работали все-таки в спецлаборатории, в научном учреждении, к которому счет особый.

...В обстановке всеобщего «богостроительства» отдельные протесты, даже со стороны столь авторитетных в партии людей, как Крупская и Троцкий, не могли иметь никакого значения. 30 января газета «Правда» помещает обращение Крупской к рабочим и крестьянам: «Большая у меня просьба, не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память и т. д. — всему этому он придавал при жизни так мало значения, так тяготился всем этим. Помните, как много нищеты, неустроенности в нашей стране...»

Однако у руководящей «тройки» (Сталин, Зиновьев, Каменев) были совсем другие планы. То, чего более всего опасался Ленин — раскол партии, — по существу, стало реальностью. «Внутрипартийная демократия» в понимании «тройки» состояла в беспрекословном проведении линии аппарата нижестоящими организациями; партийные массы становились объектом манипулирования. Осуществлению этой цели способствовала политика приема в РКП(б) всех желающих — траурного «ленинского призыва». «Записывались» в партию целыми цехами, «на ходу», в течение обеденного перерыва на предпрятиях. И — так же, в полном составе — шли в Мавзолей («приветствовать, рапортовать...»).

Наиболее дальновидные из большевистских

вождей рано усмотрели в создании нового культа опасную тенденцию. По мнению Троцкого, этот культ прямым путем привел к «фетишизму власти» в таких масштабах, о которых не смела мечтать абсолютная монархия.

Как и следовало ожидать, культ Ленина породил яростную на него реакцию. Ленинина все более «раздвигалась»: на одном полюсе — благостные мифы, на другом — тотальное неприятие. В первые дни после смерти Ленина даже непримиримые противники большевизма отзывались о нем с уважением. С течением времени поток «антиленинианы» возрастал и ширился. Сегодняшние обвинения в адрес Ленина в организации террора, массовых репрессий, в нетерпимости к оппонентам не содержат откровений. Недавно опубликованное письмо Ленина Молотову для членов Политбюро о конфискации церковных ценностей давно известно на Западе. В изданных в Париже «Бумагах Троцкого» приводится еще один документ подобного рода — записка Ленина, адресованная заместителю председателя реввоенсовета Складанскому, датированная августом 1920 г.: «Прекрасный план! Доканчивайте его вместе с Дзержинским. Под видом «зеленых» (мы — по том на них и свалим) пройдем на 10—20 верст и переведем кулаков, попов, помещиков. Премия: 100.000 руб. за повешенного».

Второе направление антиленинской критики

Не буду сравнивать с положением, скажем, Королева, ему просто приказывали запустить космонавта к 7 ноября... но в науке, тем более в экспериментальной, всегда есть неожиданности. Насколько чувствовалось «давление сверху»?

— Лично я не имел связи с высоким начальством, а отец, естественно, обращался в НКВД, затем в Министерство здравоохранения, они интересовались этой работой... ответственность была очень большая, и все мы постоянно переживали: не дай Бог, там появится пятнышко какое-то или что-то изменится... но и затем необходимо было оборудование, режим работы, реактивы — по всем этим вопросам обращались к начальству, и все это удовлетворялось, даже при очень больших трудностях...

— Вы были в составе группы, вывозившей тело Ленина во время войны в Тюмень. Что это была за группа?

— Почему-то очень долгое время факт эвакуации тела держался под секретом, об этом не сообщалось, хотя все равно где-то это просочилось, и сейчас секретность в этом отношении снята... Мы там находились с начала июля 1941 до весны 1945 года. Там было отведено строение специальное, но доступа к телу, конечно, не было... Была полная секретность, но среди жителей Тюмени все равно вся информация просачивалась...

Вообще, с точки зрения общей, я, разумеется, не считаю, что это является цивилизованным методом — то есть бальзамирование... Но это лично мое мнение.

— Академик Дебов, нынешний руководитель лаборатории, сказал в прошлом году корреспонденту «Правды»: «В истории любого народа бывают периоды, когда во имя высших целей политика вынуждена брать верх над личным, человеческим...».

— Ну, это так, конечно. То, что он сказал, я с этим совершенно согласен. Это решение было принято Центральным Комитетом и Политбюро — и тут никаких обсуждений с нашей стороны не было... В то время, думаю, подавляющему большинству это импонировало — всем хотелось проститься с Лениным...

касалось морального облика самого Ленина. Наиболее тенденциозны в этом плане суждения Б. Бажанова: «Я пытался установить для себя, — пишет в своих воспоминаниях бывший секретарь Сталина, — каков моральный облик Ленина, — не того «исторического», «великого» Ленина, каким изображает его вся марксистская пропаганда, а того, каким он был на самом деле. По самым подлинным и аутентичным материалам я должен был констатировать, что моральный уровень его был очень невысок. До революции лидер небольшой, крайне революционной секты, в постоянных интригах, грызне и ругани с такими же сектами, в не очень красивой, непрерывной борьбе за кассу, подачки братских социалистических партий и буржуазных благодетелей, овладение маленьким журнальчиком, изгнание и заушение соперников... К сожалению, нравы, которые ввел Ленин, определили и нравы партийной верхушки после революции. Я их нашел и у Зиновьева, и у Сталина».

Третья группа аргументов «антиленинианы» связана уже не с личностью самого Ленина, а с причинами его смерти и историей бальзамирования. В этом плане секретность, окутывавшая в Советском Союзе жизнь и смерть государственных деятелей, давала полный простор для всевозможных домыслов и предположений. Одну из таких гипотез — об

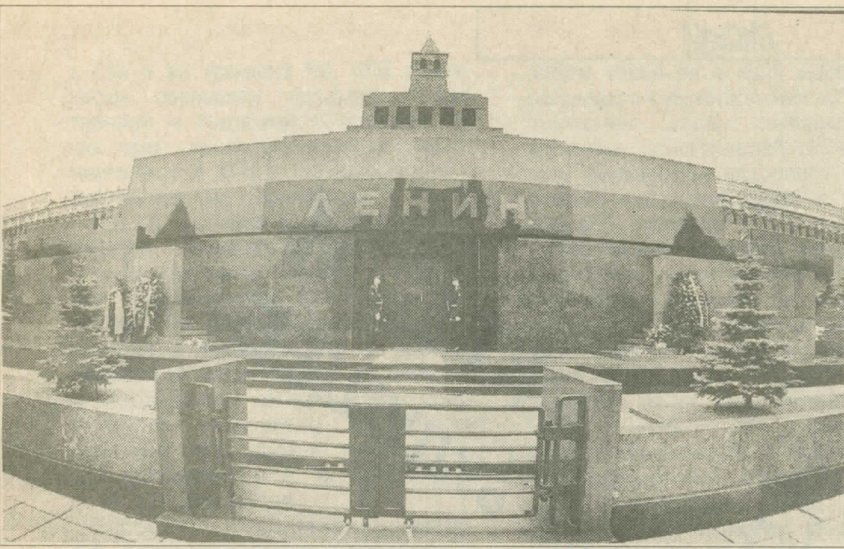

Фото Э. Кудрявникова

отравлении Ленина Сталиным — развилал в последний период своей жизни Троцкий.

Появлению слухов и предположений, связанных с причинами смерти Ленина, как ни парадоксально, по-видимому, способствовали заявления виднейших партийных руководителей, как раз и направленные на опровержение подобных слухов. В упомянутой нами книге Зиновьев писал: «Вам, конечно, известны, товарищи, все те глупые измышления, которые наши враги пытались пустить в ход, чтобы «объяснить» причину болезни Ильича. Ныне виднейшие представители медицины не оставили камня на камне от этих сплетен...».

Из разговоров в очереди:

— ...Я когда третий раз в дурдоме лежал, со мной в палате один чайник был — он работает в этом самом Институте. Так он мне по секрету рассказал... Они, представляешь, похожих ищут по моргам — знаешь, кто без документов, кто вроде как без вести пропал... Сам видел, наверное: сколь по стране в розыске. Ильича-то давно схоронили, секретно — Крупская Сталина спросила, он и сжалился. Ну, доктора, они хитрые, знают: как пахнуть у них там начнет — сразу в ЧК. «Ищите, отцы, похожего!» Похожего найдут — докторам привозят. А того, что лежать уж не может, потихоньку в крематорий...

Замена «религии царства небесного» религией царства земного» сопровождалась усиленными поисками личности, обладающей непрекращаемым авторитетом, столь необходимой на первоначальном этапе утверждения нового «вероучения». «Религией царства земного» становился предельно упрощенный, «ритуализированный» марксизм. Новое религиозное сознание принимало весьма жесткие формы, роднящие его с кальвинизмом или «религией Верховного Существа»; созданной Робеспьером. Вновь воскрешались представления об абсолютном предопределении (в виде тезиса о неизбежности победы мировой революции), история рассматривалась как борьба «добра

и зла» (прогрессивных и реакционных сил по новой терминологии).

Один из деятелей Великой французской революции заметил, что чем больше толпа поклоняется кумиру, тем неистовее рукоплещет она, когда этого кумира, уже развенчанного, везут на гильотину. Безудержное поклонение, как правило, сменяется столь же фанатичным отрицанием. В этих условиях серьезная дискуссия невозможна. На одном полюсе — те, кто наконец-то «открыл» виновника всех наших бед. На другом — те, кто упрямо продолжает считать, что ленинизм, «лениниана», ленинские мемориалы — это «главные, основополагающие идейные ценности и завоевания нашей революции, нашей истории и нашей культуры». Такие люди искренне обеспокоены тем, что кто-то будто бы вознамерился «похоронить ленинизм».

Слово «культура», очевидно, следует понимать в очень широком смысле — здесь и наука и искусство, техника и медицина, философия и социальные теории. В таком представлении ленинизм, безусловно, часть нашей культуры. Но можно ли говорить о какой-то «главной», «основополагающей части»? Ленин был великим политическим стратегом — это признавали даже его враги и идейные оппоненты. Но никто из объективных исследователей никогда не считал Ленина великим философом, экономистом, специалистом в области техники, военного дела и т. д. Да и сам Ленин, в общем-то, не претендовал на что-либо подобное. За свой единственный крупный философский труд «Материализм и эмпириокритицизм» он, по воспоминаниям современников, принимался не без внутренних сомнений — фундаментальной философской подготовки у него не было. Книга была весьма скромно оценена специалистами — как хорошая полемическая работа в защиту марксизма, не более. Правда, написанная со всевозможными полемическими передержками, весьма грубо и неуважительно по отношению к оппонентам.

Прислушаемся к мнению Н. А. Бердяева: «В философии, в искусстве, в духовной куль-

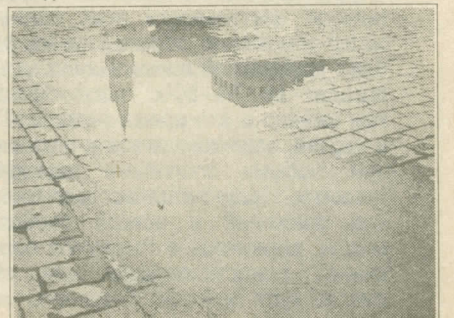
туре Ленин был очень отсталый и элементарный человек, у него были вкусы и симпатии людей 60—70-х гг. прошлого века. Он соединял социальную революционность с духовной реакционностью... Тип культуры Ленина был невысокий, многое ему было недоступно и неизвестно. Всякая рафинированность мысли и духовной жизни его отталкивала. Он много читал, много учился, но у него не было обширных знаний, не было большой умственной культуры. Он приобретал знания для определенной цели, для борьбы и действия. В нем не было способности к созерцанию». Конечно, критерии, с которыми подходит Бердяев к оценке «типа культуры Ленина», чрезвычайно высокие. И не все, скажем прямо, имеют право давать подобные оценки. Но все же чудовищно несправедливо делать из полемической книги Ленина основополагающий элемент нашей философской культуры, к тому же обязательный для всеобщего изучения.

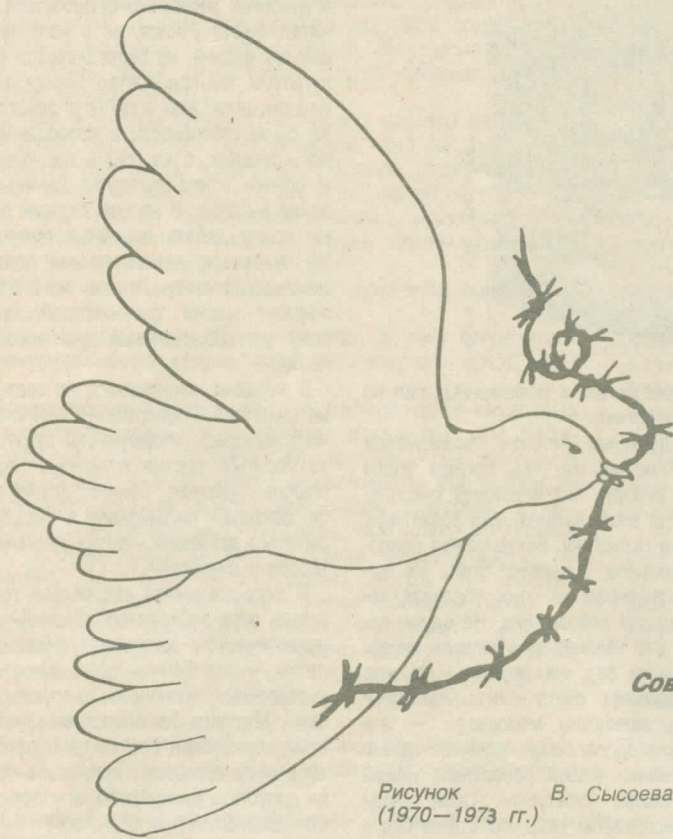
В недавно появившейся на свет «Программе действий Компартии РСФСР» среди прочего записано: «Коммунисты будут решительно бороться против глумления над памятью Маркса, Энгельса, Ленина, других выдающихся деятелей российского и международного рабочего движения, против дискредитации их теории и личности».

В этом документе как нельзя точнее отразилась одна из главных традиций всего коммунистического движения последних десятилетий — его вечная обращенность назад: к «классикам», «основам», «неурушимым принципам». Мыслимо ли представить, чтобы, допустим, германские социал-демократы вписывали в свою программу призывы с требованием не допустить дискредитации «теории и личности» Бернштейна и Каутского?

История не пошла «по Ленину». И именно в этом его теория «дискредитирована жизнью». Впрочем, она существует и как политическая реальность, пока находятся те, кто желает «повторить эксперимент» еще раз.

Что касается стремления сверять каждый практический шаг с «учением непогрешимых личностей», то это самая характерная черта мифологизированного сознания. Всюду, где экономика заведена в тулик, где доживает свой век последние диктаторы, готовые умереть сами и увлечь за собой мир во имя «великих принципов», где основные продукты распределяются по карточкам и инсценируются показательные процессы против бывших кумиров, там неизменно насаждается культ вождя...

КГБ И НАШЕ БУДУЩЕЕ

*Обращение к Верховному Совету СССР,
Верховным Советам республик, местным
Советам, политическим партиям и движениям и
всем гражданам*

Рисунок В. Сысоева
(1970—1973 гг.)

Комитет государственной безопасности в его нынешнем облике мы рассматриваем как одно из основных препятствий к установлению нормальной атмосферы во внутриполитической жизни страны. В неизменности его статуса кроется неопределенность и даже двусмысленность демократических перемен, неуверенность в их необратимости. Эта организация по-прежнему остается по существу бесконтрольной, а главное — фактически сохраняет свои прежние позиции и оценки состояния нашего общества.

Официальное осуждение карательной деятельности всех организаций неизменно обрывается на рубеже хрущевской эпохи и никогда не доходит до 50—80-х годов. Между тем именно в это время методы КГБ и партии, заключающиеся в подавлении любыми способами демократических, национальных, религиозных движений и всякой свободы мысли, сложились в тотальную программу, представляющую для общества куда большую опасность, не-

жели нереальный сегодня террор сталинского типа.

До сих пор ни в одном из официальных документов и заявлений нет признания того, что сама идея полицейского контроля над интеллектуальной и общественной жизнью, слежки за инакомыслящими, преследования за распространение своих убеждений, сами методы контроля за перепиской, подслушивания разговоров, всеобщего доношительства есть преступление против прав человека и общества.

Более того, КГБ и сегодня откровенно декларирует позицию, излагавшуюся в 70—80-х годах в докладах Андропова и идеологов его ведомства и состоящую в том, что любое "инакомыслие" подкинуто нам спецслужбами Запада с целью ослабления страны и общества. Чрезвычайно симптоматично, что в самое последнее время множатся попытки работников КГБ оправдать свои действия тем, что они поступали строго по закону и в стиле свойственного тем годам понимания обстоя-

новки, а инакомыслящих судили по всем юридическим канонам. Подобные оправдания могла бы привести охранная служба любого тоталитарного общества, включая нацистский режим. Но эти оправдания не выдерживают критики и по сути дела! В обвинительных заключениях по делам политического характера, сочиненных следователями КГБ, делалась заведомо ложная оценка публицистики, научных и художественных произведений, дневниковых записей, частных писем, в которых содержались лишь правда о положении в стране и критика общественной системы. Бесспорные факты, сообщавшиеся в обширной "самиздатовской" литературе, огульно объявлялись клеветой. Преследование правозащитных движений, действовавших строго в рамках Конституции, не имело под собой никакой правовой основы и само по себе было преступлением. До сих пор нам внушается мысль о том, что использования психиатрии в политических целях не было, а были-де "отдельные эксцессы".

Как и во времена ЧК, КГБ фактически совмещал функции следственной и судебной инстанции, так как суды лишь штамповали подготовленные в КГБ и согласованные с партаппаратом приговоры.

Мы до сих пор не услышали публичного осуждения руководством страны, органами надзора и тем более руководством КГБ всех этих фактов. Ни разу не была дана моральная и правовая оценка преследований и инсинуаций, провокаций и притеснений, которые были организованы специально созданными отделами КГБ против великих наших сограждан — А. Д. Сахарова и А. И. Солженицына.

Особенно отвратительно выглядят сегодня разглаживания о заслугах и успехах на поприще борьбы с "антисоветчиками" мракобесов из нашей политической полиции и их приспешников — а мы по-прежнему слышим их по радио, с экранов телевизоров и читаем в газетах. И уж совсем безнравственно, когда эти люди заседают в Советах рядом со своими бывшими жертвами как новоизбранные народные депутаты.

Подобная демонстративность деморализует людей и вселяет серьезные сомнения в искренности руководителей страны.

Необходимость высокопрофессиональной службы по борьбе с организованной преступностью и шпио-

нажем также ни в коей мере не оправдывает существования КГБ в его нынешнем виде, поскольку груз прошлых преступлений и постоянная неумелость кадрового состава лишают эту организацию и тени народного доверия.

Нет никаких гарантий, что в случае изменения политической ситуации Комитет не направит свою деятельность в прежнее русло. И дело ни в коей мере не зависит от личных качеств работников КГБ. По самому замыслу своих создателей, ЧК — ОГПУ — НКВД — КГБ не может не быть репрессивной и бесконтрольной организацией, сращенной с верхами партаппарата.

Мы не призываем к уголовному преследованию работников КГБ, но считаем, что все факты злоупотреблений, политических преследований должны стать известными, равно как и подлинная роль "руководящей" партии в их организации. Должна быть произведена полная реабилитация жертв политических репрессий — всех, вплоть до наших дней. При этом нельзя полагаться лишь на информацию, представляемую запоздало прозревшими генералами, равно как и нельзя ограничиваться лишь любительскими рассуждениями и домыслами. И тем более нельзя доверять ни так называемой "пресс-службе по связям с общественностью", внезапно появившейся из недр того же КГБ, ни активистам

того же ведомства. Многолетнее упорное молчание или ложь о трагедиях, подобных происшедшим в Куропатах, Катynie или на Левашовской пустоши, свидетельствует о том, что только отчаянное давление нашей и мировой общественности заставляет КГБ приоткрывать свои страшные тайны.

Мы считаем, что руководством страны должны быть приняты принципиальные решения, суть которых сводится к следующему:

1. Комитет государственной безопасности в его нынешней форме должен быть ликвидирован как организация, игравшая деструктивную роль на протяжении всех десятилетий со дня своего создания.

2. Цели и методы идеологических и связанных с ними отделов КГБ должны быть квалифицированы Верховным Советом СССР как преступные.

3. Вновь создаваемая организация подобного типа должна быть лишена всякой политической и идеологической роли. Ее деятельность должна касаться лишь строго ограниченного круга вопросов, законодательного зафиксированного и известного всем гражданам.

4. Архивы ЧК — ОГПУ — НКВД — КГБ, включая собранные этой организацией досье на миллионы советских людей, должны быть рассекречены и общедоступны.

Члены общественно-политического клуба ученых и деятелей культуры "Ленинградская трибуна":

А. А. Ансельм, доктор физико-математических наук;
О. Б. Бажков, социолог;
А. М. Вершик, доктор физико-математических наук;
Я. А. Гордин, писатель;
В. В. Кавторин, писатель;
Н. С. Катерли, писатель;
Д. В. Лебедев, кандидат биологических наук;
В. М. Панях, доктор исторических наук;
Д. И. Раскин, кандидат исторических наук;
Б. Н. Стругацкий, писатель;
В. М. Фирсов, доктор философских наук;
В. В. Чубинский, доктор исторических наук;
М. М. Чулаки, писатель.

Члены общественно-политического клуба ученых и деятелей культуры "Московская трибуна":

С. И. Аленикова-Валькенштейн, член бюро, общественный секретарь "Московской трибуны";
Л. В. Альшуллер, доктор физико-математических наук;
Ю. Н. Афанасьев, доктор исторических наук;
Л. А. Ахеджакова, заслуженная артистка РСФСР;
Л. М. Баткин, историк культуры;
Я. М. Бергер, доктор исторических наук;
Л. И. Богораз, член Хельсинкской группы;
М. В. Валькенштейн, член-корреспондент АН СССР;
Б. А. Золотухин, юрист;
С. А. Ковалев, кандидат биологических наук;
А. А. Нуйкин, писатель;
В. Д. Оскоцкий, писатель;
В. Д. Поликарпов, доктор исторических наук;
А. И. Приставкин, писатель;
В. И. Савицкий, доктор юридических наук;
И. А. Чурикова, народная артистка РСФСР;
Ю. П. Щекочихин, писатель;
С. Ю. Юрский, народный артист СССР.

**”Я крещу вас в воде в
покаяние, но Идущий за мною
сильнее меня...”**

Евангелие от Матфея

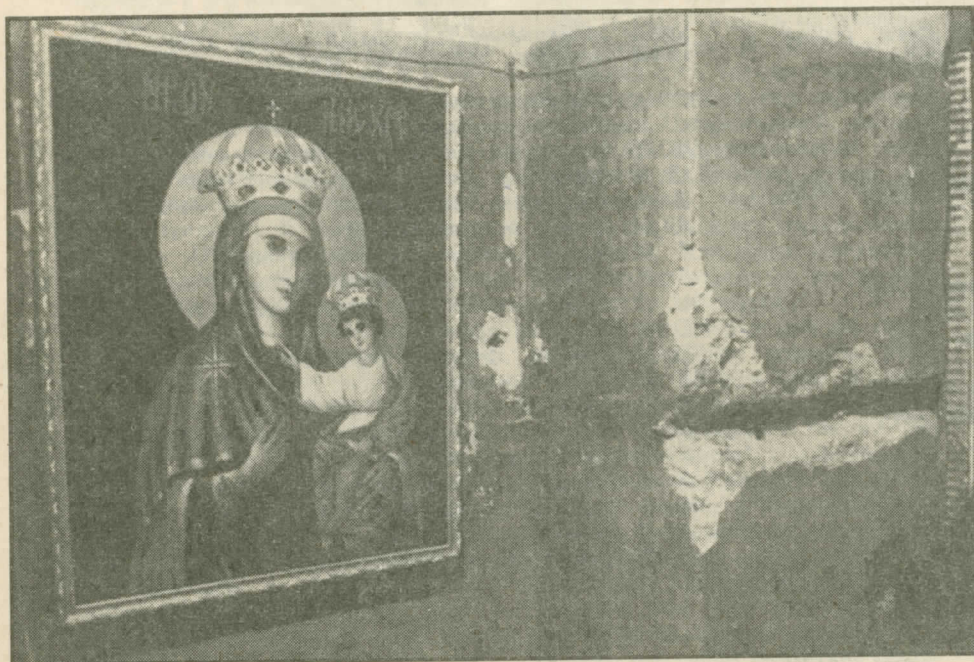

Фото Ю. Штукина

17 августа прошлого года Патриарх Всея Руси Алексей совершил свое первое в этом сане освящение в Москве. Он освятил Храм во имя Преображения Господня в Спас-Тушино. Новый храм с шестисотлетней историей величия и нищеты.

С XIV века тянутся первые упоминания о монастыре в селе Спас близ Москвы. Разоренный литовским нашествием, упраздненный вместе с другими церковными землями в XVIII веке, монастырь сохранил одну только церковь — шатровую, деревянную воеводы Андрея Стратилата, что простояла до прошлого века и обветшала.

Но Богом избранное место не заросло бурьяном. Собрались окрестные жители всем миром и построили в 1886 году новый храм. Величественный, могучий, красного кирпича. Два года ушло только на роспись и убранство, а когда отворили двери — залюбовались.

Да не успели налюбоваться. Пришли кожаные перепоясанные люди и объявили красоту опиумом. В 28-м за дурман расстреляли настоятеля отца Бориса (Соколова). В 37-м — отца Александра (Буравцева). И все. Остались одни стены.

Прочные, толстые стены, которые годились и для военного, и для мирного фабричного склада, и для сельского клуба. Одни лугзали семечки и веселились, другие поверили оттепели 50-х, робко распрямили плечи. Мол, надо бы вернуть Богу Богово. В ответ — снесли колокольню, скинули на землю купол с крестом. Заплясали еще пуще.

Село снесли в 70-м. И снова склад, мастерские, свалка строительных отходов. А настырная история все ходит и ходит по кругу...

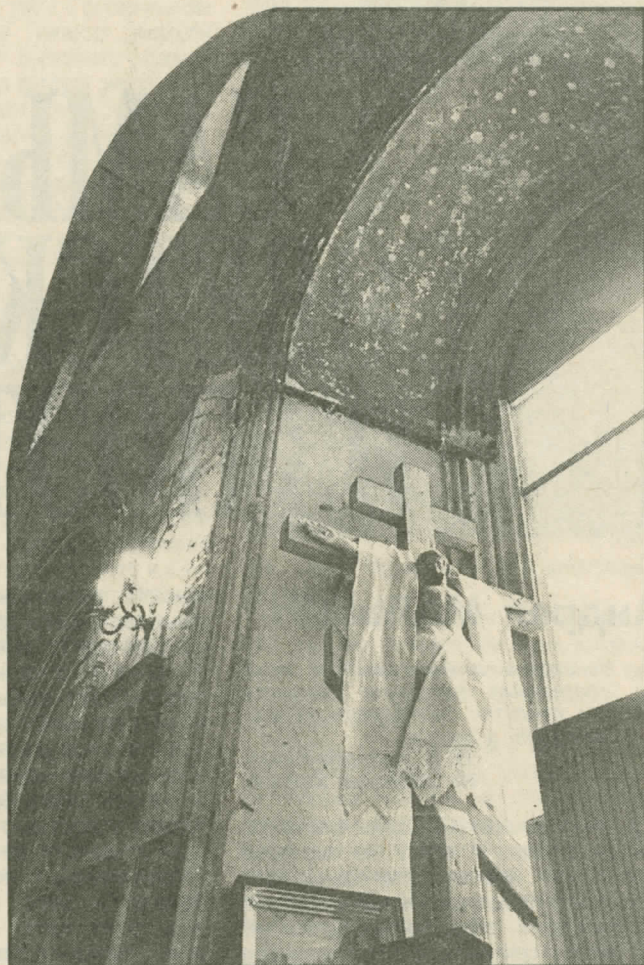
По кирпичику, по бумажке, по досточке разгребли все тихие старушки. Помыли, почистили, оторвали по рублику от своих жалких пенсий. Сегодня храм опять отдали церкви в безвозмездное пользование. А завтра? Что будет завтра?

Основываясь на законах о собственности и о свободе совести и религиозных организаций, Тушинский райсовет принял решение: передать храм в собственность прихода. Чтобы никогда не посмело государство экспроприировать то, что ему не предназначалось. Чтобы не мучились сомнениями священнослужители, принимая пожертвования верующих.

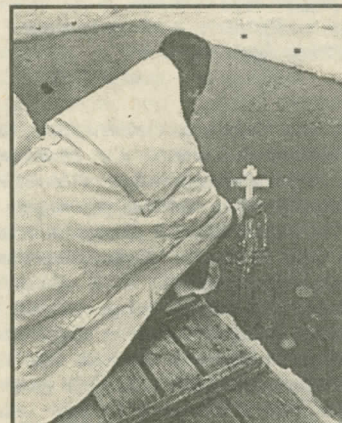
Впрочем, пока историческая бумажка затерялась в недрах Моссовета. А Управление государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры города Москвы быстренько перевело к себе на баланс здание, которое до минувшей весны вообще не числилось ни на одном учете.

Беден пока храм, но верят в него люди. И молодой, энергичный батюшка Федор Соколов (однофамилец расстрелянного отца Бориса) верит в свое предназначение нести людям доброту, любовь и духовность.

18 января, накануне Богоявления Господня, в день, который называют еще крещенским сочельником, по православному обычаю вышел отец Федор на берег канала имени Москвы и освятил воды, омывающие столицу. Это случилось впервые за последние 73 года.

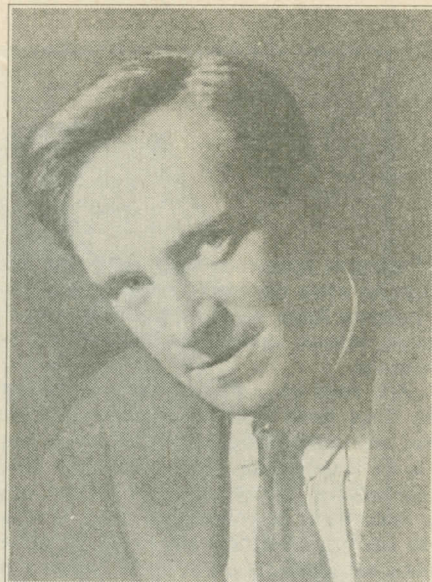

Расчетный счет храма № 701601 в Тушинском отделении Жилсоцбанка.

Елена САЛИНА

САМЫЙ СОВЕТСКИЙ ИЗ ПОЭТОВ

Андрей МАЛЬГИН

Некоторые литературные и художественные репутации пришлось или придется переоценить из расчета один к десяти.

*В. И. Лебедев-Кумач.
Из записных книжек.*

Василия Ивановича Лебедева-Кумача стали забывать. А между тем творческий путь Василия Ивановича заслуживает того, чтобы к нему присмотреться повнимательней.

Первые свои стихи восемнадцатилетний сын бедного сапожника (ох, уж эти сыновья сапожников) опубликовал в малотиражном московском журнале «Гермес». Это были сначала переводы из Горация, а потом и собственные упражнения на античную тему. Кто бы мог подумать, что спустя короткое время этот певец Эллады, быстро сориентировавшись в изменившейся ситуации, начнет воспевать стройки коммунизма. Это были чудовищные по своей неграмотности стихи:

*...Мы возведем дома-дворцы.
И радует меня сознание,
Что, может быть, в каком-то здании
Частица будет кирпичика*

от КУМАЧА.

Славы подобное стихоплетство Василию Ивановичу не принесло, и он решил несколько переквалифицироваться: стал сатириком. Юмористические журналы «Крокодил» и «Лапоть» (был и такой) в двадцатые годы были до краев заполнены его произведениями. Это было, по выражению Н. Я. Мандельштам, еще вегетарианское время: главный объект сатиры Лебедева-Кумача — обыватель. Но в тридцатые годы этим объектом стал замаскированный классовый враг. Ведь именно в те годы Маяковский, «в гроб сходя», заклинал:

«Товарищ, помни: между нами орудует классовый враг». Кумач об этом не забывал.

В 1934 году В. И. Лебедев-Кумач становится одним из основателей Союза советских писателей. Его избирают депутатом Верховного Совета РСФСР, и он читает на встречах с избирателями длинные речи в стихах. Рифмованные речи произносит он и едва ли не на каждой сессии Верховного Совета: они собраны в отдельную книгу — я нашел там даже специальную речь о бюджете.

Освободившийся после первой отсидки Ярослав Смеляков, выслушав одну такую речь, громко сказал в зале: «Надоела мне моча Лебедева-Кумача» — и получил второй срок.

А Кумач? Первым из писателей он был награжден в феврале 1937 г. орденом Трудового Красного Знамени — «за выдающуюся деятельность». В 1938 году получил орден «Знак Почета» — «за выдающиеся заслуги в области художественной литературы». В 1940-м — орден Красной Звезды — «за образцовое выполнение приказов командования в борьбе с белофиннами».

В качестве фронтового поэта отправлен был он и на следующую войну — «освободить» Западную Украину и Белоруссию, но ордена оттуда почему-то не привез.

Еще одно поручение: Лебедев-Кумач создает «Гимн НКВД». Еще более значительная задача — «Гимн партии большевиков». Люди старшего поколения его помнят:

*Славой овевая,
Волею спаяна,
Крепни и здравствуй во веки веков,
Партия Ленина,
Партия Сталина,
Мудрая партия большевиков!*

Главным героем его лирики становится Отец народов:

*Вся страна весенним утром,
Как огромный сад, стоит,
И глядит садовник мудрый
На работу рук своих...
Он помощников расспросит —
Не проник ли вор тайком?
Сорняки (! — А. М.), где надо, скосит
(!!! — А. М.)
Даст работу всем кругом.*

О Лебедеве-Кумаче появляются статьи и исследования, он на глазах превращается в живого классика. Его называют поэтом-воспитателем — он создает целые циклы, образные к юношеству:

*Будь упорным, умным, ловким.
Различать умей врагов,
И нажать курок винтовки
Будь готов!*

— Всегда готов!

В каких именно врагов следует бдительно-му пионеру разрядить свою винтовку, автор стихотворения не уточнил.

Чтобы яснее представить себе, какие качества воспитывал в детях Василий Иванович Лебедев-Кумач, обратимся к его стихотворению «Случай в школе». Героиня стихотворения — девочка Оля — случайно замечает, что на перемене некий поступивший в класс новичок, «пострел с вихрастою головою», нарисовал на классной доске рожи.

*Оля — крикнула. Он — отскочил
И нож перочинный вынул.
«Смотри, мол, девчонка, лучше молчи,
А то, так могу и двинуть!...»*

Несмотря на угрозы и даже фингал под глазом, Оля решает сообщить учителю о разрушителе. Выясняется, что и другие ребята знали о проказах новичка («Он ножиком резал парту!» и т. д.).

**Переспросивши вновь и вновь,
Учитель — спокойный вначале —
Вдруг сурово насупил бровь:
— Зачем же вы все молчали?**

Детям стыдно. Они, наконец, поняли, что, скрывая преступления сотоварища, поступили дурно. Заключительный аккорд:

**Увидел врага — давай отпор,
Не трусь, как гнилой обыватель.
Судимы не только убийца и вор, —
Судится и укрыватель.
И тем, кто хочет творить и расти
В великой советской школе,
Надо подчас поучиться пойти
К маленькой школьнице Оле.**

Год создания этого воспитательного шедевра: 1938.

Лебедев-Кумач учил своих читателей: враг рядом, им может оказаться даже ваш добрый знакомый, даже родственник, наконец. Даже у вашего мужа или жены могут найтись причины ненавидеть Советскую власть:

**Но приглядитесь зорче и копните
Их прошлое, привычки и уклад, —
И станут сразу видимыми нити,
Которые людьми руководят.**

**Глядишь, один — сын прасолов богатых,
Другой — салонным адвокатом был,
Тот — не забыл, что князем был когда-то,
А этот — особняк свой не забыл.**

**Встречаются пружинки и попроче:
Здесь — вспоминают собственный кабак,
Там — высланы на север зять и теща,
Тут — раскулачен деверь и свояк.**

**И гражданин, грозящийся попомнить
Обиды прошлые большевикам,
Жажется женатым на попове
Иль сыном синодального дьячка.**

Этот список потенциальных врагов напоминает уже, согласитесь, инструкцию для работников наших доблестных органов. Ужасом и тюремной сыростью веет от таких стихов. Их в «творческом багаже» Лебедева-Кумача было немало.

И все же наибольшую популярность снискали песни Василия Ивановича. Они были выдержаны совсем в иной тональности. Ведь это он в самый разгар сталинских репрессий провозгласил: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». И ведь это ему принадлежат известные строки: «Кто весел — тот смеется, кто хочет — тот добьется, кто ищет — тот всегда найдет!»

«Волга-Волга», «Веселые ребята», «Трактористы», «Цирк», «Вратарь», «Дети капитана Гранта», «Богатая невеста». Наконец, пресловутая «Если завтра война». Кажется, ко всем знаменитым фильмам тридцатых годов написаны песни на стихи Лебедева-Кумача. Это радостные, мажорные песни, контрастирующие как с его циклами, призывающими к бдительности (герой стихотворения «Быль о Степане Седове», поставленный сторожить колхозный сарай, выполняя свой долг, не

трогается с места, наблюдая, как рядом полыхает его собственный дом и там заживо сгорает вся его семья), так и с бесконечными речами, наполненными лживым пафосом («Товарищи депутаты Верховного Совета! Быть может, впервые в истории земли в народный парламент вошли поэты, и вместе с поэтами — рифмы вошли... Да здравствует Российская Федерация! Да здравствует вся Советская страна! Да здравствует великая русская нация! Да здравствуют все нации и племена!»).

И вот сорок первый год. Несмотря на все предсказания Кумача («И сила вражеских когтей не тронет никогда великой родины моей огромного гнезда!» — 1941), немцы все же напали на Советскую Россию. Дальнейшее известно: «в одну ночь» Лебедев-Кумач написал «Священную войну» («Вставай, страна огромная!..»), Александров положил эти стихи на музыку — возникла «песня, которую подхватили миллионы советских людей» (С. Васильев). Именно за эту песню Лебедев-Кумач удостоивается, наконец, Сталинской премии — награды, которую он долго и с нетерпением ждал. И — происходит странная вещь. Он на глазах опадает, сдувается, как воздушный шарик. Правда, кое-какие песенки еще выходят из-под его пера, но их уже не поют. Стихи не пишутся. Происходят перебои с речами. На глазах пришедшего в ужас семейства Василий Иванович теряет рассудок. И 20 февраля 1949 года он умирает.

«Правда» публикует некролог:

«В. И. Лебедев-Кумач внес в сокровищницу русской советской поэзии простые по форме и глубокие по содержанию произведения, ставшие неотъемлемой частью нашей социалистической культуры».

Что правда то правда: историю советской культуры нельзя изучать без Лебедева-Кумача. Это был, пожалуй, самый советский из всех советских поэтов.

И все же портрет его будет неполным, если не добавит к нему еще два существенных штришка.

Ангелов — нет. Искушения бывают даже у самых порядочных людей.

*В. И. Лебедев-Кумач.
Из записных книжек.*

Фаину Марковну Квятковскую, сухоную, маленькую ленинградскую старушку, было найти не так просто. Она не только в просторах пятимиллионного города, но и в собственной квартире, казалось, могла бы затеряться безвозвратно. «Собственной» — слишком громко сказано, ибо занимает Фаина Марковна лишь две небольшие комнаты в огромной коммуналке на улице Салтыкова-Щедрина, причем вторая комната завоевана с боем относительно недавно.

Фаина Марковна — композитор и поэт. До войны она была довольно известным человеком в Польше, о чем свидетельствуют чудом сохранившиеся после гитлеровского гетто и советской ссылки газетные вырезки, афишки, программы, фотографии. Все это хозяйство давно пожелтело, рассыпается в руках, но

для Фаины Марковны — это единственное богатство.

Ее псевдоним был таким: Фанни Гордон. В 1931 году она написала две песни, которые и до сих пор известны во всем мире: это танго «Аргентина» и фокстрот «У самовара». Нас интересует вторая.

Помните: «У самовара я и моя Маша...»? Песня была написана для варшавского кабаре «Морское око», что на углу Краковского предместья и Свентокшиских аллей (оно и до сих пор существует, только под другим названием). Собственно, сначала Фанни написала только музыку, а автором текста (польского, естественно) был Анджей Власт, владелец этого кабаре. Фаина Марковна сохранила выполненный в типографии клавиш 1931 года, где четко, черным по белому, обозначены авторы этой песни. Вся Польша пела:

Pod samowarem siedzi moda Masza
Ja mówię: tak, a ona mówi: nie!

В один прекрасный день к Фанни пришли два вежливых немца — представители фирмы «Полидор». Они заключили с ней контракт на выпуск пластинки с «Машей» и «Аргентиной», но, по условиям контракта, песенки должны были исполняться на русском языке, так как пластинку предполагалось распространять в Риге, где русский язык имел большее хождение, чем польский.

А надо сказать, что родилась Фанни в Ялте и полькой была лишь по отчиму. Так что с русским текстом она справилась быстро. Короче, пластинка была записана и в 1933 году уже продавалась в Риге. Вновь подчеркнута: пластинка сохранилась, и на ней обозначен автор музыки и слов — «Ф. Гордон». А вскоре из-за железного занавеса, из сталинской России в Польшу Зилуского, поступил первый сигнал: с песней «У самовара я и моя Маша...» происходят странные вещи. Фаина Марковна показала мне вырезку из газеты «Курьер Варшавски». Корреспондент С. Вагман сообщил в статье «За красным кордоном»:

«Самый большой шлягер в летнем театре в парке — некий фокстрот, который уже несколько месяцев является «гвоздем» всех танцевальных площадок, кафе, ресторанов, клубов, а также репродукторов на вокзалах, в парикмахерских и т. д. Фокстрот этот... польская песенка Власта «Под самоваром» в русском переводе под названием «Маша».

Если бы существовала литературная и музыкальная конвенция между Польшей и Советским Союзом, пожалуй, самыми богатыми на сегодняшний день людьми в Польше были бы Власт и Фанни Гордон.

Сотни тысяч советских граждан напевают сегодня с утра до вечера песенку Власта. Ее здесь считают оригинальной русской песней...

А случилось вот что: в феврале 1934 года джаз-оркестр Леонида Утесова записал на пластинку (по образцу, привезенному из Риги) песню «У самовара». Пластинка эта, представьте себе, тоже сохранилась у коллекционеров. И знаете, что указано на выходных данных этого бестселлера? «Обработка Л. Дидерихса — слова В. Лебедева-Кумача». Так вот кто получил те миллионы, которые не попали к Фаине Марковне. Утесов оказался умнее — он ограничился исполнительским гонораром. А вот Кумачу — в качестве взятки, что ли? — подсунил не принадлежащие ему деньги за написанный не им текст.

«Фаина Марковна, — спросил я у нее, — что же вы так долго молчали, что же не делали попыток восстановить свои права на эту песню? Она ведь до сих пор исполняется, до сих пор выходит на пластинках». «Я боялась», — ответила мне старушка.

В 1945 году они с матерью переехали в Советский Союз, как они считали, на родину. Родина встретила их неприветливо: пришлось скитаться из города в город, едва хватало на пропитание. Джаз-ансамбль Калининской областной филармонии, которым она руководила, был разогнан, музыканты были репрессированы. Борьба с орденосным Лебедев-Кумачом была бы самоубийством. И все же, когда великий песенник советской эпохи умер, Фаина Марковна предстала перед очами Утесова. Тот долго ахал, обещал разобраться, восстановить справедливость. Увы, она была восстановлена только в 1979 году, когда из фирмы «Мелодия» пришло письмо:

«В связи с письмом СЗО ВААП о защите имущественного права и авторского права на имя т. Квятковской Ф. М. Управлением фирмы «Мелодия» дано указание Всесоюзной студии грамзаписи начислить причитающийся т. Квятковской Ф. М. гонорар за песню «У самовара», а также исправить допущенную в выходных данных песни ошибку... Генеральный директор П. И. Шабанов».

А знаете, сколько начислили «причитающегося» Ф. М. Квятковской гонорара?

Девять рублей (квитанцию о почтовом переводе я видел).

Из интервью газете «Московский комсомолец»: «Я, знаете, человек неприязнительный. Видите, у меня даже пианино нет. Хотя в свое время могла бы, наверное, на одном «Самоваре» заработать миллион. Но у меня

тогда и в мыслях не было, что есть какие-то формальные вещи. Поют «У самовара» — ну и хорошо. А на фирме «Мелодия», видимо, не очень-то интересуются, кто истинный создатель того или иного произведения».

«Московский комсомолец», «Советская культура», журнал «Советская эстрада и цирк» сообщили: найден автор известной песни! А вот фамилию самозваного автора даже не упомянули, как будто не красовалась она на пластинках, как будто не заполнялись гонорарные ведомости на концертах и в ресторанах, как будто не кадили ему, а затем его семье деньги за каждое исполнение этой песни.

Журнал «Вопросы литературы» в 1982 году опубликовал фрагменты записных книжек В. И. Лебедева-Кумача. Иногда его, оказывается, мучила совесть.

1946 годом датирована такая запись: «Болел от бездарности, от серости жизни своей. Перестал видеть основную задачу — все мелко, все потусклое. Ну, еще 12 костюмов, три машины, 10 сервизов... И глупо, и пошло, и недостойно... И неинтересно».

Рабство, подхалимаж, подсиживание, нечистые методы работы — неправда — рано или поздно вскроются.

В. И. Лебедев-Кумач.
Из записных книжек.

Появление песни «Священная война» можно считать чудом. Василий Иванович не уставал рассказывать, как в одну ночь на него снизошло вдохновение и стихи «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...» — «сами собой вылились». Уже 24 июня они были опубликованы в «Красной звезде» и в «Известиях». 27 июня тиражом 10 тысяч экземпляров уже вышла листовка, где, кроме текста, были напечатаны ноты песни «Священная война» — музыку поначалу написал композитор М. Блантер. Наконец, 30 июня появилась листовка с музыкой А. Александрова. Уже в день первой публикации, 24 июня, «Священную войну» читал по радио артист Малого театра А. Остужев. Вскоре песня зазвучала в фильме «Мы ждем вас с победой». Успех был полный. Войскам, отправлявшимся на фронт, эту песню исполняли военные оркестры на вокзалах.

В «Священной войне» много необычного. Прежде всего начисто отсутствует советская атрибутика, которой полно во всех песнях и стихах Лебедева-Кумача (в том числе в тех, что публиковались в «Известиях» ежедневно все последующие июньские дни). Зато акцентируется национальный, народный характер войны, идет речь о «яроستي благородной», о «священной войне», образы черпаются в русской истории («с проклятою р д о й»), делается упор на русский патриотизм. Можно предположить, что именно эти стихи пробудили влывшего в оцепенение в первые дни войны Сталина. Что они подсказали ему новую лексику: «Братья и сестры...» И что, наконец, они переориентировали пропаганду на новый,

черпающий вдохновение в русской истории, лад.

В четырехтомнике «История советской литературы», вышедшем в 1968 году, воспроизведен автограф этой песни. Песня действительно «вылилась» — нет на рукописи Кумача ни помарок, ни исправлений.

Авторы четырехтомника (Г. Белая, Ю. Боров, В. Пискунов) резонно комментируют: «Песня не только выражала, но в известном смысле опережала чувства народа».

И в самом деле: такой ненависти к врагу в народе в первые дни войны не было. Была растерянность, был испуг, было желание защитить свой дом — но не ненависть. Достаточно посмотреть «Боевые киноальбомы» июля-августа 1941 года. Немцы в них изображались смешными увальнями, глупыми, почти юмористическими персонажами. Лишь после того, как в прессу стали проникать сведения о зверствах, чинимых оккупантами, о сожженных селах, городах, о массовых казнях, когда все это было запечатлено кадрами кинохроники, — лишь тогда отношение к ним изменилось.

«Священная война» явно выпадает из всего контекста Лебедева-Кумача. Накануне войны Кумач с уверенностью утверждал: «И на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью, могучим ударом!» В сборнике 1941 года полно шапкозакидательских стихов.

Кумач писал о летчиках: «Если враг обнаглевший посмеет перейти за пороги границ, — небеса над врагом почернеют грозной тучей сталинских птиц!»

О танкистах: «Отвагой и волей танкисты сильны, сильны боевою учебой. Любому врагу наши танки страшны, а кто не боится — попробуй!»

О пограничниках: «И коль враг опять затронет пограничные замки — прочить его сумеют комсомольские штыки!»

Короче: «И в воде мы не утонем, и в огне мы не сгорим».

И вдруг — тревожная мощь «Священной войны». Чем же ее объяснить? В одну ночь прозрел? Тогда почему в те же дни, когда писалась «Священная война», та же рука выводила:

Запевала, громче грянь,

Пусть повсюду слышно:

«У врага делишки — дрянь,

Ничего не вышло!»

Чем же объяснить тематическое, стилистическое, образное выпадение «Священной войны» из контекста его творчества тех дней?

Объяснить это очень просто. «Священная война» написана не в первый день войны. И написана не Лебедевым-Кумачом.

Четыре года назад, под Москвой, в дачном поселке Кратово в Амбулаторном переулке, Зинаида Александровна Колесникова показывала мне автограф «Священной войны». Автор этой песни — ее отец Александр Адольфович Бодэ. Песня написана им, тогда преподавателем Рыбинской мужской гимназии, весной 1916 года.

Если мы сравним «канонический» текст В. И. Лебедева-Кумача с текстом, принадлежащим перу А. А. Бодэ, отличный найдем нем-

ного.

Во-первых, у Боде — «с германской силой темною, с тевтонскою ордой», у Кумача осовременено: «с фашистской силой темною, с проклятою ордой».

У Боде: «как два различных полюса во всем различны мы». Кумач попытался устроить тавтологию: «как два различных полюса, во всем враждебны мы» — но сделал хуже: ведь полюса не могут быть враждебны друг другу.

Кроме того, Кумач исключил такое четверостишие Боде:

*Пойдем помить всей силою,
Всем сердцем, всей душой
За землю нашу милую,
За русский край родной!*

Но исключил не сразу — в сборнике «В бой за Родину» (подписан к печати 2 июля 1941 г.) этот куплет еще присутствует. Кстати, в книжке этой «Священная война» скромно упрятана в середину, ажиотаж вокруг нее еще не создан. На более почетном месте находятся такие, например, стихи:

В целом мире нету силы

такой,

Чтобы нашу страну

сокрушила, —

С нами Сталин родной,

Тимошенко-герой,

С нами друг боевой

Ворошилов.

Так что не так уж и сразу, «в одну ночь» прозрел Лебедев-Кумач, гораздо важнее призывов к «народной», «священной» войне было для него воспеть имевшихся в наличии полководцев.

Как же попала к Василию Ивановичу песня, написанная А. А. Боде? С разрешения З. А. Колесниковой привожу (в некотором сокращении) ее письмо, отправленное Александру в 1976 г.:

«Уважаемый Борис Александрович!

Всегда с большим удовольствием мы слушаем и смотрим по телевизору выступления Краснознаменного имени А. В. Александрова ансамбля песни и пляски Советской Армии. С особенной радостью слушаем «Священную войну».

Большое спасибо Вашему отцу, Александру Васильевичу, и Вам, Борис Александрович, за музыку к этой песне. В дни XXV съезда нашей Коммунистической партии после исполнения концертной программы Вы выступили с воспоминаниями о создании «Священной войны», и для нас стало совершенно ясно и понятно, что В. И. Лебедев-Кумач скрыл от Вас правду о происхождении этой песни. В. И. Лебедев-Кумач не писал песни «Священная война».

Родилась песня «Священная война» в г. Рыбинке на Волге в мировую войну 1914—1917 годов. Написал ее учитель русского языка и литературы, латинского и греческого языков Рыбинской мужской гимназии Александр Адольфович Боде — наш отец. Он был умный, образованный человек, окончивший филологический факультет Московского университета, знаток истории, глубокий патриот, с широким пониманием жизни.

1916 год. Кадровый 28 Грохольский полк — на фронте. Казармы полка используются для новых пополнений воинских частей. По параллельным реке Волге прямым и длинным улицам Рыбинска почти круглые сутки маршируют прибывающие на обучение и дальнейшее отправление солдаты — новобранцы, ополченцы.

Прибывают в Рыбинск беженцы-латыши. Они покидают свою землю, селенья, жилища: бегут, спасаясь от аэропланов, поливающих обжигающей, ядовитой жидкостью людей, животных, жилища. Рассказы беженцев-латышей полны ужаса. С фронта привозят бойцов, отравленных газами.

Каждый день дважды — в гимназию и обратно — отец пересекает марширующие улицы. Он остро воспринимает все, что видит и слышит, волнуется, делится впечатлениями с мамой. В эти тяжелые, напряженные дни была написана отцом песня «Священная война». Ее слова и музыка (мотив был другой) родились вместе. Величавые, образные выражения слились воедино с простой, чисто русской мелодией...

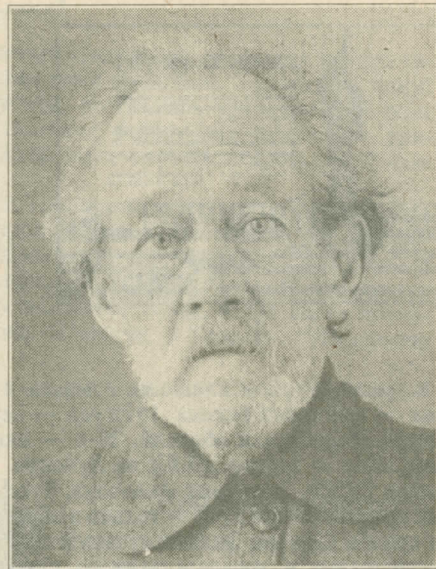
Старость свою отец проводил под Москвой. Около него были дети, внуки. Последние годы жизни отец стал говорить о неизбежности войны с Германией. «Чувствую я себя уже слабым, — говорил он, — а вот моя песня «Священная война» может теперь еще пригодиться». Из наших современных песен больше всех нравилась ему «Широка страна моя родная»... Считая В. И. Лебедева-Кумача большим патриотом, отец решил послать ему «на вооружение» свою «Священную войну». Его доброе письмо с вложением слов и мотива песни были отправлены в адрес В. И. Лебедева-Кумача в конце 1937 года. Отец ждал ответного письма, но его не было. В январе 1939 года отец умер в Кратове, в доме, где жил и откуда было послано письмо с песней «Священная война» и откуда и я пишу Вам это письмо.

В 1942 году проездом через Москву на Ленинградский фронт мой сын Андрей — артиллерист, войдя в дом и сняв пилотку, прежде всего спросил: «Мама, ты слышала дедушкину «Священную войну?»» «Да, слышала. Музыка Александра Васильевича Александрова, и это очень правильно. Он дал жизнь всей песне. За это мы ему очень благодарны. А какое могучее звучание! Даже дрожь пробирает!» — ответила я сыну.

А дальше... оказалось, что В. И. Лебедев-Кумач в одну ночь написал то, что было выношено сердцем и умом патриота-учителя еще в мировую войну 1914—1917 годов.

Посылая Вам это письмо, мы глубоко убеждены в том, что Вы, Борис Александрович, должны узнать об истинном происхождении песни «Священная война»... Будем Вам, Борис Александрович, благодарны, если Вы ответите на наше письмо. Желаем Вам полного благополучия и успехов в Вашей прекрасной работе и всего только доброго и светлого.

*Зинаида Александровна
Боде, в замужестве
Колесникова»*

Как в свое время В. И. Лебедев-Кумач, Борис Александрович Александров не удостоил пожелавшую ему «доброе и светлого» женщину своим ответом.

Что к этому добавить? Зинаида Александровна стала писать в газеты. К ней приезжали журналисты, расспрашивали, но ничего не публиковали. Когда я работал в «Литературной газете», такую попытку мои коллеги предпринимали дважды, но А. Чаковский и его зам Е. Кривицкий, узнав, о чем речь, объяснили, что есть в советской истории мифы, которые разрушать не следует. Позже главный редактор «Недели» В. Сырокомский, известный своей порядочностью, сказал, тем не менее, мне: «Про «Машу» напечатаю, про «Священную войну» — не дам...»

Я, конечно же, поинтересовался у Зинаиды Александровны, почему она не выяснила отношения с Лебедевым-Кумачом, пока он был жив? И услышал то, что ожидал услышать и что мне уже говорила Фаина Марковна Квятковская: «Боялась».

В 1931 году арестовали мужа Зинаиды Александровны. Он вернулся из Сибири восемь лет спустя седым, большим человеком и вскоре умер. Забрал брата отца — инженера-вагоностроителя. Позже бесследно исчез арестованный НКВД муж дочери — горный инженер. Не вернулся с майского парада муж лучшей подруги. А Кумач в это время призывал к бдительности.

Сын Андрей погиб на фронте. Больше сорока лет Зинаида Александровна жила одна, за ней ухаживали дачники, которым она сдавала на летний сезон часть дома.

Но что больше всего меня поразило, когда я слушал рассказ этой пожилой немощной женщины, на долю которой выпало столько невзгод: никакой злобы по отношению к плагиатору она не испытывала. Наоборот, она писала в «Литературную газету»: «Я должна быть ему благодарна за то, что он все же исполнил просьбу автора песни «Священная война» Александра Боде: текст и мотив песни дошли до Александра Боде. Сбылась мечта

"Знамена в сочетании с нарастающими вверх уступами экспозиционных залов символически передают поступательное развитие идей великого Ленина".

(Из статьи, посвященной проекту А.Т. Полянского, 1980 г.)

"Проект под девизом X-10002 "возносится вверх и словно соединяется с небесами". Это удачная характеристика авторского замысла — идеи возвышения. Постепенно поднимающиеся арки символизируют по замыслу автора возвышение русского духа".

(Из статьи, посвященной проекту А.Т. Полянского, 1990 г.)

В архитектурном плавании Алексея Викторовича Щусева — три ярких бакена. 1912 год — церковь Покрова в Марфо-Мариинской обители, 20-е — мавзолей В. И. Ленина, 40-е — здание НКВД на Лубянке. Народный архитектор СССР, академик Анатолий Трофимович Полянский прошел тот же путь — только в обратную сторону. Если судьба Щусева была настоящей трагедией: художник превращался в государственного служащего, коверкая Москву своими постройками, то с Полянским история сыграла — как водится — фарс. Убежденный атеист переквалифицировался в христианина: первый его храм остался на бумаге, второй — достраивается, третий мерцает в тумане золотом куполов...

Анатолий Полянский поступил в МАРХИ в суровом 44-м, удачно защитил диссертацию по керамике и оказался в ЦНИИЭП курортных зданий. Первой его постройкой был павильон юннатов на ВДНХ, а затем он принимается за Крым, где делает «Новый Артек» и много всяких домов отдыха. Ступив на международную арену, строит посольства в Швеции, Греции, Египте, в 1970-м защищает докторскую... Но все это были этапы большого пути — к большому.

... Идея строительства нового здания музея В.И. Ленина зависла дамочным мечом над Волконкой в канун знаменательного юбилея; место было выбрано трогательно — меж Пашковым домом (библиотека) и музеем изящных искусств (Пушкинским). Впрочем, в профессиональной среде конкурс воспринимался как очередное "бумажное" дело, призванное подтвердить иерархию, облагодетельствовать зодчих материально, ну и дать им возможность лишний раз отметить в своем совершеннейшем почтении к...

Не побрезговал шансом и Анатолий Трофимович. И не только не побрезговал, но и получил с десяток премий, околдовал жюри глубоко символистическими изысками.

Вообще построить большое и одновременно красивое здание — сложно. Не обойтись без символики. Ею можно заменить и красоту, и гармонию. Дурак будет согласно ки-

ТРИ ХРАМА

Анатолий Полянский у своего третьего храма — храма тысячелетия Крещения Руси
Фото А. Тягны-Рядно

вать, умный — найдет что понять, а уж вышестоящим лицам объяснят, чем и что хотел сказать автор... Короче, говорим "монументализм" — подразумеваем "символизм".

Тут в памяти непременно всплывает образ Александра Лаврентьевича Витберга ("Былое и думы" — помните?). Витберг, автор не построенного храма Христа Спасителя, формулировал геометрическую идею своего проекта так: "Я вообразил себе Творца точкою... поставил циркуль и очертил круг, косяк центр — эта точка, эту периферию я назвал множественностью — творением" и т.д. Ну, где здесь полет мысли? где лесоповал фантазии? То ли де-

— средством. Анатолий Полянский, романтик нового типа, храм свой полагал тоже средством. Только — к чему? Сумму премий опустим, но скажем, что известную роль сыграла пятнадцатилетняя работа над ленинским храмом в избрании Полянского первым секретарем Союза архитекторов...

Правда, Анатолий Трофимович всю жизнь мечтал стать главным архитектором Москвы... Но подкоп под железобетоние Михаила Посохина, удерживавшего сей пост 23 года, не удался, пришлось довольствоваться малым.

Открутим пленку немножко назад, и тут снова повторяется — витбергово. Помните, у Герцена: "Император

Анатолия Полянского

Монументализм сквозь призму диалектики

ло проект Полянского! "Лаконичный объем трактуется как сокровищница идей ленинизма, опирающийся на краеугольные камни книги, образно символизирующие идеи Ленина!"

Окончательный вариант музея, который Анатолий Трофимович делал уже в компании двух «баженовых» современности — главного архитектора города М.В. Посохина и Е.Г. Розанова, предполагался быть построенным на месте нынешнего бассейна "Москва". Но не остереглись зодчие предсказания монахини, голосившей — когда ломали Алексеевский монастырь — "Быти тут луже!" Простоял здесь храм Христа полвека — да исчез, Дворец Советов — не построили, не встал здесь и музей. Тут судьба Полянского снова пересеклась (в мистической плоскости) с судьбой Витберга: Александр умер, Голицын пал — храм отменили. Брежнев умер, Гришин пал — история повторилась.

Александр Витберг был романтиком. Как и для всех романтиков, искусство было для него не целью, а средством воздействия на человека. И храм свой Витберг видел

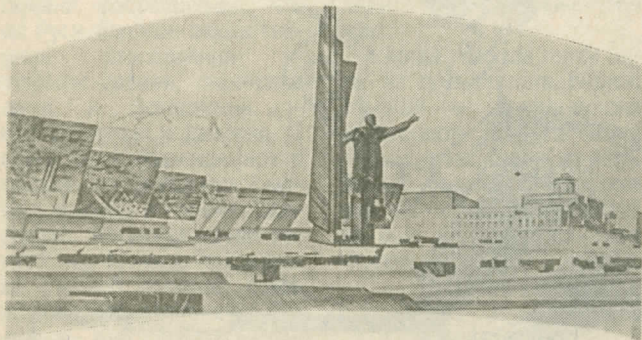
Александр не верил своей победе над Наполеоном" и "издал манифест, в котором давал обет воздвигнуть в Москве огромный храм во имя Спасителя". Не думаю, что начальотдела 18-й армии недооценивал свою роль в разгроме Гитлера, но поставить храм в честь Победы (одним из вдохновителей которой себя считал) считал делом святым.

И вот, будучи первым архитектором страны, Анатолий Трофимович подыскивает место для мемориала Победы. (Витбергов храм решено было строить за городом после того, как Александр заявил, что в Москве нет "достаточно места, потребного для изящного здания".) Наконец, "изящному зданию" место нашлось — Поклонная гора.

Но — мемориал что-то не получался, и Анатолий Трофимович на правах первого зодчего СССР "присоединился" к авторскому коллективу. Тогда дело пошло. Вы помните, конечно, те субботники, и как выдавали квитанции с цифирками 700828, и как стелились газеты славословиями под ноги гениальным зодчим — Господи, как все это было недавно! Каюсь, и я отработал свой субботник — но если б знать, каким "монументализмом" вернется он ко мне!

Правда, в 86-м Б. Н. Ельцин узнал, что творится на Поклонной. Тогда все взбурлило, пошли гневные письма, Вознесенский бубнил "Черное знамя, черное знамя...", Манеж стали осажать проектанты памятника Победы, творящие, выдумывающие, пробующие, а музей энергично строился. Про храм Витберга Герцен записал: "Говорят, что гора не могла вынести этого храма" — не вынесла музея и гора Поклонная. Исчезла. Зато в апреле 1986 года появился штат — штат Центрального музея Великой Отечественной войны. Чудесный парк исчез, зато явилась некая аэродинамическая труба, плац, сцепленный с аппендиксом Кутузовского проспекта.

И еще аллюзия. Как известно, молодой, окрыленный высочайшим благоволением, Витберг оказался не только главным архитектором храма, но и впрягся в роль директора строительства. Наивный, он не представлял себе

Первый храм Анатолия Полянского: проект музея Ленина на Волхонке

истинной силы человеческой зависти и зломыслия... Суд над архитектором тянулся десять лет, затем его сослали в Вятку, а убытку насчитали — миллион рублей. В Поклонную гору зарыли 60 миллионов, Москва полнится слухами, что немало ушло и на сторону — однако никакого разбирательства до сих пор не назначено. (А еще, говорят, что советский суд — самый негуманный суд в мире!)

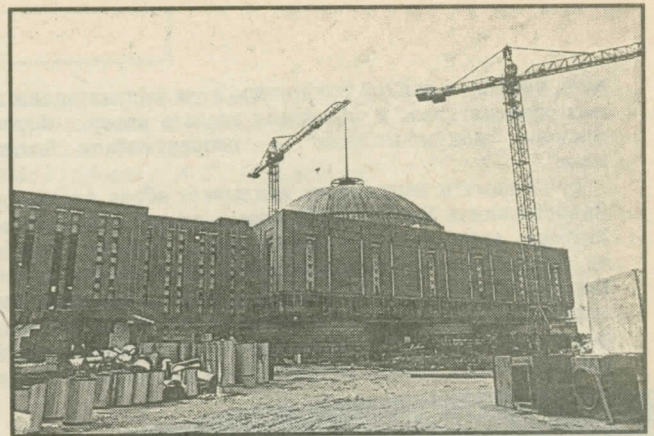
Построив замечательную церковь в Вятке, Александр Витберг был прощен и вернулся в Москву. Анатолий Полянский, не устояв под перестроечным ветерком, оставил свою почетную должность первого секретаря и даже попал в обструкцию. Но построив к 1988 году в Казани музей В.И. Ленина, почувствовал в себе силы и уже в 1989 году принял участие в конкурсе на Храм-памятник в честь Тысячелетия Крещения Руси...

А.Л. Витберг, чертя свой храм, сокрушался, что "Россия, мощное, обширное государство... не имеет ни одного памятника, который был бы соответствен ее высоте. ...Этот храм должен быть величествен и колоссален, перевесить, наконец, славу храма Петра в Риме". И вот, наконец, сегодня (когда итальянцы нам спагетти по почте присылают) Священный Синод решил исполнить завещание Витберга: Храм Тысячелетия — по первоначальной идее — был рассчитан на 15 тысяч человек!

Состоялось два тура конкурса, спитых весьма светлыми нитками: вместо условленных 12 проектов во второй тур вышло почему-то 4; протоколов заседания Экспертный совет не вел; докладывал Синоду результаты первого тура самый заинтересованный человек — представитель заказчика (ХОЗУ Московской Патриархии) и проч.

Когда в ноябре прошлого года Синод подвел итоги, выяснилось, что Храм Тысячелетия будет строить Анатолий Трофимович Полянский.

Анатолий Полянский победил совершенно закономерно, ибо, в совершенстве овладев официозным стилем

Второй храм Анатолия Полянского: мемориал победы на Поклонной горе
Фото С. Шахиджаняна

конца XX века, он сумел угодить — и Брежневу, и Алексию...

Впрочем, стиль этот простирается во времени гораздо дальше! "Военно-исторический журнал" осторожно навесил музею Победы ярлык профашистского, опубликовал — с прокладочкой в пару статей — две картинки: проект Полянского и проект Народного дома гитлеровского придворного архитектора Альберта Шпеера. Похоже, конечно: одинаковые купола, поразительно схожие плитоподобные объемы, колонны... Но что вы хотите — имперский стиль он и есть имперский!

И еще — непонятно, как церковь могла доверить строительство Божьего храма такому убежденному атеисту? Все мы, конечно, запачканы ленинскими зачетами и сочинениями по "Малой земле", но одно дело — инстинкт самосохранения, другое — горячая внутренняя убежденность.

Николай МАЛИНИН

отца даже в большем масштабе. На всю «страну огромную», на всю матушку-Россию прозвучала «Священная война», поднимая и воодушевляя народ на битву за Родину.

Ох уж эти тихие русские интеллигенты. Безжалостным колесом прокатилась по ним судьба, а они доживают свой век и довольствуются малым: есть еда, кров и такие дорогие им бумажки. Куда попадет все это, когда они угаснут навсегда? Кто вспомнит добрым словом их близких, их самих?

Зинаиды Александровны уже нет. Сразу после ее смерти в ее доме появился некий отставной полковник, а ныне «исследователь песни», сделавший себе имя на воспевании Лебедева-Кумача, написавший немало статей о «чудесном рождении» «Священной войны». Безутешные родственники имели глупость допустить его к архиву покойной, и теперь мы лишены возможности продемонстрировать читателям те документы, которые видел я, видели другие журналисты, пытавшиеся помочь Зинаиде Александровне. Впрочем, Кумача ведь к суду не притянешь. Не воевать же в самом деле с его потомками, проживающими в мемориальной квартире на Тверской... «Ну еще 12 костюмов, три машины, 10 сервизов...»

Посмотрите на эти три фотографии. Они сделаны примерно в одно время — в середи-

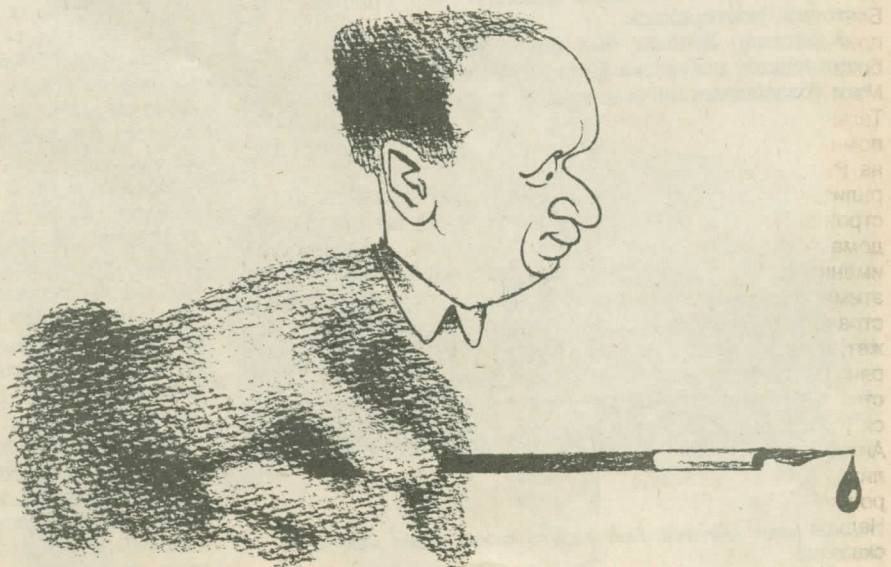
не тридцатых годов. Три лица, три судьбы: Василий Лебедев-Кумач, Фаина Квятковская и Александр Бодэ. Но какие разные судьбы!

Бог наказал орденосного поэта: он лишил его рассудка. Но он достоин и еще одного наказания: мы должны определить нако-

нец этому раздувшемуся от чужой крови на секомому то место в нашей истории и нашей литературе, которое он достоин занимать.

...Нет, не следует нам забывать этого самого советского поэта.

Рис. К. Валова

ЗА НАС, ГОСПОДА- ТОВАРИЩИ!

Российской товарно-сырьевой бирже, которая «имела честь» официально пригласить «уважаемых господ» (так значилось в приглашениях) на свою презентацию, места в пяти банкетных залах ресторана «Прага» было явно мало. Столы тянулись в два ряда, но подступаться гостям к ним приходилось в две очереди.

Что ж, Российская товарно-сырьевая — одна из первейших и крупнейших бирж в стране. Широкий размах, основательность и масштабность действий она демонстрирует и на торгах, и на развернутой в СЭВе выставке товаров народного потребления под эгидой биржи, и даже за бокалом вина и рюмкой виски. И есть надежда, что эти ее достоинства касаются не только дельцов, не одних коллег-биржевиков: брокеров-спикеров-маклеров, но и всех нас, никаких не коммерсантов некоторой гильдии. Благословивший биржу и пригубивший за нее свой бокал настоятель храма Мартина Исповедника на Таганке отец Сергей напомнил собравшимся, что на Руси испокон веков творили благодеяния — строили церкви, сиротские дома и богадельни — именно купцы и дворяне. С этими возрождающимися в стране «сословиями», может, и жизнь в России воспрянет... Недаром среди гостей на банкете выделялся строгой сединой князь Андрей Кириллович Голицын, сам предводитель российского дворянства. Недаром в этой, можно сказать, образцово-пока-

зательной демонстрации костюмов «с иголки» то и дело мелькали депутатские значки парламентариев российского и союзного уровней.

Рассчитывая банкет на 500 персон, биржа, однако, сверхгостеприимно встретила, угостила и увлекла в водоворот общения более шестисот гостей. Бизнесмены разных стран, сфер и рангов слетались в «Прагу», понятно, не за яствами-напитками (коих там было в сказочном, скатертно-самобранном количестве), но за связями. Представители 34 иностранных фирм, 11 посольств, 32 зарубежных банков, МИД СССР и РСФСР, Госплан и Минфин получили приглашения. Шел бурный обмен визитными карточками. «Я здесь, потому что тут решаются реальные вещи. Надо объединить идеи, в одиночку у нас ничего не получится», — объяснил свое присутствие на презентации руководитель новой коммерческо-благотворительной фирмы «Алан Чумаков и К», прославленный телецелитель Алан Владимирович Чумаков.

А когда господа гости шли за процветание биржи, главный ее управляющий К. Боровой отвечал: «Это — ваш успех, это — за вас». За нас, значит? За тех, кто уже не «товарищ», но далеко еще не чувствует себя «господином»...

Аэлита ЕФИМОВА

ПРОЕКТЫ самых современных промышленных и гражданских зданий и сооружений, при выполнении полного цикла работ — от геодезических и геологических изысканий до рабочих чертежей!

ПРОВЕДЕНИЕ ОБСЛЕДОВАНИЙ зданий и сооружений с выдачей заключений о состоянии несущих конструкций и фундаментов и разработкой полной документации для их реконструкции или капитального ремонта!

СПЕЦИАЛИСТЫ САМОГО ВЫСОКОГО КЛАССА!
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РАСЦЕНКИ!
САМЫЕ СЖАТЫЕ СРОКИ! ОПЛАТА ТОЛЬКО ЗА ВЫПОЛНЕННУЮ РАБОТУ!
ВСЕ ЭТО ИННОВАЦИОННЫЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ЦЕНТР "ЭРА"!

ИНТЦ "Эра" высылает наложенным платежом комплект типовых документов для создания **МАЛОГО ПРЕДПРИЯТИЯ** по **ЦЕНЕ 40 руб.**

ИНТЦ "Эра" предлагает воспользоваться услугами **БРОКЕРСКОЙ КОНТОРЫ — МП "БРОКЕР-ЭРА"**, аккредитованной на Российской товарно-сырьевой бирже для реализации или для приобретения необходимой для Вас продукции, сырья, оборудования и ТНП на наиболее выгодных для Вас условиях, с оплатой услуг в размере от 2 до 6% от сделки.

Адрес: 109542, Москва, Рязанский пр-т, 84/2

Телефоны: 376-34-66; 376-01-21

Зинаида
ГИППИУС

(Из Петербургских дневников. 1919 г.)

Черная книжка

Как это англичане терпят? Даже на них не похоже. Они как будто потеряли всякое понятие национальной гордости. Вот: большевики забрали английское посольство, вещи присвоили, сидит там Горький в виде оценщика-старьевщика, записывает «приобретенное».

И все-таки англичанам верят! Сегодня упорные слухи, что англичане взяли Толбухинский маяк и тралят мины. Как бы не так.

Киев взят почти наверно, — по большевистским же газетам. Но какое это имеет значение?

Третий обыск, с Божией помощью! Я уже писала, что если не гаснет вечером электричество — значит, обыски в этом районе. В первую ночь, на 5-ое сентября, была, очевидно, проба. На 6-ое вечером, у нас сидел И. И*., около 12 часов — шум со двора. Пришли! И. И. скорей убежал туда.

Всю ночь ходили по квартирам, всю

ночь с ними И. И. (Поразительно, в эту ночь почти все дома громадного района были обысканы. В одну ночь! По всей нашей улице, бесконечно длинной, — часовые.)

Я сидела до 4-х часов ночи. Потом так устала — что легла, черт с ними, встану. На минуту уснула — явились.

Войдя в свою рабочую комнату, увидела субъекта, пыхающего махоркой и роющего в ящиках с моими рукописями. Засунуть пакеты назад не может. Рвет.

— Дайте, я вам помогу, — говорю

я. — И лучше я сама вам все покажу. А то вы у меня все спутаете.

Махнул рукой.

— Тут все бумаги...

С ними, на этот раз, «барышня» в белой шляпке, негритянского типа. Она как-то стеснялась. И тогда Дмитрий* сказал: «Открыть вам этот ящик? Видите, это мои черновики...», барышня-сыщица потянула сыщика — рабочего за рукав: «не надо...»

— Да вы чего ищите? Спрашиваю.

Новый жандарм заученным тоном ответил:

— Денег. Анти-советской литературы. Оружия.

Вещей они пока не забирали. Говорят, теперь будет другая серия.

Странное чувство *стыда*, такое жгучее, — не за себя, а за этих несчастных новых сыщиков с махоркой, с исканием «денег», беспомощных в своей подлости и презрительно жалких.

А рядом всякие бурные романтические истории (у сытых): Т** изгнал свою жену из «Всемирной Литературы» (а также из своей квартиры). Она перекочевала к Горькому, который усыпал ее бриллиантами (? за что купила, за то и продаю, за точность не ручаюсь). И теперь лизуны, вроде Х., Y., Z., не знают, чью пятку лизать: Т-ва, отставной жены или Марии Федоровны.

Аресты и обыски.

Сегодня 8 сентября. Положение то же, что было и неделю тому назад, — если не хуже: слухи о «мирных переговорах» с Эстляндией и Финляндией. (Что это еще за новое, неслыханное, упомошательство? Как будто большевики могут с кем-нибудь «договориться» и договор исполнять?)

С 10-го сентября я считаю дело конченным — в смысле большевистской зимы. Она делается фактом. Непредставима она до такой степени, что самые трезвые люди все-таки еще цепляются за какие-то надежды... Но зима эта — факт.

Всеобщая погоня за дровами, пайками, прошениями о новселении в квартиры, извороты с фунтом керосина и т.д. Блок, говорят (лично я с ним не общаюсь), даже болен от страха, что к нему в кабинет вселят красноармейцев. Жаль, если не вселят. Ему бы следовало их целых «12». Ведь это же, по его поэме, 12 апостолов, и впереди них «в венке из роз идет Христос»!

Х. вывернулся. Получил вагон дров и устраивает с Горьким «Дом искусств».

Вот два писателя (первоклассные, из непримиримых) в приемной комиссариата Нар. просвещения. Комиссар К. — любезен. Обещает: «Мы вам дадим дрова; кладбищенские; мы березы

с могил вырубает — хорошие березы». (А возможно, что и кресты, кстати, вырубят. Дерево даже суше, а на что же кресты?)

К И. И. тоже «вселяют». Ему надо защитить свой кабинет. Бросился он в новую «комиссию по вселению». Рассказывает: «Видал, кажется, Совдепы всякие, но таких архаровцев не видал! Рыжие, всклокоченные, председатель с неизвестным акцентом, у одного на носу волчанка, баба в награбленной одежде... «Мы — шестерка!», а всех 12 сидит. Самого Кокко (начальник по вселению, национальность таинственна) — нету. «Что? Кабинет? Какой кабинет? Какой ученый? Что-то не слышали. Книги пишете? А в «Правде» не пишете? Верно, с буржуями возитесь. Нечего, нечего! Вот мы вам пришлем товарищей исследовать, какой такой рентген, какой такой ученый!»

Бедный И. И. кубарем оттуда выкатился. Ждет теперь «товарищей» — исследователей.

Пусть убивают нас, губят Россию (и себя, в конечном счете) невежественные, непонимающие европейцы, вроде англичан. Но как могут распоряжаться нами откормленные русские эмигранты, разные «представители» пустых мест, несуществующие «делегации» и т. д. Когда к нам глухо доносятся голоса зарубежных, когда здешние наши палачи злорадно подхватывают эмигрантские свары и заявления — с одной стороны всяких большевистствующих тупиц о невмешательстве, с другой — безумные «непризнания независимости Финляндии» (!!) каких-то русских парижских «слов», мы здесь скрежещем зубами, сжимаем кулаки. О, если б не тряпка во рту, как мы крикнули бы им всем: «Что вы делаете? Кто вам дал право распоряжаться нами и Россией? России нет сейчас, а поскольку есть она — мы Россия, мы, а не вы! Как вы смеете от ее лица что-то «признавать», чего-то «не признавать», распоряжаться нами?»

Впрочем, все они были бы только смешны и глупы, если бы глупость не смешивалась с кровью. Кровавая глупость! Ладно, в свое время за нее ответят.

Отдельные русские голоса за рубежом, трезвые, — слабы и не имеют значения. Трезвы только *недавно* бежавшие. Они еще чувствуют Россию, реальное ее положение. А для тех — точно ничего не случилось! Не понимают, между прочим, что и все их *партии* — уже фикция, туман прошлого, что ничего этого уже нет *безвозвратно*.

А здесь... Эстляндия 15-го начинает «мирные переговоры», сегодня Чичерин предлагает их всем окраинам, с Финляндией во главе, конечно. Англия и «шалости» прекратила.

Не ясно ли, что после этого...

Сегодня понедельник 15 (2) сентября. Жду, что в вечерней ихней тряпке будет очередной клик об очередных победах и «устрашенной» Финляндии, склоняющейся к самоубийству (мирным переговорам). Ведь «мир» с большевиками — это согласие на самоубийство или на разложение заживо.

24 (11) сентября. Вчера объявление о 67-и расстрелянных в Москве (профессора, общественные деятели, женщины). Сегодня о 29 — здесь. О мирных переговорах с Эстляндией, прерванных, но готовящихся, будто бы, возобновиться — ничего не знаем, не понимаем, не можем и нельзя ничего себе представить. Деникин взял, после Киева, Курск. Троцкий гремит о победах. Ощущение тьмы и ямы. Тихого упомошательства.

Масло подбирается уже к 1000 р. за фунт. Остальное соответственно. У нас нет более ничего. Да и нигде ничего.

Опять выключили телефоны. Через 2 дня пробую — снова звонят. Постановили закрыть все заводы. Аптеки пусты. Ни одного лекарства.

(Какой шум у меня в голове! Странное состояние. Физическое или нравственное — не могу понять. Петр Верховенский у Достоевского — как верно о «равенстве в братстве». Механика. И смерть. Да, именно — механика смерти.)

Говорят (в ихней газете), что умер Леонид Андреев, у себя, в Финляндии. Он не испытал нашего. Но он понимал правду. За это ему вечное уважение.

Х. и Горький остались. Процветают.

В литературную столовку пришла барышня. Спрашивает у заведующей: не здесь ли Дейч? (старик, толстовец). Та говорит: его еще нету. Барышня просит указать его, когда придет; мне, мол, его очень нужно. И ждет. Когда старец прилепел (он едва ходит) — заведующая указывает: вот он. Барышня к нему — ордер: вы арестованы! Все растерялись. Старик просит, чтобы ему хоть пообедать дали. Барышня любезно соглашается...

Изгоев и Потресов сидят на Шпалерной, в одной камере.

Из объявлений в газете, за что расстреляны:

«...Чеховский, б. дворянин, поляк, был против коммунистов, угрожал последним отплатить, когда придут белые...» № его 28.

Холодно, сыро. У нас пока ни поляна, только утом в кухню.

Правительство, «Сев. Западное» — Маргулиеса и других — полная загадка. Большевики издеваются, ликуют.

Большевистские деньги почти не ходят вне городской черты. Скоро и здесь превратятся в грязную бумагу. Чистая.

Небывалый абсурд происходящего. 43

* Д. С. Мережковский.

** А. Н. Тихонов.

Такой, что никакая человечность с ним не справляется. Никакое воображение.

11 окт. (28 сен.). — После нашей недавней личной неудачи (объясню как-нибудь потом*) писать психологически невозможно; да и просто нечего. Исчезло ощущение связи событий среди этой трагической нелепости. Большевицкие деньги падают с головокружительной быстротой, их отвергают даже в пригородах. Здесь — черный хлеб с соломой уже 180—200 р. фунт. Молоко давно 50 р. кружка (по случаю). Или больше? Не уловишь, цены растут буквально всякий час. Да и нет ничего.

Когда «их» в Москве взорвало (очень ловкий был взрыв, хотя по последствиям незначительный, — убило всего несколько не главных большевиков, да оглушило Стеклова) — были думали, начнется кубический террор; но они как-то трусили и сверх своих обычных расстрелов не забуивствовали. Мы так давно живем среди потока слов (официальных) — «раздавить», «залить кровью», «заколотить в могилу» и т.д. и т.п., что каждодневное печатное повторение непечатной ругани этой — уже не действует, кажется старческим шамканьем. Теперь все заклинивания «додавить» и «разгромить» направлены на Деникина, ибо он после Курска взял Воронеж (и Орел — по слухам).

Абсурдно-преступное поведение Антанты (Англия?) продолжается. На свою же голову, конечно, да нам от этого не легче.

Понять по-прежнему ничего нельзя.

Уже будто бы целых три самостоятельных пуговицы, Литва, Латвия и Эстония, объявили согласие «мирно переговариваться» с большевиками. Хотят, однако, не нормального мира, а какого-то полубрестского, с «нейтральными зонами» (опять абсурд). Тут же путается германский Гольц, и тут же чучка каких-то «белых» (??) ведет безнадежную борьбу у Луги!

Кошмар.

Все меньше у них автомобилей. Иногда дни проходят — не прогремит ни один.

Закрыли заводы, выкинули 10 тысяч рабочих. Льготы — месяц. Рабочие покорились, как всегда. Они не думают вперед (я заметила эту черту некультурных «масс»), льготный месяц на то и дается, уедут по деревням. («Чего — там, что еще будет через месяц, а пока — езжай до дому!»)

Здесь большевики организовали принудительную запись — в свою партию (не всегда закрывают принудительность даже легким флером). Снарядили, как они выражаются, «пару тысяч коммунистов на южный фронт», чтобы «через какую-нибудь

пару недель» догромить Деникина. (Это не я сблизжаю эти «пары», это так точно пишут наши «советские» журналисты.)

15 (2) октября. — Ну вот, и в четвертый раз высекли! — говорит Дмитрий в 5 часов утра, после вчерашнего, нового обыска.

Я с убеждением возражаю, что это неверно; это опять гоголевская унтер-офицерская вдова «сама себя высекла».

Очень хороша была плотная баба в белой кофте с *засученными рукавами* и с басом (несомненной прачка), рывшаяся в письменном столе Дмитрия. Она вынимала из конвертов какие-то письма, какие-то заметки.

— А мне жилаательно йету тилиграмму прочесть...

Стала приглядываться и бормоча разбирать старую телеграмму — из кинематографа, кажется.

Другая баба, понежнее, спрашивала у меня «стремянку».

— Что это? Какую?

— Ну лестницу, что ли... На печку посмотреть.

Я тихо ее убедила, что на печку такой вышины очень трудно влезть, что никакой у нас «стремянки» нет, и никто туда никогда не лазил. Послушалась.

У меня в кабинете так постояли, даже столов не открыли. Со мной поздоровался испитой малый и «ручку поцеловал». Глядь — это Гессерих, один из «коренных мерзавцев нашего дома», или, по-советски, «кормернадов». В прошлый обыск он еще скакал по лестницам, скрываясь, как дезертир и т. д., а нынче уже руководит обыском, как член Чрезвычайки. Их, кормернадов, несколько; глава, конечно, Гржебин. Остальные простецкие (двое сидят). Гессерих одно время и жил у Гржебина.

Потолкались — ушли. Опять придут.

Сегодня грозные меры: выключаются *все* телефоны, закрываются *все* театры, *все* лавченки (если уцелели), не выходит после 8 ч. вечера и т.д. Дело в том, что вот уже 4 дня идет наступление белых с Ямбурга. Не хочу, не могу и не буду записывать всех слухов об этом, а ровно ничего, кроме слухов, самых обрывочных, у нас *нет*. Вот, впрочем, один, наиболее скромный и постоянный слух: какие «белые» и какой у них план — неизвестно, но они хотели закрепиться в Луге и Гатчине к 20-му и ждать (чего? тоже неизвестно). Однако красноармейцы так побежали, что белые растерялись, идут, идут и не могут их догнать. Взяв Лугу и Гатчину — взяли *будто бы* уже и Ораниенбаум и взорвали мост на Ижоре. Насчет Ораниенбаума слух нетвердый. Псков будто бы взял фон дер-Гольц (это совсем нетвердо).

На юге Деникин взял Орел (призна-

но большевиками) и Мценск (не признано).

Мы глядим с тупым удивлением на то, что происходит. Что из этого выйдет? Ощущением, всей омолодившейся душой, мы склоняемся к тому, *что ничего не выйдет*. Одно разве только: в буквальном смысле будем издыхать от голода, да еще всех нас пошлют копать рвы и строить баррикады.

Красноармейцы действительно подрали от Ямбурга, как зайцы, роя по пути картошку и пожирая ее сырую. Тут не слухи. Тут свидетельства самих действующих лиц. От кого дерут — сказать не могут, — не знают. Прослышали о каких-то «таньках», лучше до греха домой.

Завтра приезжает «сам» Троцкий. Вдыхать доблесть в бегущих.

Состояние большевиков — неизвестно. *Будто бы* не в последней панике, считая это «налетом банд», а что «сил нет».

Самое ужасное, что они, вероятно, правы, что сил и нет, если не подтыкано хоть завалачными регулярными нерусскими войсками, хоть фон дер-Гольцем. Большевики уповают на своих «красных башкир», в расчете, что им — все равно, лишь бы их откармливали и все позволяли. Их и откармливают, и расчет опять верный.

Газеты — обычные, т. е. понять ничего нельзя абсолютно, а слова те же, — «додушить», «раздавить» и т.д.

(Черная книжечка моя кончилась, но осталась еще корка, — в конце и в начале. Буду продолжать, как можно мельче на корке.)

На корке

16 окт. (3). Четв. — Неужели я снизойду до повторения здесь таких слухов: англичане вплотную бомбардируют Кронштадт. Взяли на Кр. Горке форт «Серая Лошадь». Взято Лигово...

Но вот *почти* наверно: взято Красное Село, Гатчина, кр-армейцы продолжают бежать.

В ночь сегодня мобилизуют всех рабочих, заводы (оставшиеся) закрываются. Зиновьев вопит не своим голосом, чтобы «опомнились», не драли, и что «никаких танек нет». Все равно дерут.

Оптимисты наши боятся слово сказать (чтоб не сглазить событий), но не выдерживают, шепчут, задыхаясь: Финляндия взяла Левашево... О, вздор, конечно! Т. е. вздор фактический, как данное, — как должное — это истина. И если бы выступила Финляндия...

Все равно, душа молчит, перетерпела, замозолилась, изверилась, разучилась надеяться. Но надеяться надо, надо, иначе смерть.

Голод полнейший. Рынки расхвачены. Фунта хлеба сегодня не могли достать. Масло, когда еще было, — было 1000—1200 р. фунт.

* Мы пытались организовать побег на Рижскую — Ригу. Это не вышло, как не удавались десятки еще других планов побега.

26 (13) октября, вторник. — Рука не подымалась писать. И теперь не подымается. Заставляю себя.

Вот две недели неопишимо кошмара. Троцкий дал приказ: «гнать» вперед красноармейцев (так и напечатал «гнать»), а в Петербурге копать окопы и строить баррикады. Все улицы перерыты, главным образом центральные. Караванная, например. Рюот обыватели, схваченные силой. Воистину ассирийское рабство! Уж как эти невольники рюот — другое дело. Не думаю, чтобы особенно крепки были правительственные баррикады, дойди дело до уличного боя.

Но в него никто не верил. Не могло до него дойти (ведь если бы освободители могли дойти до улиц Петербурга — на них уже не было бы ни одного коммуниста!)

Три дня, как большевики трубят о своих победах. Из фактов знаем только: белые оставили Царское, Павловск и Колпино. Почему оставили? Почему? Большевики их не прогнали, это мы знаем. Почему они ушли — мы не знаем.

Гатчина и Кр. Село еще заняты. Но если они уже начали уходить...

Большевики вывели свой крейсер «Севастополь» на Неву и стреляют с него в Лигово и вообще во все стороны наудачу. В частях города, близких к Неве, около площади Исаакия, например, дома дрожали и стекла лопались от этой умной бомбардировки близкого, но невидимого неприятеля.

Впрочем, два дня уже нет стрельбы. Под нашими окнами, у входа в Таврический сад, — окоп, на углу, в саду, — пушка.

О том, что мы едим и сколько это стоит, — не пишу. Ложь, которая нас окружает... тоже не пишу.

Если они не могут взять Петербурга, — не могут, — они бы должны понимать, что, идя бессильно, они убивают невинных.

(Сбоку на полях). И тут эта неделя дифтеритного ужаса у Л. К. Нельзя добыть доктора (а ведь она сама — врач), — наконец добыли, все это пешком, нельзя добыть сыворотки... Как она пережила эту ночь? Теперь — последствия; начались нарывы в горле...

4 ноября (22 окт.), вторник. — Дрожа, пишу при последнем свете мутного дня. Холод в комнатах туманит мысли. В ушах непрерывный шум. Трудно. Хлеб — 300 р. фунт. Продавать больше нечего.

Близкие надежды всех — рухнули. (Мои, далекие, остались.) Большевики в непрерывном ликовании. Уверяют, что разбили белых совершенно и наступают во весь фронт. Вчера будто бы отобрали и Гатчину. Мы ничего не знаем о боях, но знаем: и Царское, и Гатчина — красные, однако большевики вступают туда лишь через

6—12 часов после очищения их белыми. Белые просто уходят (??).

Как дрожали большевики, что выступит Финляндия! Но она недвижима.

Сумасшествие с баррикадами продолжается. Центр города еще разрывают. Укрепили... цирк Чинизелли! На стройку баррикад хватают и гонят всех, без различия пола и возраста, устраивая облавы в трамваях и на квартирах. Да, этого еще никогда не было: казенные баррикады! И, главное, все ни к чему.

Эрмитаж и Публичную Библиотеку замораживают: топлива нет.

Большевики, испугавшись, потеряли голову в эти дни: кое-что раздали, кое-что увезли — сами не знают, что теперь будут делать.

Уверяют, что и на юге их дела великопелны. Быть может. Все может быть. Ведь мы ничего не знаем абсолютно.

Перевертываю книгу, там тоже есть, в начале, место на переплете, на корке.

(Переверт)

Ноябрь. — Надо кончить эту книжку и спрятать. Куда? Посмотрим. Но хорошо, что она кончается. Кончился какой-то период. Идет новый, — на этот раз, действительно, последний.

Наступление Юденича (что это было на самом деле, как и почему — мы не знаем) для нас завершилось следующим: буквально «погнанные» вперед красноармейцы покатались за уходящими белыми и даже, раскатившись, заняли Гдов, который не могли занять летом. Армия Юденича совсем куда-то пропала, словно иголка. Что с ней случилось, зачем она вдруг стала уходить от Петербурга (от самого города! Разъезды белых были даже на Забалканском проспекте!), когда большевики из себя вышли от страха, когда их автомобили ночами пытели, готовые для бегства (один из них, очень важный, пытел и сверкал под окнами моей столовой, у нас во дворе его гараж) — не знаем, не можем понять! Но факт налицо: они ушли.

Говорят, прибалтийцы закрыли границу, и армия Юденича должна была переправляться в Финляндию. Ее особенно трусили большевики. Напрасно. Даже не шевельнулась.

Состояние Петербурга в данную минуту такое катастрофическое, какое, без этого движения Юденича, было бы еще месяца через три-четыре. К тому же ударили ранние морозы, выпал снег. Дров нет ни у кого, и никто их достать не может. В квартирах, без различия «классов», — от 4⁰ тепла до 2⁰ мороза. Мы закрыли мой кабинет. И Димин. Закрываем столовую. И. И. живет с женой в одной только, — ее, — комнате. И без прислуги.

В коридоре прямо мороз. К 1 декабря совсем не будет электричества (теперь мы во мраке полдня). Закроют школы. И богадельни. Стариков куда? Попить ими, верно. О том, чем

мы питаемся со времени наступления, — не пишу, не стоит, скучно. Просто почти ничего совсем нет. Есть еще кое-что (даже дрова) у Гржебина, grimo-sreculanto нашего дома. А мелкую нашу сошку расстреляли: знаменитого Гессериха, что сначала жил у Гржебина, потом прятался, как дезертир, а потом приходил с обыском, как член Чрезвычайки. Да, кажется, и Алябьева тоже.

А матерому пауку — Гржебину уже и Дима принужден продаваться — брошюры писать какие-то (??).

(Электричество погасло. Оно постоянно гаснет, когда и горит. Зажгла лампу. Керосин на доньшке.)

Собственно, гораздо *благоднее* теперь не писать. Потому что общая мука жизни такова, что в писание о ней может войти... тщеславие. Непонятно? Да, а вот мы понимаем. И Розанов понял бы. (Несчастный, удивительный Розанов, умерший в такой нищете. О нем вспомнят когда-нибудь. Одна его история — целая историческая книга...)

Люди так жалки и страшны. Человеческому — ворон. С голодными и хищными глазами. Рвут падалу на улице равно и одичавшие собаки, и

(Окончание см. на стр. 56.)

★ а здоровствует в коммунистическую революция.

Александр КУПРИН

ТРОЦКИЙ

(характеристика)

Слепой случай вышвырнул Троцкого на самый верх того мутно-грязного, кровавого девятого вала, который перекачивается сейчас через Россию, дробя в щепы ее громоздкое строение. Не будь этого — Троцкий прошел бы свое земное поприще незаметной, но, конечно, очень неприятной для окружающих тенью: был бы он придирчивым и грубым фармацевтом в захолустной аптеке, вечной причиной раздоров, всегда воспаленной язвой в политической партии, прескверным семьянином, учитывающим в копейках жену.

Говоря откровенно, до нынешних дней ему ничего не удавалось.

В революции 1905—1906 гг. он принимал самое незначительное участие. Рабочие тогда еще чуждались интеллигентов и их непонятных слов. Гапон был на несколько минут любимцем и настоящим вождем. К осторожным, добрым и умным советам Горького прислушивались благодаря его огромной популярности. Кое-какое значение имел Рутенберг. Остальных молодых людей в очках стаскивали за фалды с эстрады и выпроваживали на улицу.

В заграничной, тогда еще подпольной, работе Троцкий также не выдвигался вперед. Он отличался неустойчивостью мнений и всегда вилял между партиями и направлениями. В полемических статьях того времени Ленин откровенно называет его лакеем и человеком небрежливым в средствах. Служил ли он тайно в охранке? Этот слух прошел сравнительно недавно. Я не то чтобы не верю ему (бесспорно, могло быть и так), но просто не придаю ему никакого значения. Ложь, предательство, убийство, клевета — все это слишком мелкие, третьестепенные черты в общем, главном характере этого замечательного человека...

...Мало ли что человек революционной идеи может и обязан сделать ради партийных целей? И время ли теперь копаться в дрязгах допотопного прошлого?

Но Судьбе было угодно на несколько секунд выпустить из своих рук те сложные нити, которые управляли мыслями и делами человечества, — и вот уродливое ничтожество Троцкий наступил ногой на голову распротертой великой страны.

Случилось так, что большевистская революция нашла себе в лице Троцкого самого яркого выразителя. В то же время она явилась для разрушительных способностей Троцкого той питательной средой, тем бульоном из травы агар-агар, в который бактериологи помещают зловредные микробы, чтобы получить из них самую обильную разводку. Таким образом, фигурка, едва видимая невооруженным глазом, приняла исполинские, устрашающие размеры.

Влияние Троцкого на советские массы не только громадно, но и чрезвычайно легко объяснимо. Вся страна находится теперь в руках людей, из которых малая часть искренно смешала власть с произволом, твердость с жестокостью, революционный долг с истязательством и расстрелами, между тем как темная толпа нашла неограниченный простор для удовлетворения своих звериных необузданных инстинктов. В их глазах Троцкий — не только наглядное оправдание, высокий пример, точка опоры — о, гораздо больше! — он герой и властелин их воображения, полубог, мрачный и кровавый идол, требующий жертв и поклонения.

Его появление на трибуне встречается восторженным ревом. Каждая эффектная фраза вызывает ураган, сотрясающий окна. По окончании митингов его выносят на руках. Женщины — всегдашние рабыни людей эстрады — окружают его истерической влюбленностью, тем самым сумасбродным обожанием, которое составляет половых психопаток Парижа в дни, предшествующие громким казням, заваливать письменными любовными признаниями знаменитого преступника.

Я не шутя говорю, что не было бы

Рис. К. Валова

ничего удивительного в том, если бы в один прекрасный день Троцкий провозгласил себя неограниченным диктатором, а может быть, и монархом великой страны всяких возможностей! Еще менее удивил бы меня временный успех этой затеи.

В молниеносных кровавых расправах он являет лик истинно восточного деспота. Когда под Москвой к нему явились выборные от специального отряда матросов-телохранителей с каким-то заносчивым требованием, он собственноручно застрелил троих и тотчас же велел расстрелять всю сотню.

...Троцкий не умен в обширном и глубоком смысле слова. Но ум у него цепкий, хваткий, находчивый, легко усваивающий, фаршированный пестрыми знаниями. Стоит только припомнить его изречения: все они украдены без ссылки на источники...

Он не творец, а насильственный организатор организаторов. У него нет гения, но есть воля, посыл, постоянная пружинистость.

У него темперамент меделяна, дрессированного на злобность. Когда такому псу прикажут «бери!» — он кидается на медведя и хватает его «по месту» — за горло.

Так, отчасти, рассматривает Троцкого Ленин. Но пусть кремлевский владыка не забывает, что эта порода крайне мстительна и злопамятна. Бывали случаи, когда «меделян» хватал «по месту» не медведя, а своего хозяина, наказавшего его накануне. А этот однажды уже огрызнулся.

«Новая русская жизнь»,
№№ 14—15, 20—21 янв. 1920.

Печатается с сокращениями.

Публикация
Екатерины БАРАБАШ

КОММЕНТАРИЙ

Впервые публикуемые в СССР эмигрантские оценки личности Льва Троцкого известным русским писателем Александром Куприным менее всего могут служить введением к биографии «демона революции». Похоже, что до 1917 года Куприн вообще ничего не слышал о Троцком и даже не читал о нем в русских социал-демократических газетах. Отсюда — явные фактические ошибки типа того, что «в революции 1905—1906 гг. он принимает самое незначительное участие». На самом деле Троцкий — самый заметный социал-демократический лидер революции. Борис Бажанов, личный секретарь Сталина и протоколист заседаний Политбюро в 1923—1926 годах, при всем «купринском» неприятии Троцкого все же более объективен: «Он был человек мужественный и шел на все риски, связанные с его революционной деятельностью. Достаточно указать на его поведение, когда он председательствовал на Петербургском Совете рабочих депутатов: до конца он держался храбро и вызываясь и прямо с председательской трибуны пошел в тюрьму и ссылку».

Оценки писателя Куприна интересны другим — отчаянием русской интеллигенции, потерявшей все — Родину, читателя, культуру, народ. В этих субъективных заметках Куприна о Троцком лично я вижу гораздо большее — гигантскую трагедию всей прогрессивной российской интеллигенции, столько лет поклонявшейся народу и, как оказалось, совсем не знавшей его, о чем, впрочем, еще в 1909 году предупреждали авторы шумевшего тогда сборника статей о российской интеллигенции «Вехи».

В 1917—1920 годах у многих из этих «друзей народа», не исключая и Куприна, произошла переоценка ценностей. Вот что писал в своем одесском дневнике «Окаянные дни» 17 апреля 1919 года Иван Буник: «Честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой...» Как

любил рычать это Горький! А и сон-то весь только в том, чтобы проломить голову фабриканту, вывернуть его карманы и стать стервой еще худшей, чем этот фабрикант».

Но и Горький, увидев в 1917—1918 годах, что воспетый им ранее пролетариат «не великодушен и не справедлив», в своих «несвоевременных мыслях» уже отказался от бывшего народопоклонничества: «Мы, Русь, — анархисты по натуре, мы, жестокое зверье, — писал он в мае 1918 года в своей газете «Новая жизнь», — в наших жилах все еще течет темная и злая рабья кровь — ядовитое наследие татарского и крепостного ига... И вот — грабят, воруют, поощряемые свыше премудрой властью, возгласившей... миру якобы новейший лозунг социального благоустройства... Грабь награбленное!»

Впрочем, эмигрантский хлеб оказался горек, и Куприн, как и многие другие «бывшие» (граф Алексей Толстой, военный атташе граф Игнатьев, «лохматый Иль» Эренбург и многие другие), в середине 30-х годов поддался на уговоры агентов Сталина и вернулся на родину с тем, однако, чтобы через несколько месяцев умереть от рака на дарованной ему «отцом народов» даче в Ивановской области, правда, успев, подобно Анри Барбюсу и Ромену Роллану, восславить режим вождя в нескольких интервью и газетных статьях.

Не последнюю роль в этом разрешении на возвращение сыграла «антитроцкистская пассажи» в публикуемом материале Куприна, его попытка противопоставить Ленина «нудушке Троцкому», который якобы уже в 1920 году копал Ильичу могилу. Трагичен удел великих талантов России, попавших под колеса социального катаклизма и выброшенных за пределы Отечества. И урок всем тем, кто и сегодня к тобору зовет Русь.

Владлен СИРОТКИН

Черная книжка

Окончание. Начало в №№ 2-3 за 1990 г.

(Окончание. см. с. 42)

воронье, и люди. Едут непроницаемые (какие-то нелюди) башкиры на мохнатых лошаденках и заунывно воют, покачиваясь: Средняя Азия...

Блестящи дела большевиков и на юге. Так ли блестящи, как они говорят, — не знаю, но очевидно, что Деникин пошел уже не вперед, а назад. Это не удивляет нас. Разложились, верно. Генеральско-южные движения обречены (как и генеральско-северные, оказывается).

Англичан здесь, конечно, и не было ни малейших: с моря слегка попалили французы (или кто?), и все успокоилось.

Большевики снова принялись за свою «всемирную революцию», — вплотную принялись. Да и не могут они от нее отстать, не могут ее не устраивать всеми правдами и неправдами, пока они существуют. Это са-

мый смысл и неперемное условие их бытия. Страна, которая договаривается с ними о мире и ставит условием «отказ от пропаганды», — просто дура.

Очень хотели бы мы все, здесь живущие в России, чтобы Англия поняла на своей шкуре, что она проделывает. Германия уже понесла — и несет — свою кару. Слепшая Европа (особенно Англия) на очереди. Ведь она зарывается не плоше Германии. И тут же продолжает после мира, — подлого, — подлую войну с Германией — на костях России.

Как ни мелко писала я, исписывая внутреннюю часть переплета моей «Черной Книжки», — книжка кончается. Не буду, верно, писать больше. Да и о чем? Записывать каждый хрип нашей агонии? Так однообразно. Так скучно.

Хочу завершить мою эту запись

изумительным отрывком из «Опавших листьев» В. В. Розанова. Неизвестно, о чем писал он это — в 1912 году. Но это мы, мы — в конце 1919-го!

«И увидел я вдали смертное ложе. И что умирают победители, как побежденные, а побежденные, как победители».

«И что идет снег и земля пуста».

«Тогда я сказал: Боже, отведи это, Боже, удержи».

«И победа побледнела в душе моей. Потому что побледнела душа. Потому что где умирают, там не сражаются. Не побеждают, не бегут».

«Но остаются недвижимыми костями, и на них идет снег».

(Короб II, стр. 251).

На нас идет снег. И мы — недвижимые кости. Не задержал, не отвел. Значит, так надо.

Смотреть в глаза людские... *

БУНТ ПОСРЕДСТВЕННОСТИ

- Все-таки он очень жестокий, — сказал адвокат.
- Он мерзкий, — сказал судья.
- Мальчик-зима, — сказал следователь.
- Мой единственный друг, — сказала мама.
- Так какой же он?
- Довольно ограниченный тип, хотя, может быть, и с потугами на что-то, — сказал он сам.

12 марта прошлого года восемнадцатилетний Рубен Киркиян провел последний эксперимент по изучению возможностей человека. Нет, его не интересовали пучина морская, непокоренные горные вершины или книга Гиннеса вкупе со всеми языками мира. 12 марта в 21.30 в подвале жилого дома он затянул веревку на шею своей сверстницы Наташи Поповой, а потом долго и без разбора бил ее самодельным ножом. Вынув из кармана мертвой уже девушки ключи, зашел к ней домой и загрузил в две сумки магнитофон "Филипс" с наушниками и пультом управления, три кассеты, кожаную куртку, деревянную шкатулку с бижутерией, бритвенный станок "Шик" с набором лезвий, китайскую перьевую ручку и початую пачку сигарет "Сент Моррис" — на общую сумму 3 тысячи 132 рубля.

В тот день белый свет, перенаселенный, будто коммуналка, лишился сразу двух своих постояльцев. И если чистая душа безвинно погибшей девочки легко найдет себе приют в светлом небесном мире, то сумрачное "второе я" юноши обречено еще очень долго скитаться вслед за своим хозяином по зонам, трястись в вагончиках, биться о стены штрафных изоляторов, корчиться на койках тюремных больниц, мыкаться в ссылке, чтобы, наконец, состарившись, распротяться в конце концов с измучившим его телом и остаться без успокоения.

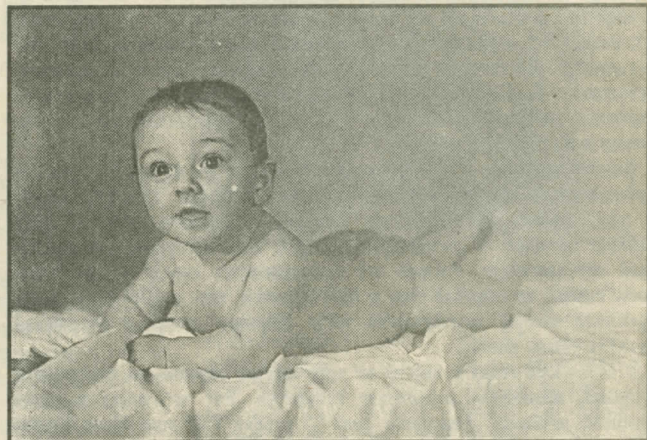
Ради чего?

Он никак не вписывается в традиционный портрет убийцы — умный, ухоженный мальчик с приятными манерами и грамотной речью. Не пьяница, не наркоман, не дебил — тогда вряд ли стоило бы заводить разговор о "втором я", тогда все началось и кончилось бы словом "бытовуха". Говорит, что верит в Бога. Говорит, что больше жизни любит маму и бабушку. Говорит, что дорого заплатил бы, чтобы вернуть все назад.

Так ради чего же?

"Я обыкновенный пэтзуншик, живу с мамой и бабушкой. Занимаюсь атлетизмом, кожу в театральную студию, даже мечтаю поступить во ВГИК на режиссуру. Но нормально далеко не все.

Первая и самая важная беда — у меня очень больная мама. Так вот, чтобы ото всех (или хотя бы от некоторых) болезней ее избавить, надо иметь огромную (для меня) сумму денег, которые я не знаю, где взять. Вы можете сказать, что лечение у нас бесплатное. Но чтобы выжить, а не остаться калеккой, надо платить, совать, давать, золотить ручку и т. д.

Мама моя работает санитаркой... ей 36 лет. Получает соответственно занимаемой должности гроши. А у нее на попечении я, которому не помешали бы домашний стереокомплекс, состоящий из... модные шмотки и т.д., и т.п. И бабушка, которой уже давно за 70 и которая чудом дожила до данного момента с врожденным пороком сердца...

Извините за нелитературное отступление, но главный вопрос для меня: как добыть деньги? Я понимаю, что надо идти и честно работать. Но, по-моему, у нас честно в моем возрасте таких денег не заработаешь. (А мой сосед слева все думает, какую ему машину к лету купить: "volvo" или "audi", какой видак?) А может, мне начать спекулировать, и тогда все будут сыты, здоровы, одеты?..

Рубен, 16 лет".

Это письмо было опубликовано 5 марта 1988 года в газете "Московский комсомолец", ровно за 2 года до трагедии. Из мешка с читательской почтой выудила его я.

Потом красивый, вежливый юноша сам пришел в редакцию. Мы часа полтора просидели в редакционном буфете. Говорили о жизни и о том, как помочь маме и что "грязные" день-

Из семейного альбома.

трудно. Ловко подвешенный язык, немного из Сартра и столько же из Камю, кое-какие актерские задатки, вовремя рассказанный анекдот, загадочный вид, намек на деловые связи — этого вполне хватало, чтобы считаться "своим парнем" и пользоваться бешеным успехом у девушек.

"Он говорил, что переменял много мест работы, что писал очерки в какой-то журнал, словом, парень он высокой культуры. Мне он очень понравился".

"Я спросила: почему у него кличка "Шико-шут"? Рубен ответил, что он и является шутком по жизни, надевает любые маски, свойственные той или иной ситуации. Говорил, что я такая "упакованная", что он хочет приехать ко мне "на белом коне".

Словом, усиленно культивировал образ эдакого человека в маске, чтобы уберечься от болезненных ударов по самолюбию. Как будто боролся с невидимым врагом, который, уловив момент, стянет маску, а там ничего и нет.

Но образ супермена все сильнее требовал материального подкрепления. Не будешь же всегда говорить, что забыл кошелек дома. Суперменов с пустыми кошельками не бывает. Белого коня нужно хоть раз показать.

Немного выручала фарцовка — да-да, скоро он перестал стесняться средств для достижения цели. Но и это было не то. Крутые ребята из "чертановской" команды, дававшие возможность подзаработать, никак не хотели воспринимать его серьезно, а это был новый удар по самолюбию. Ненасытная маска требовала очередной пор-

ги, скорее всего, счастья не принесут. И я, наверное, сказала, что таких, как он, сыночек мало. А он спросил: нельзя ли ему попробовать себя в журналистике? "Можно, — ответила я, — но нужно быть готовым, что сразу вряд ли получится. Придется переписывать по многу раз, и гонораны у нас очень маленькие".

Рубен приходил еще, принес плохую заметку, переписывать ничего не стал и исчез. Так же стремительно закончилась его актерская карьера. Около трех месяцев ходил в студию Спесивцева, и надоело.

С месяц подрабатывал в кооперативном кафе. Не понравилось — тяжело, мало заплатили. Училище серьезно вообще не воспринимал, на заводе горбатиться не собирался. Умело "отстрелялся" от военкомата — так изобразил в нужный момент сотрясение мозга, что провел даже седого профессора из Склифа. «За политику говорить не будем, правда же?» — усмехнулся Рубен.

Не будем. С "политикой" у Рубена свои отношения. Обязанным никому ничем себя не считает, а сверстников называет "жертвами соцпропаганды". Им — приятелям, подружкам, бывшим одноклассникам, — наверно, легко быть "жертвами", когда родители сплошь по заграницам. Он изучил политэкономия на собственной шкуре, разгуливая в обносках из комиссии.

В шестнадцать это угнетало, знакомых старался домой не приглашать, чтобы не демонстрировать лишней раз нищету. В восемнадцать — уже нет, переболел. Но главный-то вопрос, который мучил всегда — как жить? — остался.

Вернее, не так. Если бы он был способен всерьез задаться этим глубочайшим философским вопросом, который иные решают до седых волос, я уверена, все сложилось бы иначе. Но душа молчала, а мозг, не привыкший утруждать себя серьезной работой, быстренько свел все к простому: "Как выглядеть в глазах окружающих?" Так обиженный ребенок мечтает умереть, чтобы посмотреть, как будут плакать обидчики на его похоронах. Главное, чтоб игра не стала дьяво.

Обиженный на судьбу, лишившую его стартового капитала, Рубен, сжав зубы, бросился штурмовать свои вершины. Производить впечатление оказалось совсем не

ции самоутверждения, а значит, самоуважения.

За три дня до случившегося Рубен встретился с одним из своих "деловых партнеров" и в деталях описал еще не совершенное преступление так, как будто он уже это сделал. Просил обеспечить ему алиби. А тот послал мальчишку куда подальше. Брезгливо отшвырнул от себя, как щенка. Хотя Рубен рассказал только, что влип в нехорошую историю с ограблением квартиры.

Он понял — мало. Мало для авторитета, мало, чтобы умирить внутренний дискомфорт. Понял, собственно,

то, что знал и раньше. Потому что уже месяца полтора спрашивал незнакомых: могли бы они убить человека? Те смеялись или крутили пальцем у виска. "А я бы смог", — отвечал Рубен.

— Что значили для тебя деньги?

— Деньги нужны были не для меня конкретно, а в большей степени для окружающих. Я хотел, чтобы они воспринимали меня как нечто. Просто мешок, набитый деньгами, эмоций не вызывает.

— Но ведь, чтобы украсть, совсем не обязательно было убивать.

— Безусловно. Есть масса гораздо более простых способов. И если бы попался, получил бы от силы два года.

— Значит, основной целью было...

— Да. Магнитофон не был целью вообще. Меня всегда интересовали человеческие крайности.

— Увлекался Достоевским?

— Я не хотел об этом говорить, чтобы не казаться слишком умным.

— Это трудно — убить человека?

— Теперь я понял: нажать курок или всадить нож — совсем нет. Трудно дойти до этого.

— Ты доволен собой?

— Нет, я недоволен собой. Это не мое. Я не должен был этого делать. Это слабо похоже на то, что показывают в кино. Был момент, когда я мог остановиться.

— Почему же не остановился?

— Я помнил фразу: если что-то начинаешь, надо доделать до конца. Я не знал, что мне больше нужно, всю жизнь экспериментировал над собой, над людьми.

— Почему объектом эксперимента ты выбрал Наташу?

— Она была легкой жертвой. И еще она чем-то раздражала меня.

Наташа Попова пять лет прожила с родителями, мидовскими работниками, в Польше. С отличием закончила варшавский лицей, без всяких поблажек, хотя препода-

вали на чужом языке. Летом вернулась в Союз, стала готовиться в университет. Работала в радиокомитете на иновещании, вечерами учила английский. По отзывам всех, кто ее знал, была доброй, открытой, безмерно верила людям. Любила играть на гитаре и петь, сочиняла прекрасные песни. Незадолго до смерти записала на радио последнюю: о страшном бесе, который пришел забрать ее любовь.

Наташе нравился ее новый знакомый, она ни от кого не скрывала этого. Встречались в компаниях — Рубен был приветлив и обходителен, как и с другими.

9 марта родители Наташи уехали отдыхать в Сочи. Наташа осталась за хозяйку под присмотром старшего брата, который жил этажом выше. Под присмотром, скорее, номинальным, потому что родители вполне доверяли дочери, сдержанной и рассудительной девочке.

Когда позвонил Рубен и предложил встретиться, Наташа сразу согласилась. Не пошла даже на английский, а брата предупредила, что вернется попозже. В девять вечера она вышла из подъезда.

Они медленно шли по улице и разговаривали. Замедлив шаг у подвала одного из домов, Рубен приоткрыл дверь и сказал: "Пойдем, я покажу тебе что-то интересное". Наташа безропотно спустилась в темноту по грязной, сырой лестнице. "Но тут нет ничего интересного", — удивилась она и повернула назад. В тот момент он еще мог остановиться...

"Я сделал все профессионально", — словно заклинание, повторяет он потом не раз и не два, как будто боясь, что кто-то решит посмеяться над его быстрым разоблачением.

Действительно, готовился серьезно. Надел на себя две куртки, двое брюк, предполагая, что на верхней одежде останутся следы крови. Заранее приберег подходящий нож и веревку, выбрал подвал, взял у подружки сумку и 50 рублей взаймы, чтобы уехать подальше на такси.

Начал подыскивать покупателей, предлагая им двухконтинентальный "Филипп" белого цвета.

...Он врал и изворачивался, как мог, во время следствия. Следователя буквально сразила одна фраза: "Если я буду говорить, как было, я буду выглядеть в невыгодном свете".

Симулировал тихое помешательство и резал себе вены, разумеется, не слишком сильно: "Из психушки быстрее выйдут".

Он "чистосердечно" каялся на суде (так велела адвокат), и, не прочитав сочувствия в устремленных на него глазах, впервые искренне отчаялся: "Я не знаю, как это надо показаться".

300 жителей близлежащих домов подписали петицию с требованием смертной казни убийце.

Учитывая молодой возраст и первое преступление, суд приговорил Киркикяна к 15 годам усиленного режима и 3 годам ссылки.

— Знаете, что произвело на меня самое сильное впечатление? Люди, которые меня судили, нашли возможность за убийство помиловать меня. Со мной нужно было поступить так: или действительно меня убить, или довести процесс до конца, до самой стенки, и отпустить меня. Представляете, что было бы с моей психикой?

— Хочется жить?

— Хочется. Офигенно хочется жить! И знаете еще что. Сейчас я до конца не уверен, что совершил преступление. Иначе почему же Бог меня не наказал? Почему он меня не убил? Значит, это было не преступление?

А девочки пишут ему письма.

"Пикколо! Ты очень классный человек и очень любимый. Господи! Как хорошо, что ты не забыл меня. Я просто счастлива! Ты мое самое большое и светлое в жизни, дороже тебя нет. Я верю тебе... Юлик".

"Любимый Рубеша! Мне очень жаль, что во всей этой темной истории пострадал именно ты... Лелик".

"Я тебя умоляю: только не отчаивайся. Все еще будет очень хорошо. Мы еще споем! Н."

Письма поддерживают его, вселяют веру и надежду. Девочки предпочитают не вспоминать о двух постаревших вмиг людях, которых Рубен надежды лишил. Он тоже стареется о Наташиных родителях не думать. Как будто можно закрыть глаза и вернуться из-за черты.

"Здравствуйте, родные мои! Как я по вас соскучился, как хочу обнять, расцеловать... Верьте в меня, пожалуйста... Через пять лет свою всех девчонок и адвоката в "Метрополь". Еще погуляем... Ваш Рубик".

**ШЕВЧУК,
ВОСПЛАМЕНЯЮЩИЙ
ВЗГЛЯДОМ**

**«ДУХОВ ДЕНЬ»,
"Ленфильм" (студия
"Голос"),
реж. С. Сельянов**

Сейчас, когда режиссер Сергей Сельянов внешне стал напоминать Льва Толстого периода Севастопольской кампании, о его новом фильме "Духов день" как-то даже неудобно писать. Тем более, что картина уже удостоилась премьер в Домах кино, получила главный приз на фестивале в Зареченске и с большим успехом поучаствовала в гастролях по Волге ансамбля "ДДТ", где родина (малая) Юрия Шевчука — исполнителя главной роли — праздновала десятилетие этого коллектива.

Шевчуку посчастливилось представить на экране образ нашего соотечественника по фамилии Христофоров, с судьбой, отягощенной его способностью к пирогагенезу. Любители видео, вероятно, могут проассоциировать этот термин с "Воспламеняющей взглядом" по роману Стивена Кинга. Спешу их разочаровать: несмотря на сходство способностей героев, фильм Сельянова на американскую коммерческую продукцию совершенно не похож, а удивительно напоминает продукцию современного "Ленфильма", тем более, что таковой и является.

Если пользоваться суконым кинокритическим языком, то придется признаться, что пирогагенез для Сельянова только повод поговорить о природе личности и ее месте в современной истории. Да и то сказать, ясно, как быть серостью, а вот для обладающих способностями наша жизнь (не только советская, вообще — человеческая жизнь) приспособлена мало. Вывод не слишком экстравагантный и, как

всякое знание, умножающий скорбь.

Короче, по-моему, фильм хороший. Тем более, что демонстрирует уровень профессионализма, забытый уже в нашем многострадальном кино.

Саша КИСЕЛЕВ

**ПОЛУОСТРОВ КРЫМ
НА ОСТРОВЕ "СФЕРА"**

**"ОСТРОВ КРЫМ"
Театр "Сфера",
реж. Е. Еланская**

В моем любимом театре — очередная неудача. Соткавшись словно из призраков сада "Эрмитаж" на самом излете застоя, театр "Сфера" привлек московскую привередливую интеллигенцию изысканностью, музыкальностью, почти богемностью... Увы, сегодня театр теряет свою публику — цепляясь за модные имена, он

преобразует их в холодные инсценировки. Булгаков, Ионеско, "Лолита", "Доктор Живаго", теперь вот "Остров Крым"... Аксенов театрален (см. "Бочкотару" у Табакова), актеры собрались самые лучшие, а спектакля нет. Есть полчасовое чтение статьи Лучникова о Сталине. Есть песни Юза Алешковского. Есть робкий секс. Есть очень много полковников сергеевых, но совсем мало лучниковых. Есть претензия на эпопею, еще бы целых четыре часа! Но фантазмагорический остров Крым превратился в полуостров, а одна из самых печальных историй в современной русской литературе в робкий намек на то, как плохо заключать союзный договор...

Николай МАЛИНИН

**СТЕБАЙТЕ, РЕБЯТА,
ВЫ...**

**"ТЕАТРАЛЬНЫЙ ГУДОК"
Газета Всероссийского
Объединения
"Творческие
мастерские", главный
организатор О. Лернер,
ответственный за номер
Ю. Аптер**

Сначала хотел дописать в заголовок слово "талантливый", но поостерегся, ибо с ранней юности предпочитаю с этим ярлыком не связываться. Даже в шутку. Пусть уж время, история и грядущие поколения лепят его, кому посчитают нужным. Потом решил "талантливый" заменить на "молоды", но опять же вовремя сообразил, зная кой-кого из создателей газеты лично, что обидится. И правильно сделали — ведь молодость кончается, когда на "детям до шестнадцати" пускать начинают, а тут люди уже в театр ходят самостоятельно и без принуждения. Значит, зрелостью попа-

хивает, если не сказать хуже. А если еще и пишут о нем...

Нет, когда "Театральный гудок" излагает мудреные манифесты и размышлизмы творцов, тут я — пас. Не ташусь или, по-гудковски, не врубаюсь. Даже как бывший театровед. Очевидно, в театр, как в ту греческую речку, нельзя войти дважды. А вот когда "гудковый" ТАСС (Тимашева, Аптер, Сасим, Соколянский) светскую хронику совтеатра стебает — это смешно, это остро, это вкусно, а главное, понятно даже бывшему театроведу. Или когда тот же Ю. Аптер моего любименького Говорухина "в жанре пасквиля" обижает — тоже в жилу.

Одним словом, стебайте, ребята, пока бумага, полиграфические мощности и вы сами в стране есть. А дальше как президент на душу положит и как читатели читать будут.

Петр СМЕРНОВ

**ШВЕЙК С ПЯТЫМ
ПУНКТОМ**

**"ПОПУГАЙ, ГОВОРЯЩИЙ НА
ИДИШ"
СССР — ФРГ,
реж. Э. Севела**

После долгого отсутствия на своей неисторической родине Эфраим Севела снял в СССР фильм о похождениях польского еврея с начала второй мировой войны до конца войны в Индокитае. Впрочем, Янкель Лапидус не из тех, кто играет судьбой, а из тех, кем играет она. Нескладный и неспособный убить даже курицу, он становится солдатом, которого эта самая судьба перерасывает из Польши в Россию (в лагерь), из России в Египет, из Египта во Вьетнам, оттуда в Россию (опять в лагерь) и, наконец, домой, в Польшу, к маме. Но ее, как выясняется, давно нет в живых, как и шести миллионов других евреев — жертв нацистского геноцида.

Этот невеселый сюжет становится источником юмора благодаря тому, что герой, совершенно негодный к военной службе, по нелепому стечению обстоятельств получает орден за орден и, выбравшись из одних немислимых си-

туаций, немедленно попадает в другие. Нескладный простак Янкель тем более напоминает бравого простака Швейка, что за ним подозрительно приглядывает капрал Заремба — некое подобие подпоручика Дуба. Но в отличие от Гашека Севела не сатирик, а, скорее, лирик, и его отделяет от героя куда меньшая дистанция. Интонация фильма лишена лукавства и даже наива. Из чего напрашивается вывод, что автор фильма — постаревший Янкель. Картина должна быть привлекательна для интеллигентной публики и аудитории, где преобладают иудей, не слишком гордые воинственным духом нынешних израильтян.

Виктор МАТИЗЕН

"СИМВОЛИЗМ В РОССИИ"

Выставочный зал Фонда культуры

В особнячке Фонда культуры на улице К. Маркса, 15 расположилось искусство, не отторгнутое от изящности и тесно породненное с литературой, — сплошные иллюстрации к Блоку с Соловьевым (В.С.). Имеет смысл наконец расслабить напряженные новейшим модернизмом глаза, понезжить оптику на мякине изящности. Пусть твердят злорядители: символизм-де, в живописи, он же модерн, мстит прямую дорогу в последующие inferнальные безобразия искусства XX века; за модерном-де модернизм следует, как следствие за причиной, как оскомина за избитостью. Но все же хочется вспять к безоблачному утру, в сонное царство — любим мы модерн. Весь он мягкий, в задушевном роде, задумчивость — его характерная мина.

Быть может, этой природной мягкости следует приписать отсутствие на выставке так называемых "гвоздей". Впрочем, был единственный "гвоздь" — немного метафизический и относящийся к общему впечатлению от выставки. Опишу поподробней: на его увертливой шляпке порой здорово бликует какая-то мешанственность, в позе "гвоздя" — что-то от фильмовой актрисы, бьющей на сильные эффекты деланным

мистическим прищуром. Как-то даже Врубель не смотрелся по ходу этой индийской картины. Радовали разве крошечные акварели трагического Сомова, да две вещи циничного Григорьева, да висящий где-то в углу Борисов-Мусатов, оттесненный туда и при жизни нахрапистыми эпитонами.

У зрителя, выставку не посещавшего, может сложиться мнение, что она плохая. Отнюдь нет. Она хороша и тем, что на ней собраны мало доселе виданные вещицы из частных коллекций, она хорошо информирует, а главное — успевает как очаровать, так и разочаровать (последнее для настоящего ценителя искусства не менее ценный опыт).

Хотелось бы даже, чтобы выставка эта как некое культурное явление существовала в качестве постоянной экспозиции. Нам нужно нечто подобное, раз у нас нет, как на Западе, "представительств" модерна в виде сотен антикварных лавочек.

Глеб СМЕРНОВ

ЦАРСКИЕ АНЕКДОТЫ

"ВЕЛИКАЯ ЕКАТЕРИНА"
Театр "Вернисаж",
реж. Н. Бритаева

Если вы одинаково устали от политического театра, авангардистских новаций и раздетых тел на сцене, непременно сходите в театр "Вернисаж"! Ничего этого здесь нет. Натэлла Бритаева поставила малоизвестную у нас пьесу Б.Шоу в жанре, соединившем в себе анекдот и рождественскую сказку. История молодого английского офицера, приглашенного Екатерине, но не пожелавшего стать очередным фаворитом стареющей русской императрицы, ра-

зыгрывается вполне в духе Шоу, считавшего российских царей и их придворных "сентиментальными комедиантами, которые исполняли свои роли как актеры-эксцентрики". Тут все не всерьез, но не настолько, чтобы актеры стали заискивать перед зрителями. Все подвижно и толкает к импровизации, но настолько, что чувство стиля не теряется на протяжении всего вечера. Камертон этого стиля — великолепная Елена Королева — Екатерина. Непринужденность — вот, пожалуй, то почти потерянное сегодня театром такого жанра (да и вне театра тоже) качество, которое привлекает в спектакле.

Сохранить легкость восприятия помогает "домашняя" обстановка театра и атмосфера кинокафе, где играет спектакль, — зрители следят за действием, расположившись на мягких диванах вокруг столиков с кофе и пирожными. И это не мешает, а только лишний раз доказывает, что театр и развлечение совместимы не только на уровне пошлости и дурновкусия.

Роман ДОЛЖАНСКИЙ

P.S.: ВИДЕО

Ведет Андрей Гаврилов

ЭХ, ЭДДИ, ЭДДИ...

«Еще 48 часов»
США, реж. У. Хилл

Лучшее в этом фильме — название. Уже порядком поднадоели "Роки-4", "Рэмбо-28" и "Кожмар на улице Вязов — 136".

Увы, боюсь, на этом похвалы в адрес создателей картины заканчиваются. Дурацкий сюжет, не Бог весть какие трюки, нелепые реплики и натужный юмор делают эту ленту жалким подобием тех, старых, "48 часов", которые вышли на экран 7 лет назад. Кстати, авторы фильма так и не смогли толком объяснить нам, почему герой Эдди Мерфи вместо положенных по сценарию первой серии двух лет отсидел за решеткой все семь. Туманные намеки, которыми иногда перебрасываются по этому поводу герои, ничуть не проясняют ситуацию.

УБИТЬ МУЖА!

"ВОЙНА РОЗОВ"
США, реж. Д. Де Вито

Когда Глен Клоуз сыграла в фильме "Роковое влечение" очень плохую женщину, не понимавшую, что двое суток в постели с мужиком — это еще не повод для знакомства, разрушительницу домашнего очага и вообще стерву, она неожиданно для себя стала для среднего американца олицетворением всего самого худшего, что может быть в прекрасной половине человечества. Знать это необходимо, чтобы понять текст одного из рекламных плакатов к "Войне Розов": "По сравнению с Катлин Тернер Глен Клоуз — просто милашка". В один прекрасный момент Барбара Роз (героиня К.Тернер) понимает, что, судя по всему, без мужа она будет счастливее. Поэтому она предлагает ему развод и просит убраться подальше, оставив ей роскошный трехэтажный дом со всем содержимым. Когда муж не соглашается, начинается настоящая война.

Де Вито считает, что он снял "черную комедию". Видел бы он наши разводы!

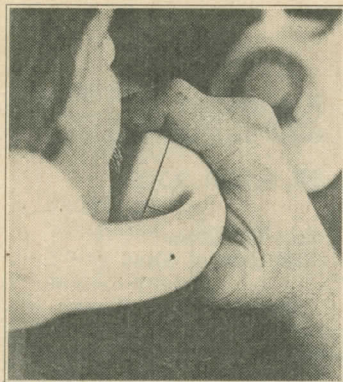

фото Ю. Штукина

ПОСТСКРИПТУМ

Юрий
ДОМБРОВСКИЙ

ДА БУДЕТ ИЗВЕСТНО И ДА БУДЕТ НЕПОВАДНО

Дорогой друг,

когда я подошел к тебе в Доме литераторов со словами «Ты написал похвальное слово о книге автора, который меня посадил», ты был, конечно, смущен, потрясен и даже немного перепуган. Прости меня, дорогой, может быть, мне не надо было делать этого, т. е. в той форме, в тот момент, при тех людях. Конечно, мы с тобой их хорошо знаем, это даже в какой-то степени близкие нам люди — наши редакторы — значит, те, с кем

Письмо, публикуемое нами сегодня, далеко выходит за рамки частного послания. Неудивительно, что оно широко и быстро распространилось по каналам «самиздата», было напечатано в русской прессе на Западе вскоре после его написания в 1973 году.

В истории нашей литературы, в контексте русского вольномыслия XX столетия это послание занимает заметное и важное место. И дело не в том, что случай, описанный Юрием Домбровским, сыграл роковую роль в его судьбе. Письмо Сергею Антонову расценивалось современниками не как запоздалая жалоба или месть провокатору и «стукачу», но как факт, нуждающийся в общественном осознании, как предупреждение о возможной реставрации сталинизма, которой в те годы усиленно занималась официальная идеология при поддержке небескорыстных «добровольцев». Это письмо актуально и сегодня — когда вновь объявляют о своей монополии на патриотизм и нравственное учительство те, кто некогда сделал все, чтоб извратить и предать поруганию и нравственные законы, и истинную любовь к Отечеству...

По свидетельству адресата письма — С. П. Антонова, Домбровский оговорил себе право показывать его кому пожелает. На одном из экземпляров, опубликованном в эмигрантской печати, есть приписка, в которой автор адресует свое частное письмо «всем честным людям».

Письмо Сергею Антонову

мы работаем, но все-таки к нашему разговору они люди сторонние. Так что ты меня действительно прости. Просто сдали нервы. Во всем же остальном я прав, прав железно и буду настаивать на этом. Не смели тебе подсовывать эту самую книгу! Не надо было тебе писать то, что ты написал. А самое-то главное — не смеет Ирина Ивановна Стрелкова писать о морали и учить нравственности. «Облик нового советского человека» — сколько раз мы слышали эту железную формулу, тему для диссертаций и брошюр, и именно поэтому всегда бежим мимо нее. Сло-

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ ПИСЬМА И ЕГО ГЕРОИНЕ

Ю. И. ДОМБРОВСКИЙ (1909—1978) издал при своей жизни пять книг: «Державин» (1939), «Обезьяна приходит за своим черепом» (1959), «Хранитель древностей» (1966), «Смутная леди» (1969), «Факел» (1974). Роман «Факультет ненужных вещей» и замечательные стихи Домбровского увидели свет только после его смерти.

Юрий Иосифович Домбровский провел в ссылках, лагерях и тюрьмах в общей сложности около четверти века.

И. И. СТРЕЛКОВА — член СП с 1963 г., член КПСС с 1964 г., прозаик, критик, председатель правления Московского отделения Литфонда, член редколлегии журнала «Наш современник», лауреат конкурса на лучшее произведение для детей (1977), премии МВД (1982), премии «Нашего современника» (1989).

Ирина Ивановна Стрелкова — автор свыше 25 книг с переизданиями.

В последние годы регулярно выступает как публицист-моралист в газете «Литературная Россия».

ва, слова и слова! Один придумал, тысячи повторили, и все ладно, — а я сейчас подумал: да и что же за облик, над которым так рьяно работает Ирина Ивановна? На кого этот новый человек должен быть похож? Как ни верти, а тут дальше и выше самой Стрелковой не прыгнешь. «Се предел, его не перейдеш». Страшное дело! Действительно, есть делать жизнь с кого!

А теперь по существу. Когда я в 1943 году освободился из лагеря, то как-то сразу ослеп, оглох и одурел от впечатлений. За те четыре года, что я пробыл под вышками, мир

стал совершенно иным. Куда ярче, богаче, осмысленнее. Несмотря на страшную войну, голод, лишения, неразбериху, бесквартирье — Алма-Ата жила так пышно, как она вряд ли будет жить еще! Ну как же! Там снимался «Иван Грозный», и там жили Эйзенштейн, Рошаль, Зошенко, Паустовский, Маршак, Шкловский. Называю первые попавшиеся имена. Но их, конечно, было много больше. Мне эти люди и дела их были совершенно недоступны. Я никого не знал и ходил на костылях (я почти два года пролежал без ног сначала в лагере, а потом в клинике. Меня и из лагеря выбросили как балласт — благо даже по тем временам за мной ничего серьезного не числилось. Я был посажен за пропаганду расовой теории, т. е. за то, что написал антирасистский и антифашистский роман «Обезьяна приходит за своим черепом» («Сов. писатель», 1959 г.). «От него не отказался бы и сам фашиствующий Сартр», — написали о рукописи (!) в «Каз. правде» за десять дней до моей посадки. А через десять лет я там же прочел с большим удовольствием: «Фашистские молодчики разгромили дом прогрессивного писателя Сартра». Вот так! Словом, за всем тем, что происходило, я наблюдал как сторонний прохожий. А жил я тогда в доме — огромном общежитии, бывшей гостинице, где друзья каким-то образом выкроили мне номер. Там разместили киношников, а я что-то делал для киностудии. Вот тут я и встретился со Стрелковой. Она как-то молниеносно появилась в нашей жизни, т. е. очень скоропалительно вышла замуж за моего товарища Алешу Брагина. У того уже была жена и две дочки (он и сейчас живет с ними) — но не то жена его бросила, не то он ее, словом, не знаю, что уж там вышло, — но вдруг в нашем общежитии появилась эта очень энергичная пробойная молодая белолазная женщина. Она была умна, остроумна, с ней было интересно разговаривать, и эта встреча, как ни смешно звучат эти слова ныне, была светлым лучом в моем темном и темном мире. Я часами мог разговаривать с ней. Она очень много знала такого, о чем я не имел понятия. У нее были прекрасные книги, и самое главное — у нее был Хемингуэй. Первое отдельное издание его, небольшой томик — 36 рассказов и «Пятая колонна». (За год до моей гражданской смерти в «Иностранной литературе», как я сейчас установил, был, правда, напечатан его роман «Иметь или не иметь», но он как-то совсем прошел мимо меня. В это время журнал «Литературный Казахстан» собирался печатать моего «Хранителя древностей», объявил об этом, и я страшно много работал. Он — этот роман — пропал, как и все, что я тогда делал и писал, — и в 60-х годах я написал его сызнова и по-новому.)

Так вот, от Стрелковой я впервые получил Хемингуэя. Я прочел его залпом ночью и в семь утра, огуленный, сбитый с толку, словно увидевший новый свет, прибежал к ней. Я понял, что все, что я писал дотопе, никуда не годится, мои герои страшно много говорят, вернее, не говорят, а выговариваются, я толкую их на какие-то странные авантюры, и

все это, конечно, для нагнетания интереса — а в результате получается страшное утомление — меня, читателя, моих героев, самой ткани вещи. А писать надо так, как написаны вот эти новеллы, — просто, ясно, коротко. И не надо никогда ничему учить читателя, что-то ему там растолковывать. Он умный, он сам поймет. Со всем этим я пришел к Ирине Ивановне. И она меня поняла и объяснила страшно важную вещь — что Хемингуэй открыл в литературе то, что давным-давно знали актеры, — подтекст. И таким образом чуть не впервые сумел создать образ неинтеллектуального героя. Это было так! Это было воистину так! — я слушал, разинув рот. Я что-то страшно много начал прозреть после этой книги, после ночи, проведенной над ней, и нашего утреннего разговора. Я и до сих пор считаю это одним из самых важных разговоров в моей жизни. А дальше пошло то так, то эдак. Брагин много пил, иногда где-то пропадал чуть не по суткам, и брак разладился, Брагин вернулся к прежней жене. На наших отношениях это хоть и косвенно, но не могло не сказаться. Тут, предвидя твой вопрос, я могу сказать, что с Брагиним я не пил и компаний не водил, одно постороннее обстоятельство сделало это просто невозможным (но об этом, если хочешь, лично). Так что к распаду их брака я никакого отношения не имел и даже причин его не знаю. Ирина Ивановна уехала из гостиницы — у нее были мать и, кажется, отчим, — и мы перестали встречаться в домах. Но отношения все время были теплыми, приятельскими. «Здравствуйте, классик!» — приветствовала она меня на улице или в Союзе писателей. «Здравствуйте, лывица!» — отвечал я ей, мы смеялись и расходились. Так продолжалось до 1949 года, а в 1949 году меня посадили. Следователь мой, курносая, тупая скотина, безграмотный, как дамский парикмахер в совхозе, путал континент с контингентом и кричал на меня за то, что я ему рассказываю «дективные романы». Тем не менее залупал он меня здорово.

И сделал это, надо сказать, со своеобразным следовательским блеском.

Он обвинил меня в антипатриотизме, космополитизме и пораженчестве. Помню, я сначала только рассмеялся ему в лицо — откуда же пораженчество? А потом понял, что это далеко не смешно. Следователь взял протокол допроса свидетеля и прочел мне, что я якобы утверждал, будто скоро Советский Союз будет воевать с США и потерпит поражение. Как же так? Ведь мы только что наголову разбили Гитлера! А! Нет! Немцы были болваны, они выжигали деревни, устраивали Освенцимы, газовые камеры, морили пленных голодом. Американцы поступают иначе: они будут кормить пленят шоколадом и стелить им белоснежные простыни. «И значит, все пойдут в плен? — напористо, уже на очной ставке спрашивал следователь. — И война будет проиграна? Советской власти не будет? Так?» «Выводы делайте сами», — тупо и понуро отвечал свидетель. Следователь делал их, и получалось — пораженчество. Я ничего не мог поделать с этой идиотской

историей. Она только сначала казалась мне хохмой, а потом я понял, что в руках следователя (того следователя, в том году! И для такого подследственного, как я, — у меня сейчас три реабилитации!) — это страшное оружие. Вся беда в том, что о войне с США, о чистых простынях и шоколаде я действительно говорил. Вернее, писал об этом.

В том романе, над которым я тогда работал, один мой отрицательный герой говорит: «Мы не повторим ошибки Гитлера, мы наших пленных будем кормить эрзац-шоколадом и уложим их спать на чистые простыни. Но жить они у нас долго не будут. Почему? Не знаю, право, но мне так кажется». Этот кусок я читал одному моему другу, и он, на горе, вспомнил его, а следователь, записывая, опустил всякое упоминание о романе, и получилось — это говорит Домбровский сам от себя. Что мне оставалось делать? Ссылаться на рукопись? Да, она — первая часть романа «Дрогнувшая ночь» — лежала у следователя на столе, и он мне показывал ее, но ведь совершенно же ясно, что при первой же ссылке на нее она исчезнет. Она ведь не была занесена ни в какую опись, ибо ее даже не дома взяли, а просто кто-то принес. Взял у меня читатель и держал, пока меня забрали, а там я ее увидел у следователя. И так, я ясно понимал бесплодность любой ссылки на рукопись. И решил правильно. О рукописи надо молчать. Я и молчал до тех пор, пока меня освободили. Рукопись сохранилась, была мне возвращена и потребовалась мне для реабилитации. Вот тогда моя ссылка на нее сыграла самую решающую роль. Рукопись эта сейчас существует. Это безнадежно плохая вещь. Такая плохая, что я ее подарил одному собирателю рукописей и очень рад. Сжечь — рука не поднималась, а хранить у себя было просто неприятно. И так, этот пункт (пораженчество) у следователя был зафиксирован. Я объяснял на очной ставке с товарищем, в каком это смысле говорится, но ведь ты знаешь, что такое очные ставки того времени. Товарищ, насмерть перепуганный, красный, мокрый, ерзал на стуле, на меня не смотрел и бормотал что-то невнятное, а следователь писал и писал, спокойно и не торопясь, все, что ему было нужно. Я отказался от подписи. Но что значил мой отказ? Я был накрепко обречен, это понимали все. Понимал и товарищ. Несчастный! Не хочу поминать его имя. В одной книге коротенько описана наша последняя встреча с ним в 1958 году. Он погиб вскоре после нее (застрелился из охотничьего ружья — снял запог и пальцем ноги спустил курок). И так, пораженчество доказывалось одним показанием и одной очной ставкой. Для антипатриотизма понадобились другие показания и другая очная ставка. И мне ее дали!

Однажды меня привели утром, и я увидел Стрелкову! Честное слово, это было самое удивительное за эти три месяца. Я обалдел и не понимал — она-то тут при чем? Я смотрел на нее как баран на новые ворота. «Рот-то закрой!» — усмехнулся следователь. «В каких отношениях вы со свидетельницей?»

Я пролетел, что в нормальных. «Так, — сказал он, — а теперь, Ирина Ивановна, расскажите нам о Домбровском».

Она не краснела, не потела, не ерзала по креслу. С великолепной дикцией, холодным, стальным, отработанным голосом диктора она сказала:

— Я знаю Юрия Осиповича как антисоветского человека. Он ненавидит все наше, советское, русское и восхищается всем западным, особенно американским.

Нет, никак не могу передать тебе, что я почувствовал в ту минуту. Наверное, то же, что почувствовал бы ты, если бы я, идя вчера с тобой по улице, вдруг схватил бы тебя за руку и заорал: «Держите его, он вытащил у меня кошелек и сейчас выбросил его за забор! А вчера на моих глазах изнасиловал девочку!» Вот что-то подобное я пережил тогда.

— А подробнее, Ирина Ивановна, вы мне сказать не можете? — спросил тихо улыбающийся следователь. Он любил и уважал чистую работу. Стиль Стрелковой ему imponировал.

— Ну, вот он восхвалял, например, певца американского империализма Хемингуэя (тогда все запретное, как ты помнишь, не хвалили, а восхваляли). Он говорит, что все советские писатели ему в подметки не годятся.

— А что он вообще говорит про советских писателей? — прищурился следователь и лукаво посмотрел на меня.

— Домбровский говорит, настоящие писатели либо перебиты, либо сидят в лагерях. На воле никого из них не осталось.

Боже мой! Были у меня с ней разговоры о лагерях, были! Говорили мы и о писателях в лагерях. Она расспрашивала жадно, неутомя, с сочувствием, трогательным для такого холодного человека. И я говорил. Я рассказывал, как встречался с О. Мандельштамом, как видел умирающего Бруно Ясенского, о том, как погиб, простудившись, поэт Князев, о том, как сошел с ума и умер в больнице инвалидного пункта на Колыме (23 км) Дм. Мирский, о моем разговоре с Переверзевым на пересылке. Много о чем я тогда ей рассказывал, но какое это имело отношение к Пастернаку, Зощенко, Платонову (он тогда еще был жив), Ахматовой, к Ю. Олеше? Нет, конечно, никаких параллелей и сравнений я не проводил и выводов не делал, я просто рассказывал — и все.

— Бог с вами, Ирина, — сказал я, — вы же отлично знаете, что я никогда в разговорах с вами не касался советской литературы, а Хемингуэя вы же сами мне дали.

— Ничего подобного, — холодно отрезала она, не моргнув и не замешкавшись, — вы говорите неправду.

О, как она прекрасно держалась в этой проклятой комнате!

— Ничего я вам не давала! Да! Я отлично помню, как Домбровский сопоставлял тех и этих, погибших и живущих на воле. Да-да, вы сопоставляли!

— А как он вообще относится к русской литературе? Ну, к Тургеневу, к Толстому? — продолжал интересоваться следователь. У

него все шло, как надо, и он был добр, снисходителен и вежлив.

— Отвратительно, — выговорила Стрелкова, — он однажды так сказал скверно о Тургеневе, что мне даже стало неприятно. Я повернулась и ушла от него и потом сказала в одном обществе, что теперь понятно, для чего это говорилось!

Теперь — и это после кампании космополитизма! Я ведь застал только самое начало ее. Весь пышный и красочный разворот — собрания, покаяния, осуждение, шум и визги и «жалкий лепет оправданий» проходили уже без меня.

Так вот оно в чем дело, понял я, она сама написала в свидетели, ее не притаскивали за руку, как того несчастного запуганного, который ерзал в углу, не зная куда себя деть. Нет, она пришла сама. На кой дьявол ей это потребовалось? Я и до сих пор, дорогой, этого не знаю! Но зачем-то, очевидно, потребовалось, и она подала заявку на мою голову. Помню, тогда я подумал: «Как держится! Как сидит! Да! Эту бы никакой детектор лжи не взял бы, здесь у нее все крепко».

— Так что же такое я сказал о Тургеневе? — спросил я просто из одного интереса. Она даже не стала ничего выдумывать. (Тургенев один из самых любимых моих писателей, и тут уж выдумывать просто пришлось бы.) Ведь от нее уже ничего не требовалось, кроме вот этих безличных и железных формул — «восхвалял», «опошлял», «дискредитировал», «клеветал».

— Не знаю, — сказала она небрежно, — но что-то очень и очень скверное.

— Подпишите протокол, Ирина Ивановна, — подошел к ней следователь. Она подписала. Я подписать отказался. После этого меня — руки назад! — отвели. Они остались. Мой следователь любил интеллектуальные беседы.

Вот и все, дорогой. Ее имя было первым в списках свидетелей, но на суд, на заседание облсуда (сначала под пред. Некрасовой, потом — Нарбаева) она не пришла ни первый, ни второй раз, просто прислала справку, что она в декрете. Сейчас она пишет книги и учит ребят морали. Она очень моральный, даже ригорический писатель. Не буду говорить о достоинстве или недостатках этих книг. Тут я могу быть сто раз неправ. Возмущение и омерзение — плохие советчики. Раз ты хвалишь ее рассказы, значит, они тебе понравились. Я же считаю, что совесть — орудие произведения писателя. Нет ее — и ничего нет. «Но», — скажешь ты, и я знаю, что следует за этим «но». Первое «но» — хорошо, это все, положим, было. Но что же ты все-таки хочешь сейчас? Чтобы ей запретили печататься? Или писать? Мы этого не можем. Да, честное слово, я и не хочу этого! Пусть печатают, если кому-то эта правда нравится. Пусть пишет на здоровье. Но... страна должна знать своих моралистов! И довольно с нас одного такого доктора литературоведения, специалиста по марксистской эстетике и этике. Вполне, за глаза довольно нам его одного!

А промолчать я по-честному не могу. Во имя этой же нашей страны. Во имя того знания, которое я пронес незапятнанным через самые страшные испытания.

Тут одно прямое обращение к тебе, очень личное. Ты был солдатом, я был каторжник, но каждый из нас был на своем месте. Когда тебе, инженеру-мостовику, показался нелепым один приказ, ты его не выполнил и пошел на расстрел. Я помню этот твой рассказ. «Пришел мой товарищ и сказал так весело, добродушно: «А утром тебя расстреляют! Выпить хочешь?» «А я, — сказал ты, — был просто зол — и все! Я же их, дураков, спасаю, а они в меня стрелять будут. Ну что за идиотство!» Тебя не расстреляли, потому что через несколько часов твой прогноз стал осязаемой действительностью (нельзя было на этом грунте строить мост, он рухнул бы с первой оттепелью, оттепель, к счастью, наступила раньше, чем в тебя пустили пулю). Я помню этот рассказ, потому что неоднократно переживал что-то подобное. Так вот, как и у тебя тогда, — ни капли мести или ожесточения не осталось у меня на душе. Нет. Не хочу мстить и не мщу. Но да будет известно и да будет неповадно! Это главное! Без этого невозможно! Без этого мы с тобой не писатели, а балаганные зазывалы! Несчастный мой товарищ застрелился, и, видит Бог, как я его жалею! Эта же будет писать высокоморальные книги, и я ее не жалею. Большие нравоучительные книги для всех возрастов будет писать она. И для нашего с тобой тоже, только для нас — с психологией и проблемами. Ну и пусть себе пишет. Но и я о ней напишу. Это не только мое право, но, пожалуй, и долг. Вот так, дорогой.

Прости, что вышло не вполне складно, но как вылилось, так и вылилось, тут уж не до слога. А за каждое слово, я, понятно, отвечаю своей головой, стоит только поднять и посмотреть судебное дело.

Обнимаю тебя. Юрий.

И одно маленькое курьезное примечание. Пишу его в постскриптуме, потому что прямо к делу оно не относится. Когда-то в 1958 году я приехал в Алма-Ату, и один друг мой спросил меня: «А Брагин против тебя показывал?» Я сказал, что нет, никаких его следов в этом деле нет.

— А знаешь почему, — улыбнулся товарищ, — его бывшая жена сказала ему, что если он будет на тебя что-то показывать, то она на него такое покажет! Вот и он испугался. И не пошел в свидетели.

— Слушай, — обомлел я, — какая бывшая жена? Это Стрелкова что ли?

— Ну да, она, Ирина.

Товарищ мой сиял, он был добрый человек, и ему было приятно похвастать хорошим поступком другого доброго человека. Да еще женщины. Кто распускал эти слухи? Для чего? По-моему, я знаю кто и для чего. Но я остался жив — вот беда-то! А на суд, повторяю, она не пришла — там бы ее видели, конечно, многие, а к чему ей это было?

Ну вот теперь уж действительно — все.

Юрий ДОМБРОВСКИЙ

Игорь КОН

Действительный член Академии педагогических наук СССР

НАДО ЛИ БОЯТЬСЯ ПОРНО- ГРАФИИ?

Рис. К. Валова

АНГЛИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ Д. Г. ЛОУРЕНС, АВТОР ЗНАМЕНИТОГО РОМАНА «ЛЮБОВНИК ЛЕДИ ЧАТТЕРЛИ», КАК-ТО ЗАЯВИЛ: «ВСЯ ПРОБЛЕМА ПОРНОГРАФИИ, КАК МНЕ КАЖЕТСЯ, СВОДИТСЯ К ФИГУРЕ УМОЛЧАНИЯ. БЫЛА БЫ ГЛАСНОСТЬ — НЕ СТАЛО БЫ ПОРНОГРАФИИ».

НУ ВОТ И МЫ ВСТУПИЛИ В ПОРУ ГЛАСНОСТИ, НО РАЗГОВОРЫ, А ПОДЧАС И ЯРОСТНЫЕ СПОРЫ О СЕКСЕ, ЭРОТИКЕ, ПОРНОГРАФИИ, УВЫ, НЕ УТИХАЮТ. ЧИТАЯ ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ, МОЖНО ПОДУ-

МАТЬ, ЧТО РАЗВАЛ ЭКОНОМИКИ, ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, КРОВАВЫЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ РАСПРИ НЕ ТАК ОПАСНЫ ДЛЯ НАШЕЙ СТРАНЫ, КАК ПОЯВЛЕНИЕ НА ЭКРАНАХ «МАЛЕНЬКОЙ ВЕРЫ» И ТОТ ФАКТ, ЧТО ПОДРОСТКИ ДОРВАЛИСЬ ДО ЭРОТИЧЕСКИХ И ДАЖЕ, СТРАШНО СКАЗАТЬ, ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ ВИДЕОФИЛЬМОВ. ЧЕГО ЖЕ МЫ, СОБСТВЕННО, БОИМСЯ? ПОПРОБУЕМ РАЗОБРАТЬСЯ В ЭТОМ ВОПРОСЕ СПОКОЙНО, ОПИРАЯСЬ НЕ НА ЭМОЦИИ, А НА ДАННЫЕ НАУКИ.

С ЛОВО «ЭРОТИКА» многозначно. В одном контексте оно употребляется как синоним сексуальности, так что говорят о сексуально-эротических переживаниях, в другом противопоставляется ей: как культурное начало — природно-физиологическому. В третьем контексте она выступает как синоним творчества. Давайте для начала оставим в покое дефиниции, а рассмотрим суть.

Эротическое воображение — неотъемлемый и очень важный элемент человеческой сексуальности, а следовательно — и культуры. С древнейших времен люди создавали про-

изведения, которые стимулировали, разжигали и поддерживали их чувственность. Эротическое искусство, по определению американского писателя Генри Миллера, «это все, что возбуждает нас, усиливает страсть, вызывает вожделение». Народа, который не имел бы каких-то форм эротического искусства, никогда не было, нет и быть не может.

Особенности эротического искусства любой эпохи зависят от сексуальной и, что гораздо важнее, общей религиозно-философской и художественной культуры общества. Поскольку эта сфера жизни столь же

важна, сколь и интимна, ее изображение всегда вызывает сильные эмоции, и в истории культуры постоянно шли споры о том, что и как можно показывать и изображать, а чего делать не следует.

В индивидуальном сознании таким регулятором выступает стыдливость. Часто говорят даже о «естественной стыдливости». Однако индивидуальная стыдливость всегда подразумевает какие-то социальные, культурные нормы пристойности, выраженные зачастую в нормах этикета. В одном обществе непристойно, скажем, выказывать открыто нежные чувства (например, мужчина не должен пла-

коть), в другом — табуируется нагота, демонстрация определенных частей тела.

Нормы пристойности весьма разнообразны и зависят от контекста проявлений. Так, правила повседневной жизни неодинаковы для разных конкретных ситуаций — в официальном представительстве, публичном поведении, дома у телевизора, на пляже, в постели и т. д. Кроме того, существуют нормы ритуального поведения. Например, средневековые европейцы обычно ходили одетыми, но были религиозные праздники, пережитки древних оргиастических обрядов, участники которых обнажались и шествовали голыми. Французский король совершал свой утренний туалет и одевание в присутствии придворных, нисколько не обращая на них внимания. Некоторые монархи даже послов принимали, сидя на горшке.

Еще одна категория норм — правила изображения тела и сексуальности. Нормы эти различны в разных видах искусства: в изобразительном искусстве — живописи, скульптуре, фотографии; в театре и кино, где человек показывается «живьем»; в литературе (проблема «грязных» слов и т. п.), музыке (музыка не относится к числу изобразительных искусств, но в свое время оперу Д. Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» обвиняли в вульгарном натурализме, изображении скрипа кровати). Известна и эстрадная музыка, где слышны тяжелое дыхание и крики экстаза.

Культурные запреты могут мотивироваться эстетически (красиво — некрасиво), этически (нравственно — безнравственно) или ссылками на правила этикета (прилично — неприлично). Но в конечном счете все зависит от того, как данная культура понимает допустимое соотношение духовного и телесного. Чем более «грязным» и «низменным» представляется тело, тем больше запретов на его изображение. А доводы найдутся всегда.

Оценка явления содержится уже в словах, которые мы выбираем для его описания. Казалось бы, какая разница, как назвать тело — «нагим» или «голым»? Ан нет. Образ *нагого* или *обнаженного* тела ассоциируется с чем-то благородным и красивым, а *голое* тело воспринимается как нечто физиологическое и неприличное.

То же и с эротикой. Н. А. Бердяев писал, что «эротическая энергия — вечный источник творчества. И эротическое соединение для творческого восхождения совершается. Так же неразрывно связана эротика с красотой. Эротическое потрясение — путь выявления красоты в мире». Вряд ли кто-нибудь станет спорить и со знаменитым балетмейстером Морисом Бежаром, утверждающим, что «эро-

тизм — это воля к отрицанию смерти, это утверждение жизни».

Нелепо, конечно, отрицать право художника изображать любые стороны и проявления человеческой жизни. В послесловии к американскому изданию «Лолиты» В. В. Набоков говорит о том, что «в свободной стране ни один настоящий писатель не должен, конечно, заботиться о поведении пограничной черты там, где кончается чувство и начинается чувственность». Противопоставляя эротическое искусство порнографии, Набоков подчеркивает, что последняя означает для него «бездарность, коммерческую прыть и строгое соблюдение клише», соединение непристойности с банальщиной и замену эстетической улады «простой половой стимуляцией, требующей применения общепринятых фраз для прямого воздействия на пациента».

Слово «порнография» (от древнегреческих слов «порнейя» — проституция и «графо» — пишу) — не научный, а общежитейский термин, обозначающий сексуально-возбуждающие непристойные рисунки, книги и фильмы. Различают «мягкое порно», которое сексуально возбуждает, но не содержит прямого изображения полового акта и половых органов, и «жесткое порно»; изображающее именно гениталии и половой акт.

Можно ли установить объективные различия между порнографией и эротическим искусством, которое тоже, без сомнения, обладает возбуждающими свойствами? В принципе, да. Дело не в предмете изображения (что?), а в его способе (как?). Приведу несколько таких различий.

ЭРОТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО, как и всякое искусство, воспринимается целостно, оно изображает человека во всем богатстве его переживаний. Порнография дискретно фиксирует внимание на «подробностях», отдельных моментах сексуальности, вырывая их из жизненного контекста и сводя сексуальность к половому акту и его технике.

Целостность эротического искусства, с точки зрения художника, в самооценности его творчества, открывающего новые грани человеческого мира. Порнография жестко функциональна, она может служить «пособием», вызывать сексуальное возбуждение, и только. Неповторимость и своеобразие эротического искусства противостоят стандартности ситуаций порно, лишенных личностного смысла. Опираясь стандартными клише, порнография бросает вызов обществу на условиях: необычные формы половой жизни сильнее возбуждают людей, а скандал гарантирует прибыль. Порнография — это всегда коммерция, стремящаяся к стандартности и массовости. Это — всегда не искусство, в лучшем случае — индустрия развлечений.

И последний критерий различия состоит в том, что эротическое искусство, гуманистичное и нравственное по сути, вызывает восхищение, возвышает человека. Порнография, отрицая нравственность, человека унижает. Чаще всего это продельвается с женщинами, которые изображаются в самом унизительном свете. Один из признаков порнографии — утрированно выраженная традиция мужского господства.

Все эти различия, можно сказать, достаточно фундаментальны. Но реальная оценка их относительна, она зависит от уровня культуры общества и, естественно, культурного развития человека, выступающего в роли оценщика. Император Август в свое время отправил в ссылку Овидия за «Искусство любви», а «Завтрак на траве» Эдуара Мане (обнаженная женщина среди одетых мужчин) казался многим его современникам абсолютно непристойным и безнравственным.

Восприятие и оценка большинством людей тех или иных фильмов, картин и книг (порнографических или непорнографических) зависит не столько от эстетических достоинств произведений, сколько от того, насколько сильно они расходятся с представлениями конкретного зрителя или читателя о дозволенном и недозволенном. Есть, правда, и некоторые статистически преобладающие мнения. Например, обнаженное мужское тело, как бы оно ни было прекрасно, смущает, а порой и возмущает людей значительно сильнее, чем тело женское. Огюст Ренуар, обожавший рисовать женскую натуру, избегал писать натурщиков-мужчин. Здесь, видимо, примешивается мистический страх перед гомосексуальностью...

Впрочем, интуитивные предубеждения индивидуальны. Подростки неприлично хихикают при рассказе о тычинках и пестиках, в котором для взрослого нет даже намека на эротику. Одни картинки, изображающие сексуальные позиции, нам нравятся, другие — вызывают раздражение и отвращение до тошноты. И по своей привычке судить обо всем по себе мы сразу же говорим, что это вообще гнусно, гадко, аморально и должно быть запрещено. Споры такого рода принципиально неустраимы. Но кто и как должен их разрешать?

В ЛЮБОМ СОВРЕМЕННОМ обществе существует более или менее развитая секс-индустрия. Скажем, американцы ежегодно расходуют на эротику (видеофильмы, книги, журналы, технику) от 4 до 6 миллиардов долларов. Производство подобных товаров чрезвычайно выгодно: порнографический видеофильм, производство которого обошлось в 24 тысячи долларов, принес за 5 лет 25 миллионов долларов прибыли.

При опросе в 1981 году читателей журнала «Сайкологджи тудэй» 92 процента мужчин и 72 процента женщин сказали, что пользуются порнографией для полового возбуждения. Вопреки распространенному мнению, в porno-шопах ходят вовсе не преступники и сексуальные маньяки, а нормальные, приличные и образованные люди. Самая большая группа покупателей — молодые мужчины.

Вместе с тем две трети американцев, опрошенных в середине 1980-х годов, заявили, что озабочены избытком порнографии, свыше половины — утверждали, что она несет вредные социальные и психологические последствия. Как объяснить это противоречие: смотрят, покупают и... осуждают?

Наиболее непримиримые противники порнографии как в США, так и в Западной Европе принадлежат к двум различным группам. Первая группа — многочисленные религиозные и иные консервативные организации. Они добиваются запрета порнографии, так как она безразлична, греховна и противоречит христианскому вероучению. Эти организации располагают большими материальными средствами и действуют весьма активно. Подчеркнем, что их крестовый поход направлен не только против порнографий, но и против эротики, а зачастую и против сексуального просвещения вообще.

Воинственно-непримиримое отношение к сексу — часть некоей, более общей идеологии. Среди ее носителей много женщин и пожилых, тех, кто теснее связан с догмами религии и более активно их пропагандирует. Многие из этих людей выросли в маленьких городах. У них ниже профессиональный и образовательный уровень; их взгляды на семью и сексуальность более традиционны. Они отличаются политической нетерпимостью и более благосклонны к цензуре, чаще других считают, что общество морально деградирует и находится под угрозой внешнего и внутреннего заговора.

У одних из этих людей подобные установки сформировались как следствие неудачного личного опыта, собственных сексуальных разочарований, у других — это просто лицемерие. Так был развенчан один их самых оголтелых американских телепроповедников, когда его уличили в связи с проституткой, а затем и в гомосексуализме.

Что касается пассажиров на сей счет политиков, то тут все ясно. Лозунги защиты семьи и нравственности всегда находят поддержку у населения. А играя на сексуальных страхах и предрассудках людей, легче всего скомпрометировать политического противника.

Превосходно вписывается в этот стереотип и идея «иностранного заго-

вора». В 1798 году один английский епископ красноречиво предостерегал британскую Палату лордов против гастролей французского балета: «Отчаявшись повлиять на нас силой оружия, французские правители теперь предприняли более тонкую и опасную атаку... пытаюсь осквернить и подорвать мораль нашей молодежи. Они послали к нам группу танцовщиц, которые с помощью самых непристойных поз и развратных театральных жестов вполне преуспели в том, чтобы ослабить и развратить нравы народа». В 1960-х годах абсолютно то же самое писал в своем романе «Чего же ты хочешь?» советский писатель Всеволод Кочетов, с той только разницей, что, по Кочетову, танцевально-подрывной деятельностью занимались не французские революционеры, а агенты ЦРУ.

Вторая влиятельная группа, ведущая поход против порнографии, — феминистское движение. Главный аргумент феминисток в том, что порнография и коммерческий эротизм унижают женщин, низводят их до положения пассивного сексуального объекта, оскорбляют их человеческое достоинство и даже прямо провоцируют сексуальное насилие.

В ЧЕМ ЖЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ вред порнографии? В психологии имеется три теории по этому вопросу. **Теория моделирования, или подражания**, утверждает, что зрелище эстетически привлекательных и эмоционально возбуждающих картин сексуального поведения вызывает стремление подражать им, способствует росту распространения такого поведения.

Теория катарсиса (катарсис — греческое слово, обозначающее эмоциональное потрясение, возникающее в процессе художественного восприятия и приводящее к внутреннему очищению), напротив, полагает, что эротические зрелища служат как бы предохранительным клапаном, позволяющим человеку разрядиться — избавиться от подавленных сексуальных влечений. Естественно, это уменьшает вероятность социальной неприемлемой реализации желаний.

И наконец, **нулевая теория**, согласно которой сексуальное поведение индивида индифферентно к эротическим материалам, они не стимулируют и не подавляют его. Сторонники этой теории считают, что поведение человека зависит прежде всего от «собственного сценария» и от внешних влияний вообще мало что зависит.

Многочисленные эмпирические исследования (массовые опросы, изучение опыта стран, в которых изменилось законодательство, экспериментальные исследования человеческих реакций на разные виды сексуальных стимулов) показали, что картина реальной жизни богаче и разнообраз-

нее каждой из этих теорий.

Прежде всего, выяснилась недостоверность представлений обыденного сознания: люди часто повторяют расхожие клише, не задумываясь о степени их обоснованности. Члены Президентской комиссии по непристойности и порнографии, созданной в США в 1970 году, провели опрос большой группы американцев. Вопросов было два: что думают опрошиваемые о влиянии порнографии на поведение и психику людей и встречались ли сами респонденты со случаями, которые им представляются реальными. Разрыв между предвзятой установкой и личным опытом оказался громадным. Так, 47% опрошенных мужчин и 51% женщин считали, что порнография побуждает людей совершать акты насилия; на собственном же опыте или опыте своих знакомых это смогли подтвердить лишь 10% мужчин и 8% женщин. В том, что порнография подрывает моральные устои, уверены 55% мужчин и 57% женщин, конкретными же фактами такого рода располагали лишь соответственно 15% и 12%.

Мнение специалистов по этим вопросам (социологов, психологов, людей, работающих с молодежью) оказалось гораздо более сдержанным. Из 799 специалистов по проблемам молодежи три четверти не считают «грязные книги» существенным фактором юношеской преступности. Из 3 423 психиатров и медицинских психологов на вопрос: «Встречались ли в вашей профессиональной практике случаи, когда бы порнография была причиной антисоциального поведения?» — отрицательно ответили 80%; уверены, что знают подобные случаи, — 7% и предполагают такую связь — 9%. С мнением, что «лица, употребляющие порнографию, больше других склонны участвовать в девiantном сексуальном поведении», не согласились 84% опрошенных. Подавляющее большинство специалистов по половому воспитанию сочли влияние эротических материалов на подростков безобидным, полагая, что они главным образом удовлетворяют «естественное любопытство».

Мнение указанных специалистов подтверждают многочисленные экспериментальные исследования, в ходе которых испытуемым демонстрировались разные эротические материалы, а затем фиксировались их физиологические и эмоциональные реакции. Выяснилось, что, хотя порнография действительно стимулирует работу воображения, вызывая половое возбуждение, лишь немногие пытаются воспроизвести увиденное, особенно если оно имеет садомазохистскую направленность. Кроме того, интерес к таким стимулам вообще быстро угасает.

Поучителен в этом отношении и опыт стран, в которых антипорногра-

фические законы были отменены. В Дании, после того как это сделали в 1967—1969 годах, количество изнасилований уменьшилось, число преступлений против детей снизилось на 85%, остальные виды половых преступлений не выросли. А вот спрос на порнографию вскоре на две трети упал. Теперь датчане производят ее главным образом на экспорт.

В японской эротике и порнографии (фильмы и книги) значительно сильнее, чем на Западе, представлена тема связывания и изнасилования. Казалось бы, распространение таких материалов должно увеличивать количество реальных изнасилований. На самом деле в Японии изнасилования случаются реже, чем в любой другой индустриальной стране. Не исключено, что подобные эротические материалы помогают японцам «разрядиться», исключить социально неприемлемые поступки в действительности. Или просто старые культурные запреты там более устойчивы?

Неоднозначные результаты дали опросы мужчин, осужденных за половые преступления, включая изнасилование, а также — для сравнения — тех, что попали в тюрьму за другие преступления. Для контроля брались и ответы случайных людей, не совершавших каких-либо противоправных действий. Результаты, как я уже сказал, были противоречивы. С одной стороны, известны случаи, когда люди совершали половое преступление, подражая тому, что они только что увидели на экране или в журнале. Имеются даже данные о том, что агрессивное сексуальное поведение коррелирует с более интенсивным потреблением порнографии. Однако совсем не обязательно существует обратная зависимость: многие насильники смотрели порнографических фильмов не больше, чем остальные люди. Больше того, значительная часть получила пуританское воспитание, и, как они выразились, их вообще больше вдохновляет реальная, чем воображаемая жизнь.

Не подтверждается и мнение о том, что распространение порнографии усугубляет социальное и психологическое неравенство полов. Историко-этнографические данные показывают, что наиболее терпимые, демократические общества, в которых меньше запретов на сексуальность, в гораздо большей степени признают равенство мужчин и женщин, чем те, где существует строгая половая мораль и много нормативных запретов.

Значит ли все это, что порнография вообще безвредна? Такой вывод был бы поспешным и легкомысленным. Вообще же мнения здесь по-прежнему разные, чаще всего — противоположные.

В 1986 году назначенная генеральным прокурором США новая Комис-

сия по порнографии решительно отвергла индифферентное заключение Президентской комиссии 1970 года и рекомендовала ужесточить антипорнографическое законодательство. Правда, состав новой комиссии был откровенно консервативным, ее заключения подверглись дружной и обоснованной критике специалистов. Серьезные исследователи отмечали, что эротические материалы, включая порнографию, оказывают сравнительно слабое и краткосрочное влияние на реальное сексуальное поведение. Сексуальный сценарий личности формируется не сразу, в его развитии есть какие-то, возможно, неизвестные нам критические периоды, после чего внешние воздействия уже не могут радикально изменить его. Если бы было иначе, это означало бы, что человеческая личность как устойчивая целостность вообще не существует или что сексуальность с ней не связана.

А что если воздействию, причем не кратковременному, а длительному, подвергается не сформировавшаяся устойчивая личность, а ребенок или подросток? Порнография не может быть синонимом полового просвещения, она изображает не сексуальность вообще, а преимущественно ее отчужденные, дегуманизированные, социально или морально осуждаемые формы. Изображая обычное сексуальное поведение, порнограф помещает его в какой-то необычный контекст (обстановка, мотивы и т. д.); если же обычный контекст, предлагается «необычное» поведение. Можно ли с уверенностью считать, что это ни на кого не окажет влияния? Наверное, все-таки нет. Хотя наши установки достаточно устойчивы, они поддаются и воздействию, и изменению. А это значит, что общество вправе и даже обязано защищать своих членов, особенно детей и подростков, от потенциально вредных или опасных воздействий.

ИЗВЕСТНЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ психолог Донн Бирн предложил трехступенчатую модель изменения сексуально-эротических установок и поведения личности под влиянием порнографии:

1) благодаря ознакомлению и снижению эмоциональной чувствительности отрицательная установка превращается в нейтральную или слегка положительную;

2) затем этот ранее неприемлемый образ действий проигрывается в воображении;

3) этот образ претворяется в поступки, поначалу экспериментальные, а потом и привычные.

Разумеется, такая последовательность событий не фатальна — и сами люди, и условия их жизни остаются разными, разными могут оказаться и установки. Но можно ли все пускать на самотек, если речь идет о разви-

тии таких опасных вещей, как педофилия, садизм или насилие? В атмосфере сексуальной сдержанности, когда люди остаются людьми, они сами контролируют и подавляют свои морально или социально неприемлемые наклонности. Если в их окружении все дозволено, многие этого делать уже не станут. Конечно, большинство людей, вероятно, не изменится ни при каких обстоятельствах, но ведь и 5-процентный прирост садизма стал бы для общества катастрофой.

Современные исследования воздействия сексуально-эротических материалов на личность значительно сложнее и прецизионнее прежних. В них, в соответствии с определенной программой, во-первых, уточняется характер стимула, в частности, содержит ли он апологию насилия. Во-вторых, определяется тип человека, на которого этот стимул воздействует, его прошлый сексуальный опыт и предпочтения. В-третьих, различаются и фиксируются краткосрочный и долгосрочный эффект такого воздействия. В-четвертых, уточняется психологическая и социальная сфера воздействия — идет ли речь только о сексуальном поведении или о чем-либо другом.

Группе студентов, предварительно классифицированных по их отношению к сексуальному насилию, зачитывали или показывали изображения разных эротических сцен, включая изнасилование. Физиологические реакции испытуемых при этом объективно фиксировались, а затем они должны были изложить собственные эротические фантазии. Оказалось, что уровень сексуального возбуждения испытуемых (сам по себе довольно высокий) мало зависит от их эротических предпочтений и от содержания предлагаемого стимула. Однако эротические фантазии тех испытуемых, которым предлагалась сцена с изнасилованием, содержали гораздо больше «насильственных» мотивов, чем у тех, кто видел изображение обычного полового акта по обоюдному согласию. Причем особенно сильной была реакция мужчин, которые и раньше положительно воспринимали этот тип агрессивной сексуальности.

Какой можно сделать вывод? На обычных, средних людей порнография влияет мало, и ее нельзя считать причиной сексуальных преступлений и аномалий. Люди подбирают эротические материалы по своим потребностям, а не наоборот. Однако, судя по лабораторным данным, **насильственная** эротика делает некоторых людей более терпимыми к насилию (не только сексуальному), уменьшает сочувствие к его жертвам и увеличивает готовность участвовать в актах насилия. Ясно, что общество не должно относиться к этому безразлично.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

ОН хотел покататься на своем чудесном «Феррари», но ему опять не разрешили. Вернее сказать, разрешили, но только в качестве пассажира, мол, гололед, опасно. Он в гробу видел такие поездки. Ему нужно сжимать в руках руль и мчаться по своей Москве, пусть не такой большой, как всамделишная — она была выкроена из его участка на Воробьевском взлобке, — но не менее увлекательная для езды: с перекрестками, световфорами, дорожными знаками, придирчивыми постовыми, неосторожными пешеходами, выпаривающими из под серебряного носа машины. Эту маленькую Москву построили для Генсека, когда он захотел сам водить новую машину — великолепный полуночный «Феррари», подаренный ему итальянскими безработными. Регулировщики попадались такие въедливые, что от них не отделаться было штрафом, не откупиться лишней десяткой, приходилось дарить экземпляр последней его книги «Ренессанс» с автографом. Сейчас одрожливая боязнь лишиться шоферских прав, заискивание перед орудовцами, унижительные взятки вспоминались с удовольствием, то была настоящая жизнь, азартная и горячая, а не сонное переполнение изо дня в день. Случалось, он вообще переставал замечать, что живет. То ли его усыпляли, то ли настолько ослабляли все функции организма, что он выпадал из сознания. Считалось, что всё это делается для его же блага, чтобы он в нужную минуту восстанавливал форму, необходимую для руководства государством, борьбы за мир во всем мире, окончательного построения социализма в одной отдельно взятой стране, а также для приема иностранных правительственных делегаций. Он столько женщин не перецеловал за всю свою долгую и богатую летучими романами жизнь, сколько начмокал за последние годы мужских лиц — белых, черных, желтых. Раньше он целовался в аэропортах — он любил эти поцелуи на свежем воздухе, под огромным аэродромным небом, в грохоте прогреваемых моторов, но сейчас встречи и расставания происходили в Кремлевском дворце — торжественно и пышно, но в этих объятиях не было

прежней сладости. Уж больно строгий режим установил ему академик Берендеев, кстати, куда он исчез?.. Сейчас кто-то другой распоряжается командой здоровья, но и его почти не видно, а заправляет всем хамоватый парень по кличке Член. Эта уникальная спасательная команда была создана главой советской медицины Берендеевым специально для Генсека из отборных молодых людей. Каждый мог подменять один из больных, изношенных органов Генерального секретаря: желудок, почки, печень, сердце, легкие, поджелудочную железу, мочевой пузырь и т. д.

Бедный, умирающий, заброшенный соратниками Генсек не знал многих обстоятельств, сопутствующих его угасанию. Так, ему невдомек было, что честолюбивый Берендеев не удовольствовался Ленинской премией за открытие «эффекта Устюжина» (кстати, на дельтоконцентрическую мышцу в форме Олимпийского символа — трех колец в заднем проходе слаботочника Устюжина наткнулся не он, а рядовой проктолог из районной поликлиники) и пробивал себе Нобелевку — не без успеха. Во всяком случае, была достигнута договоренность с Швецией о приобретении Союзским Союзом каравана барж с протухшей треской. Шведские академики — люди бескорыстные, неподкупные, за все сокровища мира не пошли бы на сделку с совестью, но открытие и впрямь было из ряда вон выходящее, к тому же, истинные патриоты, они превыше всего ставили интересы своей суровой и милой родины.

Вместо себя Берендеев оставил своего зама по Академии медицинских наук, и тот, пользуясь отсутствием шефа, старался выловить последние крупички с того золотого дна, каким оказалась для научного мира устюжинская задница. Он подписал договор на книгу «Открытие века» — и другой — на брошюру о жизни и деятельности Устюжина. Помимо гонораров, он твердо рассчитывал схватить за эти работы премию имени Ленинского комсомола. Не богато, конечно, но что поделаешь, если ты попал к шапочному разбору.

В его отсутствие — почти постоянное — за старшего оставался видный

парень с бритым затылком по боксерской моде тридцатых годов, осуществляющий функции пениса. Это ученое и жеманное слово никак не соответствовало его внешности, простой и мужественной, как тот орган, который он представлял в команде, и друзья звали его Членом или еще более коротким, исконно русским словом. Невоспитанный, грубый по природе, он был непозволительно резок с Генсеком, который то ли не замечал этого в своей омороченности, то ли не хотел замечать. Иначе ему было бы страшно. Генсек привык к роли всеобщего любимца, баловня, всякое иное отношение привело бы к губительному стрессу.

Сквозь пелену маразма, опутавшего его разрушенный мозг, он ощущал смутные вей каких-то перемен, но не мог их постигнуть. Раньше было лучше. А чем лучше?.. Пользуясь чужими органами для пищеварения, он по-прежнему вкусно ел и пил, что всегда было для него одним из главных наслаждений. Берендеев не мучил его диетой, лишь слегка ограничил в количестве. И в остальном не знал он никакого ущемления. Его мемуары переиздавались каждый месяц, и критики не скупилась на восторженные рецензии, его осыпали отечественными и зарубежными наградами (парадный мундир со всем металлом весил более двух пудов) и не только в передовицах, но и в глаза стали величать «великим коммунистом». Случалось, и на трибуну выпускали, где он разевал рот под фонограмму, наговоренную артистом-имитатором Дудником. А главное, без его поцелуя не покидал страну ни один глава иноземных государств. Жискара д'Эстена шесть часов в приемной продержали, потому что у Кишечника случился запор, обернувшийся острой непроходимостью у Генсека. Да ведь нельзя же было отпустить ни с чем президента дружественной Франции.

Казалось бы, всё оставалось по-прежнему, нет, исчезло былое тепло, без которого чувствительная душа Генсека чувствовала себя сироткой. А тепло не излучалось на Генсека по той простой причине, что его перестали бояться. От него теперь ничего не зависело, напротив, он зависел от решения соратников длить или пре-

кратить затянувшуюся агонию. Они не давали ему умереть из страха друг перед другом. Лишь один этот еле живой труп препятствовал вспышке властолюбивого соперничества.

И все же Генсеку и тут повезло: он выпал из рассудка ровно настолько, чтобы не знать ни мучительного ожидания конца, ни предсмертной тоски. Впрочем, от легкого волнения, вызванного тенями мыслей, он почувствовал неудобство в мочевом пузыре. Давно вернувшись к младенческим привычкам, он хотел освободиться от тянущей боли простейшим способом, не тревожа окружающих, но как ни тужился, всё тщетно.

— Чле-ен!.. — позвал он жалобно.

— Ну, чего еще? — нелюбезно отозвался тот.

— Пи-пи!..

— Эк же разывает! Сто раз на дню. Что за жизнь проклятая! — Член оглянулся на товарищей. — Пузырь, давай, родной!

Эту операцию нельзя было сделать в одиночку, приходилось звать на помощь Мочевой пузырь — толстого, неповоротливого флегматика, который всё свободное время раскладывал пасьянс «Одноглазый стрелец». Пасьянс никогда не получался, что усиливало тоскливую флегму Мочевое пузыря. Услышав призыв, он с покорным видом смешал карты и поплелся к Генсеку.

Член быстро свинтил его с Генсеком, затем вытащил из штанов того другую трубку, подсосал из нее, как шофер, переливающий бензин из канистры в бак, и присоединил к своей системе. Под креслом Генсека находилась резиновая утка, но Член с присущим ему цинизмом, ничуть не стесняясь коллег (близость к академику Берендееву быстро освобождала людей от чувства стыда и приличия), стал мочиться в кадку с лимонным деревцем.

Как и обычно в последнее время, Генсек проводил свой послеобеденный отдых в зимнем саду среди высаженных в кадки среднерусских и субтропических растений и роскошных кустов роз, насылавших тяжелыми волнами своей густой аромат. Он плохо видел и слышал, почти утратил речь и координацию движений, но сохранил нюх и всегда радовался дневному запаху роз и вечернему — табачков. Освободив мочевой пузырь, он глубоко вобрал ароматный воздух и в некотором просветлении обрел на мгновения окружающую среду. Он увидел лимонные и апельсиновые деревья, и его склонный к обобщениям мозг, очнувшись, дал им определение «цитрусовые», увидел цветы, траву, кактусы, жимолость и объединил всё в одобрительном — «озеленение», увидел оживляющие пейзаж фигуры здоровенных бездельников, подменяющих его органы, и обрел непо-

Рис. К. Валова

сильную задачу: напрашивающееся «народ» к ним никак не шло, это было ясно даже тому комочку серого вещества, которое сохранилось в черепной коробке, неожиданно возникшее слово «требуха» озадачило, отяжелило, а там и вовсе задавило слабый проблеск сознания. Он погрузился в бессмысленное, чисто физиологическое блаженство от сладких запахов, игры красок и света, птичьего щебета в склерозированных сосудах.

И скрывавшемуся за колонной человеку стало до озноба страшно, что от этого полутрупа зависит та громадная сумасшедшая жизнь, что начинается сразу за фрагментом искусственной Москвы и продолжается во все концы настоящего якобы, а на деле такого же призрачного города, где в гигантских каменных коробках сотни тысяч людей ткнут из воздуха, изымают солнечный свет из огурцов и, превзойдя лапутинцев, добывавших питательные вещества из экскрементов, обращают в экскременты все чудом уцелевшее на погубленной ими земле: дары полей, леса и вод, алмазы и золото, железо и медь, уголь и нефть, идеи и нрав-

ственные ценности, искусство и литературу, детство, отрочество и юность, зрелость и старость, любовь и дружбу, честь, совесть и достоинство. А чем дальше от столицы, тем страшнее фантазмагория: льется кровь — своя и чужая — в стране, которая никогда не была нам врагом, и зеленые мальчишки с перекошенными страхом лицами убивают, жгут, грабят нищее население, осаживаются спиртом и наркотиками, учатся быть подонками; мчатся эшелоны, груженные ничем, с надписью «хлопок» на вагонах; потоком утекает в страны, которых и на карте не найдешь, устаревшее оружие и дефицитная пшеница; останавливаются, загнивают реки, иссыхают моря, гибнут озера, засоливается, умирает чернозем, и, убивая последнюю веру молодежи, бесцельно и тупо тянут нитку одноколейки по тысячеверстой таежной зыбкой пустынности. Разбой гуляет по городам, весням и кладбищам, проворовались и спились все от мала до велика, никто никого не любит, а по обезумевшим городам мчатся в черных пуленепробиваемых машинах, парализуя уличное движение, безжа-

лостные, вульгарные, одичавшие от власти и безнаказанности оккупанты собственной страны.

Генсек меж тем загрязил, а когда вновь обрел некоторый контакт с окружающим, то увидел прямо перед собой нечто круглое, тугое, крепкое, как яблоко, и настолько аппетитное, что захотелось попросить кусочек. Эта малая и привлекательная подробность жизни обладала цветом, определить который было не по силам Генсеку: что-то синевато-голубовато-сероватое. Новым постигающим усилием он понял, что смутный и приятный цвет принадлежит ткани, а ткань облекает полусферу, наделенную признаками жизни, она крутилась, трепыхалась, вибрировала, и почему-то движения эти отзывались сладким замиранием внутри Генсека.

— Задница! — громко и отчетливо произнес Генсек и засмеялся от радости, что ему удалось выразить безошибочно точным словом самостоятельное наблюдение.

Да, перед оживившимся взглядом Генсека телепалась обтянутая джинсовой тканью аппетитная попка Селезенки. Возбужденная манипуляциями Члена по освобождению мочевого пузыря Генсека, она пыталась сблизиться его.

— Слышишь? — сказала Селезенка. — По-моему, он меня кадрит.

— Не удивлен, — слюбезничал Член. — Ты и мертвого расшевелишь.

— Товарищ!.. Молодой человек!.. — позвал его Генсек.

— Спятил он, что ли? — взорвался Член. — Сколькo можно?.. Не пойдут!..

— Молодой человек, я вас зову, — голос прозвучал так отчетливо, что Член струхнул. — В Афганистан захотели? Берендеев вам поможет.

— Этого еще не хватало... За все мои труды... — горько бормотал Член, выбираясь из кресла.

— Нет, нет!.. — закричал Генсек. — Не надо... Ты погляди на нее!.. Лапонька... рыбонька!.. — донельзя взволнованный, он ерзал, взмахивал руками, словно пытаясь взлететь, вертел головой, сучил короткими ножками.

— Мать честная!.. — ахнул Член. — Да он токует. Это ж надо! Как рассластился старый пес.

— Я скажу Берендееву... Он не откажет... Золотые пески... море... солнышко... Только помоги мне, милый!..

— Две путевки, — грубо сказал Член. — В Бургас.

— Да... да... только послужи...

— Член быстро свинтил себя с Генсеком, проверил, подключен ли тот к сердцу и легким — не ровен час концы отдаст в порыве страсти, — и сообщил Селезенке, что им светит Бургас, если они угодят старичку.

— Неудобно, вроде, — сказала Селезенка, обведя взглядом поме-

щение.

— Чепуха! Нас не видно. Джинсы оставь, только спусти.

— Паровозиком? — спросила Селезенка.

— Еще чего! Ему и визуально хватит.

— Я такого способа не знаю.

— До чего ж ты темная дура! Визуально значит вприглядку.

— Так бы и говорил! — разозлилась Селезенка. — Больно забурел. Подумаешь, начальник. В гробу я таких видела.

Переругиваясь, оскорбляя друг друга, они устроились в кресле и принялись отрабатывать путевки в Бургас. Генсек тихо и мелодично стоял, глаза сузились в щелочки, а все лицо опустилось в брыли.

— Боже мой, до чего же счастливая жизнь! — думал человек за колонной. — Как расточителен Господь к самым недостойным. За что ему всё?.. Уже за чертой, уже покойник, а до чего же ему сейчас хорошо! За свою долгую жизнь он не сделал ни на грош добра, пустышка, даже без настоящего честолюбия, одно жалкое тщеславие, лягушка, раздувающаяся в вола. Манекен с орденовыми планками. Хладнокровный покровитель всяческого зла, корысти, бесчестности. Ему плавать на Россию, всё только для себя и своей пошлой семьи. Говорят, он не любит крови. А мясорубка Афганистана? А загибающиеся в лагерях диссиденты? А Машеров и Цвигун? Конечно, будут валить на окружение, как валили на бабника Ягоду и плясуна-карлика Ежова — жалких приказчиков смерти.

Любовный полет завершился: бурно, со слезой, у Генсека, хладнокровно — у исполнителей.

— Это всё? — разочарованно спросила Селезенка. — За что тебя Генсек держит?

— Доберешь с Берендеевым, — съязвил Член и отключился от Генсека.

— Кончен бал, — прошептал незримый человек. — Лучше быть не может. Пусть уйдет, как жил, на вершине блаженства.

Из-за колонны показалась нога в генеральском сапоге и наступила на трубку, ведущую к сердцу Генсека. Тот трепыхнулся, как воробей, настигнутый кошкой в миг погружения в благодать свежей навозной кучи, и перестал быть. Но ответ последнего наслаждения запечатлелся на его огромном и ужасном лице.

Эту ухмылку не могли стереть никакие косметические ухищрения кремлевских похоронных гримеров. Вызвали художника Мылова, автора последнего и самого удачного портрета Генсека, где он изображен в маршальской форме верхом на коне. Самого коня не видно — Мылов умел писать только двуногих животных, но богатое кавказское седло удалось

художнику не меньше лица модели: дивно молодого, лихого, отважного, с мудрой складкой меж черных полумесяцев бровей. Мылов долго мудровал над покойником, Генсек вышел из его рук накрашенный и напомаженный, как интердевочка, но неприличная улыбка все так же скашивала дряблый рот. Хотели послать за первым кремлевским маляром Омлетовым, он находился в творческой командировке — писал полковника Каддафи в кругу семьи, но, зная щепетильный нрав ливийского прогрессиста, не решились. К тому же, несмотря на весь труд потрошителей-муляжистов, Генсек стал отчетливо припахивать, подобно старцу Зосиме, что дало возможность придворному поэту Пречистенскому тонко намекнуть в прощальной поэме на святость покойного; кривую ухмылку поэт щедро приписал свету в конце туннеля, которым награждает праведников усиление.

Торжественные, грандиозные похороны собрали всю Москву. Но что-то двусмысленное проглядывало в них, как и во всем долгом, пышном царствовании. Излишняя общительность и нервозность отличала возглавлявших кортеж ближайших соратников — интриги продолжались и у гроба. Ситуация была, как после Смутного времени: не назван преемник, и каждый мог питать надежду, по-мичурински не ожидая милостей от природы.

В колонне студентов МГУ молодые голоса довольно громко пели под траурную мелодию шопеновской сонаты номер два:

*Умер наш дядя, не оставив
ничего.*

*Умер наш дядя, не оставив
ничего.*

*Тетя хохотала, когда она узнала,
Что умер наш дядя, не оставив
ничего!..*

Может быть, чуткое ухо вдовы слышало непочтительный хор, и ей померещилось в глубокой скорби и непомерной алчности, что «дядя» в самом деле обделил семью. Оттолкнув зятя, она выскочила из рядов и в обгон лафета проскочила к колонне генералов, несших на бархатных подушках ордена и звезды покойного числом более пятисот. Цапнула рукой в митинке орден «Победы» и спрятала в сумочку.

На другой день в газетах был опубликован указ, что отный орден «Победы» остается в семье героя. Поскольку у нас закон если даже имеет какую-то силу, то лишь обратную, никого не удивило, что им оправдан задним числом смелый жест вдовы. Это было хорошо придумано: отобрать похищенное все равно не удалось бы, а в будущем никаких потерь отечественная сокровищница не терпела: ушел последний полководец, удостоенный высочайшего ордена державы.

«ОН МОГ БЫ ИЗБЕЖАТЬ НЕПРИЯТНОСТЕЙ, ЕСЛИ БЫ НЕ УВЛЕКСЯ СОЦ-АРТОМ»

Американский арт-истеблишмент находит новое искусство из Советского Союза «подлинным» (т. е. искусством) и в то же время «другим» (т. е. из СССР), а потому и очень привлекательным.

Именно эти тонкие, порой трудноуловимые, особенности

характеризуют и творчество Леонида Сокова. Эмигрант, вот уже десять лет живущий в Нью-Йорке, Соков до сих пор чувствует себя несколько посторонним в американской культуре, постоянно подчеркивает это в своих работах, настаивая на своей «русскости» и доводя ее порой до экстравагантности. Это можно рассматривать как сопротивление машине рынка, которая постоянно стремится поглотить его как свою очередную «жертву». В общем, мы можем сказать, что Соков наслаждается противоречивостью своего положения и в равной степени не склонен ни преуменьшать серьезности тех символов, с которыми он работает, ни желать, чтобы его искусство могло восприниматься абсурдным или бессодержательным. Сила художника проявляется, возможно, именно в том напряжении, которое существует между крайним легкомыслием и несомненной искренностью, характеризующей Сокова как представителя авангарда.

Хотя его искусство и доходит до безоговорочного отвержения патерналистских и догматических черт марксистского государства в самой их основе, Соков никогда не причислял себя к художникам-дисси-

дентам, потому что его творчество изначально несло в себе заряд противодействия официальным идеологическим структурам. Западные исследователи обычно упускают из виду эту едва уловимую деталь, что приводит их к ошибочному заключению, будто конфликт с государством может происходить только из сознательно конфликтного творчества художника. Что касается Сокова, то, несмотря на его вызывающую игру с архетипами, он принадлежал к армии столичных художников, которые поддерживались государством, и вполне мог избежать неприятностей, не увлекись он однажды соц-артом.

Наиболее существенное различие между американским художником, искусство которого базируется на поп-культуре, и советским (даже если он работает в США) заключается в том, что последний вырос в России, где все сферы жизни пронизаны идеологией. В действительности же образ сталинских усов, родимого пятна Горбачева или очертаний Кремля настолько соответствует таким американским иконам, как Мэрилин, Элвис или Мики Маус, что осознание этого создает у нас непривычное ощущение дискомфорта, которое

коренится в нашей иллюзии, что это наш собственный, а не навязанный нам выбор (на самом деле мы в Америке выбираем только наших лидеров).

Интересно, что постоянно поддерживаемая государством мифология тоталитарной системы сама снабжает художника тщательно разработанным аппаратом символов, переработка которых приверженцами соц-арта являет собой более чем триумф интеллекта и более чем пощечину стоящим на страже этих символов. Соц-арт — это всего лишь наиболее естественная и вероятная реакция на окружающий их мир. Если предположить, что существовало какое-то параллельное поп-искусству течение, то им был именно соц-арт со своей во многом противоположной стратегией, так как, хотя русские художники и используют наиболее доступный им материал, вместо того чтобы возвеличивать его, они обращаются с ним достаточно фамиллярно или же развенчивают его монументальное величие, чем и обезоруживают.

ИЗ СТАТЬИ ДАНА КАМЕРОНА
О ХУДОЖНИКЕ ЛЕОНИДЕ
СОКОВЕ

«ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ»

(Перевод В. Еренкова)

ЗНАТЬ ВСЕХ? СЕГОДНЯ ЭТО ВОЗМОЖНО!

Если вы цените время и не желаете тратить его на поиск информации, вам поможет система

«ЗНАЮ ВСЕХ».

«ЗНАЮ ВСЕХ» — это банк адресов предприятий, организаций и кооперативов страны.

Это возможность за считанные минуты найти координаты предприятий

- на указанной территории
- по выбранному профилю
- по неполным данным

и распечатать их списком или прямо на конвертах.

Став обладателем «ЗНАЮ ВСЕХ», вы одновременно приобретаете возможность постоянно пополнять свой банк данных свежей информацией и получать новые версии программного обеспечения на самых льготных условиях.

«ЗНАЮ ВСЕХ» реализована на базе компьютеров, совместимых с IBM PC/XT/AT. Если у вас другая техника или вы просто не успели ее приобрести, разработчики «ЗНАЮ ВСЕХ» готовы сами распечатать для вас всю необходимую информацию.

Кроме этого, ваш адрес и информация о продукции или услугах будут бесплатно помещены не только в «ЗНАЮ ВСЕХ», но и в другие аналогичные банки.

«ЗНАЮ ВСЕХ» сегодня включает более 32 тысяч адресов и стоит 3,6 тысячи рублей.

Получить подробную информацию о банке данных и его возможностях можно по адресу: 107078, Москва, Новая Басманная ул., 16 а. Тел. 261-37-64. Центр непрерывной целевой радиотехнической подготовки.

ДОРОГИЕ МОСКВИЧИ!

Если вы хотите переменить свою профессию или еще не успели ее приобрести, обращайтесь на тонкосуконную фабрику «ОСВОБОЖДЕННЫЙ ТРУД».

На фабрике вы получите возможность стать специалистом текстильного производства, освоить профессии электромонтера, слесаря-сантехника, газосварщика или строительного рабочего. К вашим услугам будут ясли-сад, пионерский лагерь, стол заказов и даже парикмахерская. Кроме того, на территории фабрики находится магазин по продаже тканей и пряжи для своих работников по сниженным ценам.

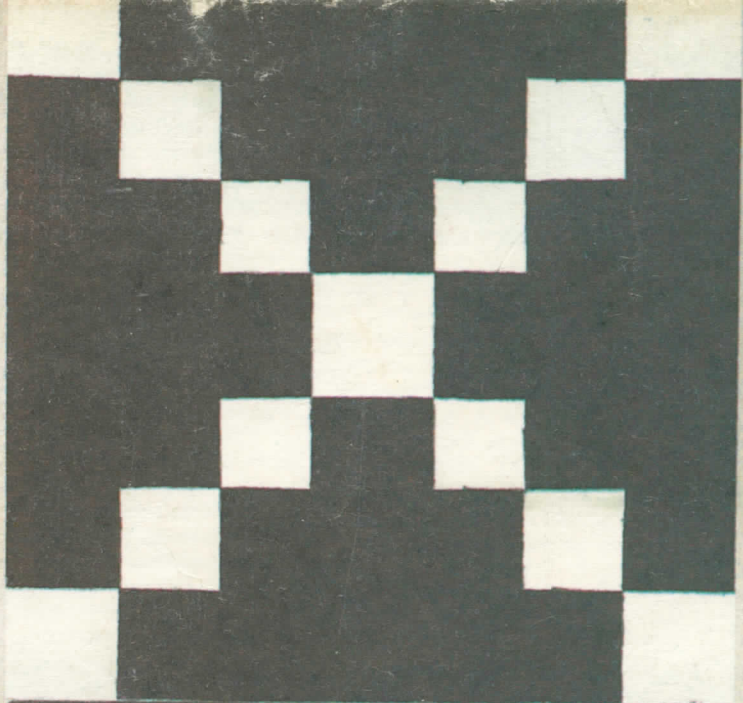
Оплата в период обучения до 180 рублей в месяц, после окончания обучения ваш заработок возрастет до 500 рублей.

Фабрика работает на арендном подряде и выплачивает хорошей вознаграждение по итогам работы за год, за работу в течение года без больничных листов. Гарантируется также безвозмездная ссуда в размере первого взноса при вступлении в ЖСК.

Телефон отдела кадров: 963-50-88.

Гласность. 1989 г. Смешанная
техника. 24×48×5"

БЕРЕГИТЕ ВОЖДА

Берегите вождей. (Диптих) 1989 г. Смешанная техника.
24 × 65 × 2,5"

24-3-198